

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (42) 2021

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (42) 2021

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2021
© Tomsk State University, 2021

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (42) 2021

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2021
© Томский государственный университет, 2021

CONTENTS

No 3 (42) 2021

Nurlan A. Atygayev. Transformation of the semantics of the term and ethnonym <i>kazakh</i> (قزاق / <i>qazaq</i> / <i>kazakh</i>) in the East Desht-i Kypchak	7
Maria P. Bezenova. Morphological features of “The life of St. Theodore” (1913) written in the Udmurt language.....	19
Daria O. Zhornik. Passive voice as a means of marking information structure in Mansi: data from the Upper Lozva dialect.....	33
Vera I. Podlesskaya, Ekaterina S. Ermishina. Quotatives in informal Japanese discourse: grammar and pragmatics	43
Elena L. Rudnitskaya. Negative existential construction with <i>āč'in</i> in Evenki: the internal syntactic structure	60
Natalia S. Yakhontova, Enkhbatyn Munkhtsetseg. Discrepancies in the thematic order in the explanatory Manchu-Mongolian dictionary (1717).....	76

РЕЦЕНЗИИ

Leonid M. Ivshin. A new life of the unique manuscript (<i>O. A. Sergeev. Vasiliy Kreknin, Ioann Platunov</i> «A short Mari dictionary with Russian translation»: a linguistic analysis (supplied with a dictionary). Yoshkar-Ola, 2020. 348 pages).....	85
Julia V. Normanskaja. The first Mari dictionary — an archaic text or concordance of the words from different Mari dialects? (<i>O. A. Sergeev. Vasiliy Kreknin, Ioann Platunov</i> «A short Mari dictionary with Russian translation»: a linguistic analysis (supplied with a dictionary). Yoshkar-Ola, 2020. 348 pages).....	90

PERSONALIA

Vladimir M. Alpatov. The importance of S. A. Starostin’s work for the comparative linguistics	100
Style sheet	106

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (42) 2021

Н. А. Атыгаев. Трансформация семантики термина и этнонима <i>қазақ</i> (قازاق/ <i>qazaq</i> / <i>казах</i>) в Восточном Дешт-и Кыпчаке	7
М. П. Безенова. Морфологические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке	19
Д. О. Жорник. Пассивный залог как один из компонентов выражения информационной структуры в мансийском языке: данные верхнелозьвинского диалекта	33
В. И. Подлеская, Е. С. Ермишина. Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика	43
Е. Л. Рудницкая. Отрицательная экзистенциальная конструкция с <i>āchin</i> в эвенкийском языке: внутренняя синтаксическая структура	60
Н. С. Яхонтова, Э. Мунхцэцэг. Случаи нарушения тематического принципа в толковом маньчжуро-монгольском словаре (1717 г.)	76

РЕЦЕНЗИИ

Л. М. Ившин. Новая жизнь уникальной рукописи (<i>О. А. Сергеев.</i> Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемиской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020. 348 с.)	85
Ю. В. Норманская. Первый черемисский словарь — архаический текст или конкорданс слов из нескольких марийских диалектов? (<i>О. А. Сергеев.</i> Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемиской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020. 348 с.)	90

PERSONALIA

В. М. Алпатов. Значение трудов С. А. Старостина для компаративистики	100
Требования к оформлению статей.....	106

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Трансформация семантики термина и этнонима *қазақ* (قزاق/*qazaq*/*kazakh*) в Восточном Дешт-и Кыпчаке

Атыгаев Нурлан Адилбекович, Центральный государственный музей Республики Казахстан (Алматы),
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (Атырау); nuratygaev@mail.ru

Статья посвящена исследованию термина и этнонима *қазақ* (казах), являющегося этническим названием основного населения Республики Казахстан. В статье высказывается предположение, что термин *қазақ* происходит от тюркского глагола *қаз*- ‘копать, рыть’. Возможно, им первоначально обозначали молодых людей, перешедших к казакованию и живших не в юртах, в отличие от кыпчаков-кочевников, а в домах, которые сами вырыли, выкопали в лесных и горных массивах.

Выделяются следующие этапы развития термина *қазақ* в Восточном Дешт-и Кыпчаке XIII—XVI вв. 1. С XIII в. до второй половины XIV в., словом *қазақ* называли неженатых, молодых людей, которые на время рвали связи со своим родственниками и добровольно уходили в отдаленные места, где проходили своеобразную школу выживания. Термин *казаклык* ‘казакование’ обозначал обычай «смелости и мужества». 2. Со второй половины XIV в. по 1465 г., в Восточном Дешт-и Кыпчаке (и в бывшем Чагатайском улусе) словом *қазақ* в первую очередь называли чингизидов, которые в условиях политической борьбы были вынуждены оставить свои исконные владения и заняться казакованием. Термин *казаклык* обозначал распространенный в среде чингизидов метод политической борьбы, а также, как и ранее, обычай «смелости и мужества». 3. С 1465 г. до конца XV в., с созданием государства в междуречье Шу и Или, словом *қазақ* соседи стали называть его население. 4. С конца XV в. до середины XVI в. происходит этнополитическое разделение населения «Узбекского улуса», появляются три этнополитические общности, происхождение которых связано с «Узбекским улусом» — ногаи, узбеки-шибаны и казахи. В этот период термин *қазақ* был этнополитонимом. 5. С середины XVI в. термины *қазақ* и *алаш* стали отражать самоидентификацию населения Казахского ханства, Казахстана, а для соседних народов термин *қазақ* стал употребляться как этноним для обозначения его населения.

Ключевые слова: этноним, политоним, *қазақ* (казах), «казаклык»/казакование, Казахское ханство, Керей-хан, Жанибек-хан, исторические источники, «Тарих-и Рашиди»

TRANSFORMATION OF THE SEMANTICS OF THE TERM AND ETHNONYM *KAZAKH* (قزاق / *QAZAQ* / *KAZAKH*) IN THE EAST DESHT-I KYPCHAK

Nurlan A. Atygayev, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty),
The State Historical and Cultural Museum-Reserve «Saraychik» (Atyrau); nuratygaev@mail.ru

The article is devoted to the study of the term and ethnonym *Qazaq/Kazakh*, which is the ethnic name of the main population of the Republic of Kazakhstan. The article suggests that the term *Qazaq* comes from the Turkic verb *qaz*- ‘dig’. Perhaps this term meant young Turkic people who switched to *qazaqliq* (free, or *qazaq* style of living), and, unlike the nomadic Kipchaks, used to live not in yurts, but in dugouts that they themselves dug up in forest and mountain ranges.

The following stages in the development of the term *qazaq/Qazaq* in East Desht-i Qipchaq of the 13th—14th centuries are highlighted. 1. In the 13th — the 2nd half of the 14th century, the word *qazaq* was applied to unmarried young people who temporarily broke off ties with their relatives and went to remote places, where they passed a kind of a school of survival. The term *qazaqliq* denoted the custom of “bravery and courage”. 2. From the 2nd half of the 14th century to 1465, in East Desht-i Qipchaq (and in the former Chagatai ulus) the word *qazaq* was primarily applied to Chingizids, who in the conditions of political struggle were forced to abandon their original possessions and take up the *qazaqliq*. The term *qazaqliq* denoted the method of political struggle, widespread among the Chingizids, as well as the custom of “bravery and courage” as before. 3. From 1465 to the end of the 15th century, with the foundation of an independent state between Shu and Ili rivers, their neighbors began to call its subjects *Qazaqs*, and the term became a politonym. 4. From the end of the 15th century until the middle of the 16th century, the ethno-political division of Uzbek Ulus took place. Three ethno-political communities originating from Uzbek Ulus emerged: *Nogai*, *Shiban Uzbeks*, and *Qazaqs*. During this period, the term *qazaq* became an ethno-politonym. 5. From the middle of the 16th century till today, the terms *Qazaq/Kazakh* and *Alash* began to reflect the self-identification of the population of the Kazakh Khanate, Kazakhstan, and the term *Qazaq/Kazakh* has acquired an ethnic meaning and started to be used as an ethnonym to refer to the population of the Kazakh Khanate.

Keywords: ethnonym, politonym, *Qazaq/Kazakh*, *qazaqliq*, Kazakh Khanate, Kerey Khan, Janibek Khan, historical sources, “Tarih-i Rashidi”

Статья подготовлена в рамках реализации проектов ГФ №АР09562452, ГФ №АР09261233.

Этноним *қазақ* (قزاق/*qazaq/казах*) является этническим названием основного населения Республики Казахстан. На сегодняшний день численность казахов в мире приблизилась к 19 миллионам человек, из которых более шести миллионов живут за пределами Казахстана.

Исследование истории термина и этнонима *қазақ* имеет свою богатую историографическую традицию. Более двухсот лет ученые пытаются выяснить происхождение и раскрыть семантику этого слова. Первые научные попытки в этом направлении стали предприниматься исследователями Российской империи еще в начальный период их знакомства с казахами. Вопрос о происхождении казахов и их этнического самоназвания поднимали в своих работах В. Н. Татищев, П. И. Рычков, И. Фишер, А. И. Левшин и др. Данный вопрос не остался без внимания и со стороны ученых советского периода — В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича и др. Естественно, интересовала эта проблема и казахских исследователей XIX — начала XX в.: Ч. Ч. Валиханова, А. Н. Букейханова, М. Т. Тынышпаева, С. Ж. Асфендиярова и др. (Историографию проблемы см.: [Ибрагимов 1960: 67—71; Кляшторный, Султанов 1992: 250—258; Кумекон 1997; История Казахстана 1997: 32—40]). Рассматривая этот вопрос, М. Т. Тынышпаев и С. Ж. Асфендияров пришли к мнению, что искать значение слова *қазақ* бесполезно [Тынышпаев 1993: 124; Асфендияров 1935: 71].

Тюркологи Запада также обращали свое внимание на вопрос о происхождении термина *қазақ*. Хорошо известны посвященные этой проблематике работы немецкого исследователя Аннемари фон Габен и американского востоковеда О. И. Прицака, которые искали истоки слова *қазақ* в глаголах *qaz-* и *qazuqan-*, известных из древнетюркских надписей VIII в. [Gabain 1960: 161—67; Pritsak 2006: 237—243].

В целом в течение XVIII—XXI вв. было предложено множество различных версий — от научных до выдуманных «диких» этимологий относительно происхождения и семантики термина и этнонима *қазақ*. По подсчетам академика А. Т. Кайдара, высказаны около 150 этимологических и этнолингвистических предположений об этом слове [Кайдар 2008: 345]. «Многочисленные попытки выяснить происхождение этнонима превратились в состязание на лингвистическое остроумие. Безуспешность их породила скептицизм в отношении способностей филологов решить вопрос», — отмечал еще в советский период В. П. Юдин [Юдин 2001: 137].

Однако попытки выяснить происхождение и семантику слова *қазақ* предпринимаются и в наши дни. Одна из таких попыток была недавно предпринята молодым казахским арабистом К. Кыдырбаевым, который считает, что это слово обозначало «отделившийся со своим имуществом», «отдельно поставивший юрту» и т. п. (каз. яз. — «үйге кірген, үйлі болған, бөлінген»). По его мнению, в оригинале так называемого «Кыпчакско-арабского словаря» арабским эквивалентом кыпчакского слова *қазақ* является арабское слово *المُحَرَّد* [эл-мухэррад], а не *المَجْرَد* [эл-мужэррад], как полагали голландский востоковед М. Т. Хоутсма и последующие исследователи [Кыдырбаев 2015]. Однако данное мнение не подтверждается материалами исторических источников XV—XVII вв., в которых зафиксировано социальное значение термина *қазақ*.

Помимо трудов казахских ученых, трактовки термина *қазақ* содержатся и в работах современных зарубежных исследователей. «Этноним *казах* имеет общее происхождение со словом *казак* и образован от тюркского глагола *qac-* “бежать”, “сбежать”, отсюда *qacq* — “сбежавший”, “беженец”, “вольный человек”. Так называли кочевников, неподчиняющихся закону и ведущих вольный образ жизни, т. е. они были вне государства и его порядков», — считает узбекский арабист Ш. С. Камоллидин [Камоллидин 2018: 50]. Следует отметить, что такая точка зрения на отношение казахов к государству довольно распространена в научной литературе. Поэтому здесь, на наш взгляд, уместно привести слова В. В. Бартольда, который еще в начале XX в. подчеркивал, что «несмотря на свое название, казахи не отвергали ни традиций степной государственности, ни прав потомков Чингиз-хана» [Бартольд 1963: 270]. На то, что у казахов до XIX в. сохранялись правовые нормы Ясы Чингисхана (некоторые из них, возможно, только приписывались ему), указывали многие исследователи казахского права. В частности Я. Гурлянд писал: «...Чингисова “Великая Яса” была важнейшим законодательным уложением киргизов (казахов. — *Авт.*) того времени. Киргизские законы очень похожи на древние монгольские уставы...» [Қазақтың ата заңдары 2005: 256]. Эти утверждения исследователей вытекали и из сообщения самих казахов. Например, П. И. Пашино в работе «Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки» указывал, что казахи говорили ему: «...у нас Чингиз-ханова яса, его обычаи» [Путевые заметки 1868: 83].

Современный канадский исследователь Joo-Yup Lee, автор исследования “Qazaqliq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs”, считает, что словом *qazaq/қазақ* обозначалось «политическое бродяжничество», а термин *qazaqliq/казаклык* означал «обычай политического бродяжничества». Он пишет: «“Қазақ” был политическим бродягой, который покинул свое государство или племя, блуждал в некоторых отдаленных районах, служивших ему убежищем, и занимался разбоем, чтобы вернуться, или прийти к власти, или, по крайней мере, совершить набег на добычу. По сути, “Қазақ” был амби-

циозным разбойником» (“A qazaq was a political vagabond who left his state or tribe, wandered in some remote areas that served as a place of refuge, and engaged in brigandage in order to return or rise to power, or at least to raid for booty. In essence, a qazaq was an ambitious brigand”) [Lee 2015: 164].

Однако при таком рассмотрении семантики термина *فراق/қазақ* непонятно его отличие от тюркского слова *فراق/қарақ*, или *فراقچی/қарақшы*, которым в средневековом казахском обществе называли разбойников [Юдин 2001: 150]. Например, в послании Тауке-хана к русскому воеводе говорилось: «С каких это пор было, чтобы посланца (илчи) задерживали как разбойника (қарақчи)» [Эпистолярное наследие 2014: 87]. Еще А. Н. Самойлович, рассматривая значение слова *қазақ*, писал: «Сомнительным для классического чагатайского языка является неподтвержденное цитатами значение “разбойник”» [Самойлович 1927: 10]. М. Т. Тынышпаев также отмечал, что «когда хотят сказать по-джагатайски разбойник, никогда это понятие не выражают словом “казак”». Он указывает, что «по-джагатайски разбойник — қарақчи» [Тынышпаев 1993: 124].

Согласно мнению А. Н. Самойловича, высказанному еще в 1927 г., слово *қазақ/казак* появилось не ранее XI в. на территории, подвластной кыпчакам, и обозначало социальное состояние человека, отделившегося от своего государства, племени или рода и принужденного вести жизнь искателя приключений [Самойлович 1927: 13]. Позже это его определение было дополнено и расширено Т. И. Султановым, который писал, что первоначально слово *қазақ* «имело нарицательное значение в смысле свободный, бездомный, скиталец, изгнанник. Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, слово *казак* обозначало всякого вольного человека, отколовшего от своего народа и племени или своего сеньора и принужденного вести жизнь искателя приключений» [Кляшторный, Султанов 1992: 250]. В 90-е гг. XX в. Б. Е. Кумекоев, специально рассмотревший данный вопрос, пришел к заключению о бытовании в IX—X вв. в обществе кыпчаков Восточного Дешт-и Кыпчака социальных, а в XI—XII вв. — этносоциальных группировок под названием *қазақ*. «Однако из этого не следует вывода об образовании в предмонгольское время этноса казак, тем более о формировании казахской народности», — резонно отметил исследователь [История Казахстана 1997: 300]. Некоторые современные специалисты считают, что слово *қазақ* долгое время бытовало в качестве соционима, обозначавшего в тюркском обществе после монгольского времени определенную социальную группу, а также определенный тип социального поведения [Краткий энциклопедический словарь 2014: 207].

Как известно, в исторической литературе до последнего времени доминировало мнение, что основу казаков в России и Украине составили беглые крестьяне. Рассматривая советскую историографию истории казачества, В. В. Грибовский указывает: «Основным источником пополнения казачества были признаны крестьяне, бежавшие от феодального гнета из центральных районов на степную периферию» [Казачество 2018: 25]. Такой способ формирования казачьих общин был характерен для европейской части Евразии. Совершенно другой, на наш взгляд, была природа формирования феномена «казаклык»/казакования в кочевой тюркской среде.

Впервые термин *فراق/қазақ* зафиксирован в труде XIII в. «Китаб-и Маджму’-и Тарджуман-и Турки ва ‘Аджами ва Мугали ва Фарси» Халила бин Мухаммада бин Йусуфа ал-Кунави. Именно это сочинение, написанное в 1243 г., исследователи долгое время ошибочно называли «анонимным тюрко-арабским словарем», «арабо-кыпчакским словарем», «кыпчакско-арабским словарем» и датировали 1245 г. В этом труде ал-Кунави приводится следующее толкование интересующего нас слова: «*qazaq* — холостой, вольный человек, казак; *المجرد* холостяк; отказавшийся от от мирских благ, аскет» [Гаркавец 2019: 576].

Исследуя «Китаб-и Маджму’-и Тарджуман-и Турки ва ‘Аджами ва Мугали ва Фарси», А. Н. Гаркавец приходит к выводу, что «термин казак указывает на гражданское состояние отдельно взятого человека, индивида — неженатый, не связанный узами брака, семьи (укр. *козак* // *парубок* парень, еще не женатый молодой человек, юноша), а в равной степени его общественный статус — одиночка, одиночник, никому не подчиненный, ни от кого не зависящий, вольный, свободный, неподвластный, не связанный общественными обязанностями и повинностями, самостоятельный, сам себе господин» [Гаркавец 2015: 36]. Развивая далее эту мысль, В. В. Грибовский считает, что в труде ал-Кунави, когда объясняется смысл слова *қазақ*, речь идет о возрастном классе неженатой, «гулящей» мужской молодежи, мужском союзе, действующем вне семейного пространства» [Казачество 2018: 94]. Далее автор пишет, что раннее казачество (казаклык) представляет собой мужской союз, заключающий в себе возрастные классы, выстроенные по рангам, обретаемым на основе инициации [Казачество 2018: 171]. Однако если этот союз разделен на возрастные классы и делится по рангам, то вышеприведенные А. Н. Гаркавцом характеристики общественного статуса *қазақ* неприемлемы. Если человек состоит в союзе с кем-то, то он не может быть одиночкой и одиночкой, он также не может быть полностью свободным, т. к. в таком союзе также обязательно должна существовать внутренняя соподчиненность.

Это значение слова *қазақ/казак* как неженатого человека фиксирует и В. В. Радлов, который в «Словаре тюркских наречий» указывает: «казак кіші, казак жігіт неженатый человек, холостяк — ein unverheiratheter Mensch, Junggeselle» [Радлов 1899: 365].

Следует отметить, что казакование/«казаклык», на наш взгляд, было прежде всего характерно для маргинальных зон. Переход к казакванию вел к изменению всей сущности хозяйства кочевника. Теперь он свою жизнедеятельность обеспечивает не скотоводством, как ранее, а живет за счет охоты и военных набегов. Поэтому, вероятно, правы те исследователи, которые видели основу слова *қазақ* в тюркском глаголе *қаз-* — копать, рыть. «Глагол *қазған-// қазған-* является, по-видимому, производимым от глагола *қаз-* “копать” с первичным значением “докапываться”, “добиваться”, “достигать”... Мы полагаем, что слово *қазғақ* и является первичной формой слова *қазақ*, т. е. *қазақ* является в конечном счете производным от корня, общего со словом *қазған-// қазан*», — писал, в частности, В. П. Юдин [Юдин 2001: 161]. Соглашаясь с ним, мы также считаем, что исходной формой термина *қазақ* было *қазғақ*. Этим словом называли молодых людей, перешедших к казакванию и живших не в юртах, в отличие от кыпчаков-кочевников, а в домах, которые они сами вырыли, выкопали в лесных и горных массивах. Возможно, что эти юноши могли носить гордое имя *қазақ* только после прохождения своеобразного обряда посвящения — инициации [Зуев 1998: 49—100; Галиев 1997: 49—50, 65].

Однако простой кочевник не мог в одиночку заниматься казакванием. В аридной зоне Евразии, где население в основном жило за счет скотоводства, «ни один индивид не мог самостоятельно обеспечить выполнение всех минимально необходимых для жизни производительных функций» [Масанов 2011: 378]. Иными словами, простой кочевник не может один выжить в степи. Поэтому такие люди должны объединяться в общины, однако даже так сложно выжить, особенно зимой, в суровых степях Евразии. Так, например, Захир ад-Дин Бабур отмечал: «В ту зиму некоторые из наших воинов не могли больше казачествовать с нами и попросили разрешения уйти в Андиджан» [Бабур 1992: 84]. А ведь этот тимурид и его люди казаквали в Средней Азии, климат которой был более мягким по сравнению с Восточным Дешт-и Кыпчаком.

Однако до второй половины XIV в. переход кочевого населения Дешт-и Кыпчака к «казаклык»/казакванию, на наш взгляд, был очень редким явлением. Как известно, с XIII в. Дешт-и Кыпчак входил в состав Улуса Джучи и являлся частью империи Чингисхана, в которой действовали правовые нормы Ясы. Одна из норм Ясы устанавливала запрет на свободное перемещение подвластного населения. В «Тарих-и Джахангушай» имеется следующее указание: «А еще яса такая: чтобы никто из тысяч или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других» [Сокровенное сказание 2015: 270]. Плано Карпини (XIII в.) также утверждал, что, согласно монгольским законам, «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же десятникам» [Сокровенное сказание 2015: 454].

В. В. Трепавлов отмечает, что в Монгольской империи центральная власть не допускала «самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации» [Казачество 2018: 173]. По его мнению, к первой половине XV в. ситуация изменилась, в это время в Улусе Джучи появляется степная вольница, обозначаемая в тюркском языке словом *казак/қазақ*. «Во второй половине XV в. казаки начинают фигурировать в источниках как заметный элемент социальной структуры и как участники политических событий», — пишет исследователь [Казачество 2018: 173—174]. На наш взгляд, это произошло еще раньше, в период «Великой замятни», которая началась в 1359 г. после смерти Бердибек-хана. Ослабление центральной власти и борьба за Сарайский престол привели к тому, что к казакванию перешли представители степной элиты, которые также претендовали на трон, но были менее удачливы, чем их родственники.

В труде «Кара таварих» Утемиша-хаджи указывается, что чингизид Хидыр-хан возглавлял группу «казак» [Утемиш-хаджи 2017: 52]. Этот хан был убит в 1360 г., т. е. в период «Великой замятни». Согласно Утемиш-хаджи, в 60-е гг. XIV в. некоторое время казаквал другой чингизид — Тохтамыш-хан [Утемиш-хаджи 2017: 55].

В других источниках содержатся сведения о «казаклыке»/казаквании Шибанидов Абу-л-Хайр-хана и его внука Мухаммеда Шейбани-хана, Кучум-хана и др. [Кляшторный, Султанов 1992: 251]

Источники указывают, что такими казахами были и Керей и Жанибек, потомки Урус-хана и будущие основатели Казахского ханства. Так, например, Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат писал: «Так как они [Кирай и Джанибек] сперва, бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их прозвали казахами, и прозвище это закрепилось за ними» [МИКХ 1969: 222]. Это же подтверждается сведениями «Тарих-и Кашгар»: «Убегая от Абу-л-хайра, Курай хан с Джанибек ханом ушли в Могулистан. В улусе могулов правил Исанбуга хан, пришло разруше-

ние ///, этим дали название казахи, по причине того, что одинокие /// (жили), прячась (убегая?) от других, стали называть их казаками» [Миргалеев, Сайфетдинова 2015: 85].

Во второй половине XIV в. казаковали и в бывшем Чагатайском улусе. В связи с событиями 1376 г. в тимуридской историографии встречается выражение «Казакская тысяча» — «хазаре-йи казак» [Йазди 2008: 82]. В «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара сообщается о казаковании Тоглук-Тимуридов — Уайс-хана и Саид-хана. Мирза Мухаммед Хайдар о будущем хане Могулистане Уайс-хане пишет так: «После смерти отца он находился при дяде Шир Мухаммад хане, а когда достиг совершеннолетия, то стал тяготиться этим, ушел от него и начал появляться в разных местах по обычаю казакования. В улусе моголов каждый юноша, считающий себя бахадуром и претендующий на это, шел к нему» [Мухаммед Хайдар 1999: 91].

Известно также, что казаковали тимуриды Султан Хусеин и Захир ад-Дин Бабур [Кляшторный, Султанов 1992: 251].

Таким образом, в этот период «казаклык»/казакование становится методом политической борьбы. Термином *қазақ* стали в первую очередь обозначать представителей высшей знати, которые в период неудачной борьбы за престол временно занялись казакованием на окраинах степей. И не зря Захир ад-Дин Бабур определяет время своего казакования как время «казачества и безвластия» [Бабур 1992: 152].

Исследователям хорошо известно и часто цитируется объяснение, данное термину *قزاق/қазақ* аштарханидским ученым-историком Махмудом ибн Эмир Вали, который в своем труде «Бахр ал-асрар» пишет: «Так как в [самом] начале [после] прибытия в Могулистан они проводили время в набегах на калмаков и киргизов и грабежах их и на окраинах областей занимались разбоем, к этому народу (тайифа) пристало имя казак» [МИКХ 1969: 353]. Вместе с тем нужно понимать, что слова Махмуда ибн Эмира Вали отражают взгляд представителя «оседлого» мира (жителя города Балха), плохо знакомого с особенностями жизни, традициями и обычаями кочевников. Также следует учитывать тенденциозность историка, служившего у политических противников казахов — Аштарханидов.

Иначе характеризуются казахи в произведениях средневековых историков, предки которых принадлежали к кочевой среде и хорошо знали ее обычаи и традиции. Например, тимурид Захир ад-Дин Бабур, который сам некоторое время казаковал и был казаком, отзывается о казаках как об отважных «молодцах-казаках» (قزاق بيگيت لار) [Бабур 1992: 67; Бабур-намэ 1857: 88]. В своем труде он говорит о Толун-ходже-могуле как об одном из мужественных, выдающихся и казахских джигитов (مردانه و سرآمد و قزاق بيگيتلار يدين ايدى). Далее он пишет еще раз: «Удивительно мужественным, казахом был йигит» (عجب مردانه و قزاق بيگيت ايدى) [Бабур-намэ 1857: 65]. Несколько иначе переведен этот отрывок на русский язык у М. А. Салье: «Тулун Ходжа из [племени] Барин был один из самых смелых, храбрых и удалых йигитов... Удивительно смелый и удалой был йигит» [Бабур 1992: 557]. Как видим М. А. Салье слово *қазақ* переводит как «удалой». Отметим также, что и иранский историк XVI в. Гияс ад-Дин Хондемир называет подчиненных Тулун-ходжа-могула «отважные казахские люди» (مردم قزاق دلاور) [Тарих-и Хабиб ас-сийар 2001—2002: 231].

Мирза Мухаммед Хайдар рассматривает казакование как некий обычай и пишет несколько раз «по казакскому обычаю» (به رسم قزاقى) [Тарих-и Рашиди 2004: 87, 91]. Какой это был обычай, позволяет понять следующее его сообщение: «Среди племен мира у племени моголов есть такой обычай: их смелые юноши долгое время живут в одиночестве в пустыне, в горах или лесах, которые удалены от людей на один-два месяца пути. Одеждой и пищей им служат шкура и мясо газели, и это они считают смелостью и мужеством, и это, в самом деле, очень трудное и опасное дело» [Мухаммед Хайдар 1999: 218]. Хотя автор говорит, что это обычай моголов, вероятно, этот обычай был характерен и для политической элиты Восточного Дешт-и Кыпчака.

Естественно, элита казаковала не в одиночестве. В сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» приводятся имена людей, казаковавших вместе с Шибанидом Абу-л-Хайр-ханом: Кирни-Таринчак-бахадур, Илин-ходжа, Суфра-ходжа, Йакуб-ходжа, Йусуф-ходжа, Кара-Камыш-Бахрам-ходжа, Йункачук-Толун-ходжа, «из минбеги тумана» Кылыч-бай-бахадур, Бурджи-Кара-Даулат-ходжа-бахадур, Йабагу, Йахши-ходжа, Инка-ходжа, Йумадук, Дарвиш-бахадур, Шайх-Мухаммад-бахадур, Кудагай, Усман-бахадур, Инак-Йаглы-ходжа, Уруш-бахадур [МИКХ 1969: 16—17]. В «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи также приводятся имена казаков-сподвижников Абу-л-Хайр-хана: Йахши-бек-бахадур, Кутлук-Бука-бахадур, Йакуб, Кара-Кирай, Шайх-Суфи-бек, Али-хаджи, Даулат-ходжа, Кара-Усман, Суфи-бек, Акча-Урус, Ходжа-Лак-бахадур, Йумадук-бахадур, Сабур-Шайх-бахадур, Йадгар-бахадур. Камал ад-Дин Бинаи еще упоминает следующие имена казаков Абу-л-Хайр-хана: Йакуб-ходжа, Йусуф-ходжа, Кырк-Беш-Бахрам-ходжа, Тункачук-и-Тулун-ходжа, Кылыч-бахадур, Йоджи-Кара, Даулат-ходжа, Йапагу, Бахти-ходжа, Инка-ходжа, Йумадук, Дарвиш-бахадур, Шайх-Мухаммад, Караугай, Усман-бахадур,

Инак-Йаглы-ходжа, Урус-бахадур [МИКХ 1969: 96—97]. Как видим, эти люди были также представителями степной кочевой элиты — бахадур, ходжи, беки и минбеги.

В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» эти люди, сопровождавшие Шибанида Абу-л-Хайр-хана во время казакования, предстают батырами (бахадурами), которые «рубил саблями», «проявили усердие», «стали причиной его могущества» [МИКХ 1969: 16—17]. Схожую характеристику дает им автор «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи, когда говорит о них: «Общество (“джамаат”) эмиров, которые во время казачества [Абу-л-Хайра] жертвовали собой, стали причиной могущества хана... Эти сподвижники... во время казачества [Абу-л-Хайр-хана] проявили верность и завоевали страны» [МИКХ 1969: 96]. Еще в одном месте он пишет: «Другое общество из казаков, [которые] во времена казачества также самоотверженно сражались» [МИКХ 1969: 97].

Даже Махмуд ибн Эмир Вали, тенденциозность которого мы отмечали выше, отзывается о спутниках-казаках Керей и Жанибека как о людях «достойных признания» [МИКХ 1969: 353].

В XVI в. историк Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани значение термина *қазақ* перенес (не без причины) на все население Казахского ханства, когда писал: «Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустранимостью (قوة و بأس)» [Ибн Рузбихан 1976: 62; Михман-наме-йи Бухара 1976: 41]. Так характеризовали казахов и в Западной Европе. В 1705 г. голландский исследователь Николаас Витсен в своей книге «Северная и Восточная Тартария» писал: «Откуда возникло название “козаки”, что оно обозначает, — мне не известно, однако я предполагаю, что это имя им было дано, потому что они воины и очень храбрые» [История Казахстана 2006: 150]. В другом месте он отмечает, что казахи «искусные всадники, великолепные воины» [История Казахстана 2006: 87].

Ч. Ч. Валиханов совершенно справедливо отмечал: «...имя казак (قزاق)... в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость — соответствовало европейскому рыцарству» [Валиханов 1985: 152]. В. П. Юдин также обращал внимание, что слово «казак» у украинских казаков было синонимом слова «рыцарь», а у донских казаков оно было синонимом слова «мушцын» (мужчина). Он же отмечал, что в тюркских языках за словом *казак* закрепились значения «одинокий», «неимуший», «мужчина», «муж», «удалец», «герой» и т. д. Исследователь писал: «В глазах простых смертных казак был олицетворением мужества, отваги, стойкости, неприхотливости» [Юдин 2001: 149—150].

Тем самым «казаклык»/казакование было, с одной стороны, методом политической борьбы, с другой — обычаем смелости и мужества. Этим объясняется свидетельство исследователей XIX в. (Ч. Ч. Валиханов, Г. М. Броневский) о том, что казахи гордились своим этническим наименованием [Валиханов 1985: 152; Записки 1830: 170].

Таким образом, подытоживая вышеприведенные материалы, мы можем предположить следующие этапы развития термина *қазақ* в Восточном Дешт-и Кыпчаке XIII—XVI вв.

Первый этап: XIII в. — вторая половина XIV в. Словом *қазақ* на этом этапе называли неженатых, молодых людей, которые на время рвали связи со своим родственниками и уходили в отдаленные места, где проходили своеобразную школу выживания. Причем уход этот был добровольным, и никто не был «принужден вести жизнь искателя приключений». Эти юноши, возможно, становились казаками через особый обряд инициации.

Тем самым, слово *қазақ* в это время не несло никакого негативного значения и не было связано с понятиями «беглец», «сбежавший» и др. Однако количество людей, перешедших к казакованию и ставших «казаками», в тот период было очень незначительным.

Термин «казаклык»/казакование обозначал в тот период обычай «смелости и мужества».

Второй этап: со второй половины XIV в. по 1465 г. На этом этапе в Восточном Дешт-и Кыпчаке (и в бывшем Чагатайском улусе) словом *қазақ* в первую очередь называли чингизидов, которые в условиях политической борьбы были вынуждены оставить свои исконные владения и заняться казакованием. Ушедшие в Могулистан джучиды Керей и Жанибек были одними из таких представителей степной элиты, боровшихся за престол и вынужденно оставивших свой йурт (юрт).

Термин «казаклык»/казакование обозначал распространенный в среде чингизидов метод политической борьбы, а также, как и ранее, обычай «смелости и мужества».

Третий этап: с 1465 г. до конца XV в. С созданием Керей-ханом и Жанибек-ханом своего государства в Жетысу словом *қазақ* соседи стали называть подвластное им население. Так термин *қазақ* приобрел значение политонима.

Согласно «Тарих-и Рашиди» чагатайского историка Мирза Мухаммед Хайдара дуглата, людей, признавших власть ханов Керей и Жанибека, «стали называть “узбек-казаками”» [Мухаммед Хайдар 1999: 108]. Далее историк применяет это наименование для обозначения подданных казахских ханов Керей и Жанибека и их первых преемников.

Следует отметить, что в исторических источниках шибанидского круга термин «узбек-казах» не встречается. В написанных в первой половине XVI в. исторических трудах «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи, «Зубдат ал-асар» Абдаллаха Балхи, «Бадаи ал-вакаи» Зайн ад-Дина Васифи подвластное ханам Кереею и Жанибеку и их потомкам население названо «казахами» [МИКХ 1969: 107, 132—133, 177]. Население Казахского ханства за редким исключением в мусульманских сочинениях этого периода именуется «казахи».

Термин «узбеки-казахи» фигурирует кроме «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара дуглата в «Бахр ал-асар» аштарханидского историка Махмуда ибн Вали. Однако из текста видно, что он использует этот термин, когда повторяет сведения «Тарих-и Рашиди» [МИКХ 1969: 329, 353], а в остальных случаях он пишет «казахи» [МИКХ 1969: 329—335, 337, 365—366].

В западных исторических источниках термин «узбеки-казахи» также не фиксируется. В русских архивных документах начиная с 1503 г. население Восточного Дешт-и Кыпчака именуется «казаки» [История Казахстана 2005а: 46, 48, 61, 63; Исин 2004: 53], а их государство — «Казацкая (вар. Казатцкая, Кайсацкая, Киргиз-казацкое, Киргис-кайсацкая, Казачья) Орда» [ПДРВ 1791: 244; Сборник 1895: 668; История Казахстана 2005а: 57, 58, 63, 196, 340, 395; История Казахстана 2005б: 270—271]. В Европе тогда жители казахских степей были известны как «Cassaki». В 1517 г. поляк М. Меховский, перечисляя восточные государства — «татарские орды», писал: «Добавляют еще и пятаю, не имеющую императора, и называют ее казакской» (Kazacka) [Меховский 1936: 63, 144]. Австрийский дипломат С. Герберштейн, посетивший Москву в первой половине XVI в., в числе «различных орд татаров» упоминает и казахов («Cassaki») [История Казахстана 1997: 29]. О борьбе казахов с Ташкентом писал в 1558 г. английский путешественник и купец А. Дженкинсон [История Узбекистана 1988: 29—30]. В европейских картах, составленных чуть позже — в 1560—1604 гг., отмечен топоним *Cassackia/Cossackia* как название страны [Туран 2008: 171, 176, 181, 182].

Надо полагать, что термин «узбеки-казахи» в самой среде населения Казахского ханства не использовался, т. е. он не был их самоназванием. Возможно, данный термин применяли жители Могулистана, которые таким образом отличали их от узбеков, подвластных Шибанидам. Однако и это название в их среде использовалось недолго. Как было уже отмечено М. К. Козыбаевым и К. А. Пищулиной, «в краткий срок, в жизни буквально одного-двух поколений термин “казах” вытеснил термин “узбеки-казахи”». В «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар уже при описании событий периода правлений ханов Бурдука и Касыма применяет чаще термин «казахи» [Мухаммед Хайдар 1999: 13].

Очень интересно замечание З. А. Джандосовой и И. В. Ерофеевой, что «впервые за всю историю Дашт-и Кыпчака созданная казаками “вольница” не распалась, а окрепла в своей обособленности. Через полвека социальное значение термина (для этой общности) полностью нивелировалось, а этническое начало актуализировалось с помощью политического движка» [Краткий энциклопедический словарь 2014: 209]. Созданная ханами Кереем и Жанибеком общность казахов не просто окрепла в своей обособленности, она создала впервые в истории свою политическую организацию — Казахское ханство. В свою очередь, Казахское ханство в дальнейшем обеспечило сложение этой общности в особый этнический коллектив — казахский народ.

Четвертый этап: с конца XV в. до середины XVI в. В это время происходит этнополитическое разделение населения Восточного Дешт-и Кыпчака, именуемого еще Узбекским улусом. Раньше всех — к концу XV в. — обособливается от других узбекских племен население Мангытского юрта и приобретает новое этнополитическое название «ногаи» («ногайлы») [Трепавлов 2002: 4]. На рубеже XV и XVI вв. с перекочевкой из степи двух больших групп кочевых узбекских племен во главе с Шибанидами на территорию Средней Азии происходит еще одно разделение кочевого населения Восточного Дешт-и Кыпчака.

В междуречье Сырдарьи и Амударьи начинает формироваться новая этнополитическая общность, которая в исторических источниках именуется как «узбеки-шибаны» или «узбеки-шибаниты». Первая часть данного этнополитонима показывала их этническое происхождение, а вторая — политическую принадлежность. Однако это наименование «довольно быстро вышло из употребления» [Трепавлов 2019: 351—371].

Наименование «казахи» распространяется на население, оставшееся на территории Восточного Дешт-и Кыпчака и вошедшее в состав Казахского ханства. Термин *қазақ* приобретает значение этнополитонима.

Появляются уже три этнополитические общности, происхождение которых связано с «Узбекским улусом». Именно этот период фиксирует автор «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, который пишет: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингизхана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханское величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье пле-

мя — мангыты, а [из] них цари астраханские» [Ибн Рузбихан 1976: 62; Ускенбай 2012: 183—187]. Однако эти три группы по языку, антропологическим и другим социально-культурным характеристикам не отличались друг от друга [История Казахстана 1997: 290, 291, 317].

В «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара дуглата встречается интересное утверждение о том, что в 30-е гг. XVI в. казахи совершенно исчезли. В одном месте он пишет: «После 940 года его (казахского хана Буйдаша. — *Авт.*) также не стало и казахов совершенно не осталось» [Мухаммед Хайдар 1999: 108; Тарих-и Рашиди 2004: 109]. В другом месте Мирза Мухаммед Хайдар указывает: «...в истории казахов было тысяча тысяч человек, а в сорок четвертом из этого числа людей не осталось на земле и следа» [Мухаммед Хайдар 1999: 324; Тарих-и Рашиди 2004: 405]. Эти сведения автора «Тарих-и Рашиди» исследователи интерпретируют по-разному. На наш же взгляд, здесь отражено понимание термина *қазақ* Мирза Мухаммед Хайдаром. Он видит в этом термине политоним и связывает существование казахов только с их политическим объединением — Казахским ханством. Уже находясь в Кашмире он, вероятно, получил известие о том, что государство казахов распалось. По этой причине автор «Тарих-и Рашиди» воспринял это недостоверное известие как свидетельство об исчезновении и самих казахов. В ходе наступившей после смерти Касым-хана междоусобицы и неудачной борьбы с внешними врагами Казахское ханство в 30—40-е гг. XVI в. (до начала правления Хакк-Назар-хана) действительно перестало играть существенную политическую роль в регионе и потеряло часть своих земель и населения. Однако, даже оказавшись на некоторое время под властью соседних государств, бывшие подданные ханов Керей и Жанибека и их потомков продолжали называть себя казахами. Казахское ханство, несмотря на все катаклизмы, не исчезло с политической карты мира: в 50-е гг. XVI в. оно, окрепнув в период правления Хакк-Назар-хана, вновь объединило это население. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в этот период термин *қазақ* был не политонимом, а уже стал этнополитонимом.

И последний, *пятый этап*: с середины XVI в. и до наших дней. Во второй половине XVI в. родоплеменной состав населения Казахского ханства более или менее стабилизировался (хотя незначительные переходы родоплеменных групп наблюдались и позже). Это позволило правившему тогда Хакк-Назар-хану провести политическую и социальную реформу и создать новую систему управления ханством. На смену улусной системе организации казахского общества приходит жузовая система [Султанов 1982: 84—85], хотя название «улус» продолжает применяться. В рамках новой жузовой системы начинает формироваться представление о генеалогическом родстве всех казахов. Возникают генеалогические легенды о мифическом родоначальнике казахского народа, которого, по одним вариантам шеджере (шежіре), называют *қазақ*, по другим — «Алаша-хан». [Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы 2006: 42, 45; Галиев 1997: 138—141; Қайдар 2008: 407; Краткий энциклопедический словарь 2014: 214; Эпистолярное наследие 2014: 405]. Три сына Алаша-хана, согласно шеджере, были прародителями трех жузов казахов. «Все три орды, составляющие союз *Казах* (так называют себя киргизы), считают своим родоначальником некоего Алача...», — писал Ч. Ч. Валиханов [Валиханов 1985: 308].

С именем Алаша-хана (Алача-хана) «народная память связывает эпоху этнической консолидации казахских родов и племен, образование триальной социально-территориальной структуры кочевого населения Казахского ханства в форме Старшего, Среднего и Младшего жузов и укрепления казахской государственности во внутренней части евразийского континента» [Ерофеева 2016: 257]. Еще М. Т. Тынышпаевым высказывалось мнение, что прообразом легендарного Алаша-хана был Хакк-Назар-хан, сын Касым-хана [Тынышпаев 1993: 148—149]. Эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи. Так, И. В. Ерофеевой была предпринята попытка показать тождество Хакк-Назар-хана и Алаша-хана. Рассматривая разные варианты преданий об Алаше-хане, автор приходит к выводу, что «Хаккназар-хан, как видно из учтенных фольклорных материалов, вошел в устную историю своего народа исключительно под лакабом Алаша-хан» [Ерофеева 2016: 282].

Возможно, со временем лакаб *Алаша-хан* в исторической памяти казахов трансформировался в «Алаш», а выражения *Алаша-хан ұлыстары* (Улусы Алаша-хана), *Алаша-хан жұрты* (Страна Алаша) в *Алаш ұлыстары* («Алаш(ц)ские улусы») и *Алаш жұрты* («Алацкий йурт/владения»), зафиксированные в XVIII в. в письмах Абу-л-Хайр-хана и Абылай-хана [Эпистолярное наследие 2014: 96, 334; Краткий энциклопедический словарь 2014: 211]. На существование в народной памяти связи слов *Алаш//Алаша//Алашы* с исторической личностью обращает внимание А. Кайдар. Эта личность, по фольклорным материалам, была ханом казахов или всех тюрко-монгольских племен. Исследователь также указывает, что по некоторым историческим материалам слово «Алаш» до превращения его в этноним было ураном (боевым кличем) казахов [Қайдар 2008: 407—409, 415].

Так постепенно термин *Алаш* стал отражать, как и термин *қазақ*, самоидентификацию населения Казахского ханства, Казахстана. А термин *қазақ* для соседних народов приобрел этнический смысл и стал употребляться как этноним для обозначения населения Казахского ханства, Казахстана, хотя его перво-

начальное, социальное значение продолжали использовать для обозначения вольных общин европейских степей.

Однако казахи еще долго помнили свое узбекское происхождение. Для Кадыргали-бека Косымулы Жалаири, покинувшего, вероятно, казахские степи еще в период правления Хакк-Назар-хана и не заставшего его реформы, эта территория в начале XVII в. все еще была «Узбекия» (اوزبیک یا), хотя он знает об «Алаш мыңы» (الاج منگی), который насчитывает 300 тысяч человек [Березин 1854: 164, 171]. Даже в XIX в. некоторые казахи говорили русским исследователям: «Предки мои, начало мое — узбеки», «мы все узбеки; начиная от Оренбурга, куда ни поедешь — все будут узбеки» [Кляшторный, Султанов 2000: 239; Путевые заметки 1868: 83].

Литература

Асфендияров 1935 — *Асфендияров С. Д.* История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата, 1935. {*Asfendiarov S. D.* History of Kazakhstan (from ancient times). Vol. 1. Alma-Ata, 1935.}

Бабур 1992 — *Захир ад-дин Бабур*. Бабур-наме. Ташкент, 1992. {*Zahir ad-din Babur*. Babur-name (Book of Babur). Tashkent, 1992.}

Бабур-намэ 1857 — Бабур-намэ. Казань, 1857. {*Babur-name (Book of Babur)*. Kazan, 1857.}

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. Москва, 1963. {*Bartold V. V.* Writings. Vol. 2. Part. 1. Moscow, 1963.}

Березин 1854 — *Березин И.* Библиотека восточных историков. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Т. II. Ч. I. Казань, 1854. {*Berezin I.* Library of oriental historians. Compendium of chronicles. Tatar text with Russian preface. Vol. II. Part. I. Kazan, 1854.}

Валиханов 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1985. {*Valikhanov Ch. Ch.* Collected works in 5 volumes. Vol. II. Alma-Ata, 1985.}

Галиев 1997 — *Галиев А. А.* Традиционное мировоззрение казахов. Алматы, 1997. {*Galiev A. A.* Traditional worldview of the Kazakhs. Almaty, 1997.}

Гаркавец 2015 — *Гаркавец А. Н.* Codex Cumanicus. Полное издание в 4 томах. Алматы, 2015. {*Garkavets A. N.* Codex Cumanicus. Full edition in 4 volumes. Almaty, 2015.}

Гаркавец 2019 — *Гаркавец А. Н.* Китаб-и Маджму'-и Тарджуман-и Турки ва 'Аджами ва Мугали ва Фарси. «Сводная книга переводчика...» Халила бин Мухаммада бин Йусуфа ал-Кунави / При участии О. О. Туякбаева. Алматы, 2019. {*Garkavets A. N.* Kitab-i Majmu-i Tarjuman-i Turki wa 'Ajami wa Mugali wa Farsi. «Translator's Consolidated Book...» of Khalil bin Muhammad bin Yusuf al-Kunawi / With the participation of O. O. Tuyakbaev. Almaty, 2019.}

Ерофеева 2016 — *Ерофеева И. В.* Знаковый персонаж казахских преданий Алаша-хан: историческая личность и миф // Тюркологический сборник. 2013—2014. Памяти С. Г. Кляшторного. М., 2016. С. 256—292. {*Erofeeva I. V.* Alasha-khan, a crucial character in Kazakh folklore: The historical figure vs. the myth // *Turcologica*. 2013—2014. In memory of S. G. Klyashorny. Moscow, 2016. P. 256—292.}

Записки 1830 — Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды / Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. № 120. Ч. 42. СПб., 1830. {Notes by major general Bronevsky on the Kirghiz Kaisaks of the Middle Horde / Domestic notes published by Pavel Svinin. No. 120. Part 42. St. Petersburg, 1830.}

Зуев 1998 — *Зуев Ю. А.* О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековье) Сб. ст. Алматы, 1998. С. 49—100. {*Zuev Yu. A.* On the forms of the ethnosocial organization of the nomadic peoples of Central Asia in antiquity and the Middle Ages: A Motley Horde, a Hundred (comparative typological research) // Military art of the nomads of Central Asia and Kazakhstan (the epoch of antiquity and the Middle Ages). Collection of Articles. Almaty, 1998. P. 49—100.}

Ибн Рузбихан 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса. М., 1976. {*Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani*. Mihman-name-ii Buhara. Notes of the Bukhara Guest. R. P. Dzhililova (trans.), A. K. Arends (ed.). Moscow, 1976.}

Ибрагимов 1960 — *Ибрагимов С. К.* Еще раз о термине «казах» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии КазССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960. С. 66—71. {*Ibragimov S. K.* Once more on the term “Kazakh” // New materials on ancient and medieval history of Kazakhstan (Proceedings of Institute of History, Archaeology and Ethnography of Academy of Science of Kazakh SSR. Vol. 8). Alma-Ata, 1960. P. 66—71.}

Исин 2004 — *Исин А. И.* Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV—XVI в. Алматы, 2004. {*Isin A. I.* Kazakh Khanate and Nogai Horde in the 2nd half of the 15th—16th centuries. Almaty, 2004.}

История Казахстана 1997 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т. 2. Алматы, 1997. {History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In 5 volumes. Vol. 2. Almaty, 1997.}

История Казахстана 2005а — История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XVI—XVII вв.) / Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словариков указателей *А. Исина*. Алматы, 2005. {History of Kazakhstan in Russian sources. Vol. 1. Embassy Materials of the Russian state (16th — 17th centuries) / Compilation, transcription of cursive writing, special editing of texts, introductory article, comments, compilation of vocabulary lists by *A. Isin*. Almaty, 2005.}

История Казахстана 2005б — История Казахстана в русских источниках. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI — первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Составление, транскрипция, комментарии, вступительная статья *И. В. Ерофеевой*. Алматы, 2005. {History of Kazakhstan in Russian sources. Vol. 2. Russian chronicles and official materials from the 16th to the 1st third of the 18th century about the peoples of Kazakhstan / Compilation, transcription, comments, special editing of texts by *I. V. Erofeeva*. Almaty, 2005.}

История Казахстана 2006 — История Казахстана в западных источниках XII—XX в. Т. 6. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 2. Пер. с ранненовоголл. *А. П. Евдокимова*. Пер. с нем. *Л. И. Быковской* / Сост. *И. В. Ерофеева*. Алматы, 2006. {History of Kazakhstan in Western sources of 12th — 20th centuries. Vol. 6. German experts in Kazakhstan. Part 2. Translation from Early Modern Dutch by *A. P. Evdokimov*. Translation from German by *L. I. Bykovskaya* / Comp. *I. V. Erofeeva*. Almaty, 2006.}

История Узбекистана 1988 — История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XV — первой половины XIX в. Ташкент, 1988. {History of Uzbekistan in sources. News of travelers, geographers and scientists of the 15th — 1st half of the 19th century. Tashkent, 1988.}

Йазди 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Перев. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта *А. Ахмедова*. Ташкент, 2008. {*Yazdi Sharaf ad-Din Ali*. Zafar-name. Translated from Old Uzbek, preface, comments, pointers and map by *A. Akhmedov*. Tashkent, 2008.}

Казачество 2018 — Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / Отв. ред. *В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов*; Институт археологии им. *А. Х. Халикова* АН РТ. Казань, 2018. {Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: coll. monograph / Ed. *V. V. Gribovsky, V. V. Trepavlov*; Institute of Archeology named after *A. Kh. Khalikov* of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2018.}

Камолитдин 2018 — *Камолитдин Ш. С.* Современные концепции в историографии истории Центральной Азии. Ташкент, 2018. {*Kamoliddin Sh. S.* Modern concepts in the historiography of the history of Central Asia. Tashkent, 2018.}

Кляшторный, Султанов 1992 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы-Аты, 1992. {*Klyashpornyi S. G., Sultanov T. I.* Chronicle of three thousand years. Alma-Aty, 1992.}

Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. {*Klyashpornyi S. G., Sultanov T. I.* States and peoples of the Eurasian steppes. Ancient times and Middle Ages. St. Petersburg, 2000.}

Краткий энциклопедический словарь 2014 — Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. *И. В. Ерофеева*. Алматы, 2014. {Brief encyclopedic dictionary of historical toponyms of Kazakhstan / Comp. *I. V. Erofeeva*. Almaty, 2014.}

Кумеков 1997 — *Кумеков Б. Е.* Историография вопроса о термине *қазақ* // Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной известному ученому-историку *Мухаммед Хайдар Дулати* (1499—1551). Тараз, 1997. С. 32—40. {*Kumekov B. E.* Historiography of the issue of the term “Kazakh” // Materials of the International scientific-theoretical conference dedicated to the famous scientist-historian *Mohammed Khaidar Dulati* (1499—1551). Taraz, 1997. P. 32—40.}

Қазақтың ата заңдары 2005 — Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректі және зерттеулер: 10 томдық. Т. 4. = Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования: 10-томник. Т. 4. Алматы, 2005. {The ancient world of Kazakh law. Materials, documents and research: 10-volume. Vol. 4. Almaty, 2005.}

Қайдар 2008 — *Қайдар Ә.* Қазақ қандай халық? Алматы, 2008. {*Kaidar A.* What kind of people are Kazakhs? Almaty, 2008.}

Қыдырбаев 2015 — *Қыдырбаев Қ.* «Қазақ» сөзінің мағынасы қандай? (1245 жылы жарық көрген қыпшақ-араб сөздігінің қолжазбасы негізінде) // Қазақ газеттері. 13 ақпан 2015 / <http://kazgazeta.kz/24420> (Дата обращения: 1.10.2021) {*Kydyrbayev K.* What does the word “Kazakh” mean? (Based on the manuscript of the Kypchak-Arab dictionary of 1245) // Kazakh newspapers. February 13, 2015. <http://kazgazeta.kz/24420> (accessed on: 1.10.2021).}

Масанов 2011 — *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, доп. Алматы, 2011. {*Masanov N. E.* The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of a nomadic society. 2nd edition, with suppl. Almaty, 2011.}

Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы 2006 — *Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы*. Шығармалары. 8 том. Қазақ тарихы. Павлодар, 2006. {*Mashhur Jusip Kopeyuly*. Writings. Vol. 8. History of Kazakhs. Pavlodar, 2006.}

Меховский 1936 — *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. Москва—Ленинград, 1936. {*Miechowski M.* Treatise on the two Sarmatias. Introduction, translation and commentary by S. A. Anninsky. Moscow—Leningrad, 1936.}

МИКХ 1969 — Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. {Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th — 18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings) / Comp. S. K. Ibragimov, N. N. Mingulov, K. A. Pishchulina, V. P. Yudin. Alma-Ata, 1969.}

Миргалеев, Сайфетдинова 2015 — *Миргалеев И. М., Сайфетдинова Э. Г.* Сведения «Тарих-и Кашгар» о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2015, 2. С. 81—87. {*Mirgaleev I. M., Sayfedinova E. G.* Information of “Tarikh-i Kashgar” on the Golden Horde // *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review.* 2015, 2. P. 81—87.}

Михман-наме-йи Бухара 1976 — *Михман-наме-йи Бухара* (Тарих-и падешахи Мухаммед Шейбани). Бе талиф-и Фазлаллах ибн Рузбихан Хунджи. Чап-е дуввом. Техран, 2535 шахшахи (1976). {Notes of the Bukhara guest (The history of Padashah Muhammad Sheybani). Writer — *Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahan Khunji.* 2nd edition. Teheran, 2535 (1976).}

Мухаммед Хайдар 1999 — *Мухаммед Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. 2-е издание, дополненное. Алматы, 1999. {*Muhammed Haidar Dulati.* Tarih-i Rashidi. 2nd edition with suppl. A. *Urunbaev, R. P. Dzhaliлова, L. M. Epifanova* (trans.). Almaty, 1999.}

ПДРВ 1791 — Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791. {Continuation of the ancient Russian library. Vol. 7. St. Petersburg, 1791.}

Путевые заметки 1868 — Путевые заметки П. И. Пашино. М., 1868. {*P. I. Pashino's* Travel notes. Moscow, 1868.}

Радлов 1899 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte: T. II. Согласные: k, k, k̇, P, r, (f), x, h, ḣ. СПб., 1899 {*Radloff V. V.* Experience of the dictionary of Turkic dialects. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte: Vol. II. Consonants: k, k, k̇, P, r, (f), x, h, ḣ. St. Petersburg, 1899.}

Самойлович 1927 — *Самойлович А.* О слове «казак» // Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 2. Л., 1927. С. 5—16. {*Samoilovich A.* About the word “Kazak” // Materials of a special committee for the study of Union union and autonomous republics. Vol. 2. Leningrad, 1927. P. 5—16.}

Сборник 1895 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. II. СПб., 1895. {The collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 95. The monuments of diplomatic relations of Old Russia with the foreign states. The monuments of diplomatic relations of the Muscovite state with the Crimean Horde, the Nogai Horde and Turkey. Vol. II. St. Petersburg, 1895.}

СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным (СМИЗО). М.—Л., 1941. {Collection of materials related to the Golden Horde History. Vol. II. Extracts from Persian writings collected by V. G. Tiesenhausen and processed by A. A. Romaskevich and S. L. Volin. Moscow—Leningrad, 1941.}

Сокровенное сказание 2015 — Сокровенное сказание / Чингисхан. М., 2015. {The secret legend / Chingishan. Moscow, 2015.}

Султанов 1982 — *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. {*Sultanov T. I.* Nomadic tribes of the Aral sea region from the 15th to the 17th centuries (issues of ethnic and social history). Moscow, 1982.}

Тарих-и Рашиди 2004 — Тарих-и Рашиди талиф-и *Мирза Мухаммад Хайдар Дуғлат.* Чап-е аввал. Техран, 1383 (2004). {The Tarikh-i-Rashidi (History of Rashid) of *Mirza Muhammad Haidar Dughlat.* 1st edition. Teheran, 1383 (2004).}

Тарих-и Хабиб ас-сийар 2001—2002 — Тарих-и Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар талиф-и *Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин аль-Хусейни* ал-мадуув ба-*Хондемир.* Чап-е чахаром. Джилд-и 4. Техран, 1380 (2001—2002). {The Friend of Biographies in the news of the only among mortals of the *Giias ad-Din ibn Humam ad-Din al'-Huseini* nicknamed *Khvandamir.* 2nd edition. Vol. 4. Teheran, 1380 (2001—2002).}

Трепавлов 2002 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. {*Trepavlov V. V.* History of the Noghai Horde. Moscow, 2001.}

Трепавлов 2019 — *Трепавлов В. В.* Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 351—371. {*Trepavlov V. V.* The Shibans: A Failed Ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review.* 2019. Vol. 7. No. 2. P. 351—371.}

Туран 2008 — Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. М., 2008. {Turan on Vintage Maps: The Image of Space — The space of images. Moscow, 2008.}

Тынышпаев 1993 — *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алма-Ата, 1993. {*Tynyshpaev M.* History of the Kazakh people. Alma-Ata, 1993.}

Ускенбай 2012 — *Ускенбай К.* К проблеме аутентичного наименования Казахского государства позднего средневековья (на материалах «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана) // История Казахстана: итоги научных исследова-

дований и презентация проекта десятитомной «Отан тарихы» / «История Отечества». Материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2012. {*Uskenbay K. On the problem of the authentic name of the Kazakh state of the late Middle Ages (based on the materials of “Mikhman-name-yi Bukhara” by Ibn Ruzbihan) // History of Kazakhstan: results of scientific research and presentation of the ten-volume project “Otan tarikhi / History of the Fatherland”*. Materials of the international scientific and practical conference, Almaty, 2012.}

Утемиш-хаджи 2017 — *Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова*; пер. на рус. *И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой*; общ. и науч. ред. *И. М. Миргалеева*. Казань, 2017. {*Utemish-Hadji. Kara Tavarih / Transcript by I. M. Mirgaleev, E. G. Saifetdinova, Z. T. Hafizov*; Translation into Russian by *I. M. Mirgaleev, E. G. Saifetdinova*; Ed. by *I. M. Mirgaleev*. Kazan, 2017.}

Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675—1780 гг. Алматы, 2014. {*Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675—1821. Collection of historical documents in 2 volumes. Vol. 1. Letters from Kazakh rulers. 1675—1780. Almaty, 2014.*}

Юдин 2001 — *Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы, 2001. {*Yudin V. P. Central Asia in the 14th—18th centuries through the eyes of an orientalist*. Almaty, 2001.}

Gabain 1960 — *Gabain Annemarie von. Kasakentum, eine soziologisch philologische Studie // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. 11. S. 161—167.

Lee 2015 — *Joo-Yup Lee. Qazaqliq, or Ambitious brigandage, and the formation of the Qazaqs. Studies in Persian cultural history. Vol. 8. Leiden; Boston, [2015]*.

Pritsak 2006 — *Omeljan Pritsak. The Turkic Etymology of the Word “Qazaq” ‘Cossack’ / Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. No. 1/4. Rus' writ large: languages, histories, cultures: Essays presented in honor of Michael S. Flier on his sixty-fifth birthday (2006). P. 237—243.*

Морфологические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются морфологические особенности перевода «Жития Св. Феодора» (1913 г.) на елабужское наречие удмуртского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

В работе описываются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Анализ морфологических особенностей проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей письменного источника. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в исследуемом памятнике на морфологическом уровне.

В результате анализа нам удалось выявить ряд особенностей в оформлении маркеров множественного числа, деепричастий, некоторых падежных и временных форм, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов. При этом все они зафиксированы в современных южноудмуртских говорах, что не противоречит гипотезе, выдвинутой нами ранее на основе анализа фонетической системы памятника, согласно которой диалектной основой «Жития Св. Феодора» является один из центрально-южных говоров.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, морфологические особенности

MORPHOLOGICAL FEATURES OF “THE LIFE OF ST. THEODORE” (1913) WRITTEN IN THE UDMURT LANGUAGE

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article examines the morphological features of the translation of “The Life of St. Theodore” (1913) into the Elabuga dialect of the Udmurt language. The significance of the study lies in the fact that although written records are one of the main sources for studying language history, most of Udmurt written records have not been examined yet.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possession, case) and the verb (voice, mood, tense), as well as those of the non-conjugated verb forms (infinitive, participle, adverbial participle). The analysis of morphological characteristics is based on the previously identified graphic and phonetic features of the written source and employs a comparative method: the linguistic data were compared with the data from the literary language and modern Udmurt dialects. Furthermore, whenever possible, the issues of the origin of morphological markers are raised in order to identify the innovative or archaic nature of the characteristics which are reflected in the written record at the morphological level.

As a result, a number of features in the formalization of plural indicators, adverbial participles, some case and tense forms are revealed, which make the language of the written record different from the modern literary Udmurt language and some of its dialects. At the same time, all of these features are preserved in modern South Udmurt dialects, which does not contradict the hypothesis put forward earlier and based on the analysis of the phonetic system of the source text, according to which the dialect basis of “The Life of St. Theodore” is one of the Central-Southern dialects.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, written records, morphological features

1. Введение

Статья посвящена описанию морфологических особенностей перевода «Жития Св. Феодора» (1913 г.) на елабужское наречие удмуртского языка. Графические и фонетические особенности памятника были подробно проанализированы в работе [Безенова 2021]. В данной статье рассматриваются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), характерные для удмуртского литературного языка и его диалектов, а также неспрягаемые формы глагола.

Описание морфологических особенностей проводится методом сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в переводе «Жития Св. Феодора» на морфологическом уровне.

2. Именная морфология

2.1. Число

Категория числа в [Житие], как и в современном удмуртском языке, выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа. Для форм единственного числа характерно отсутствие формальных показателей (ср. *иньты* ‘место’ — литер. *инты*, *ву* ‘вода’ — литер. *ву*, *дыр* ‘время’ — литер. *дыр*). Формы множественного числа имен существительных в памятнике, как правило, образуются с помощью суффикса *-ёс*, который присоединяется как к основам на гласные, так и к основам на согласные:

гижлоёсаз ‘на его язвы’ PL-ILL-POSS.3SG — литер. *гижлоосаз*; *иньтыёс* ‘места’ PL — литер. *интыос*, *иньтыёсыз* ‘места’ PL-ACC — литер. *интыосты/интыосыз*, *иньтыёслы* ‘местам’ PL-DAT — литер. *интыослы*, *иньтыёсэ* ‘в места’ PL-ILL — литер. *интыосы*, *иньтыёсаз* ‘в его местах’ PL-INE-POSS.3SG — литер. *интыосаз*; *книгаёсыз* ‘книги’ PL-ACC — литер. *книгаосты/книгаосыз* (ср. *книгаос* ‘книги’ PL — литер. *книгаос*); *кышноёс* ‘женщины’ PL — литер. *кышноос* (ср. *кышноослы* ‘женщинам’ PL-DAT — литер. *кышноослы*); *періёсыз* ~ *періосыз* ‘злых духов’ PL-ACC — литер. *періосты/періосыз*;

арьёс ‘годы’ PL — литер. *арьёс*; *дышеткисьёсыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз*, *дышеткисьёсызлы* ‘его ученикам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. *дышеткисьёсызлы*; *тірлыкьёс* ‘изделия’ PL — литер. *тірлыкьёс*; *ужьёс* ‘дела’ PL — литер. *ужьёс*, *ужьёслэсь* ‘от дел’ PL-AVL — литер. *ужьёслэсь*; *улісьёс* ‘живущие’ PL — литер. *улісьёс* и т. д.

Как видим, в отличие от памятника, в удмуртском литературном языке после основ с финальной гласной употребляется маркер *-ос*. В [Житие] данный показатель выступает лишь в форме множественного числа русского заимствования *чудооссэ* ‘его чудеса’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *чудооссэ*, а также в двух случаях функционирует параллельно с показателем *-ёс* (примеры приведены выше).

Образование форм множественного числа с помощью суффикса *-йос* от основ с конечной гласной зафиксировано и в отдельных удмуртских говорах. Более системно это явление представлено в буйско-таньпском и татышлинском говорах периферийно-южного диалекта [Кельмаков 2006: 116] и в косинском говоре нижнечепецкого диалекта [Карпова 2018: 168]. Спорадически подобные формы встречаются и в некоторых других говорах северного наречия [Карпова 2018: 169], а также в центрально-южном диалекте [Атаманов 1981: 52; Загуляева 1982: 6].

По поводу происхождения морфологического показателя множественного числа в пермских языках существуют различные гипотезы [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36 и др.], согласно которым в составе данного маркера изначально был согласный *й*, который в словах на конечную гласную в результате ослабления в интервокальном положении был утрачен. Таким образом, вероятно, из двух показателей множественного числа, которые представлены в современном удмуртском языке и в большинстве его диалектов, *-ос* имеет более инновационный характер, а *-ёс*, который характерен и для текста памятника, по своему происхождению является архаичным.

2.2. Притяжательность

Морфологически категория посессивности в удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами. В таблицах 1 и 2 представлены притяжательные формы, которые нам удалось выявить в переводе «Жития Св. Феодора» на удмуртский язык, и их литературные соответствия.

Таблица 1. Выражение категории посессивности в памятнике (формы индивидуального обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>анае</i> ‘моя мать’ POSS.1SG — литер. <i>анае</i> <i>ние</i> ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. <i>ние</i> <i>сьӧлыке</i> ‘мой грех’ POSS.1SG — литер. <i>сьӧлыке</i>	<i>калыкӧсьме</i> ‘моих людей’ PL-POSS.1SG-ACC — литер. <i>калыкӧсьме</i>
2	<i>анаед</i> ‘твоя мать’ POSS.2SG — литер. <i>анаед</i> <i>пидэ</i> ‘твоего сына’ POSS.2SG-ACC — литер. <i>пидэ</i> <i>улэмед</i> ‘твоя жизнь’ POSS.2SG — литер. <i>улэмед</i>	не зафиксировано
3	<i>анаез</i> ‘его мать’ POSS.3SG — литер. <i>анаез</i> <i>ниеэ</i> ‘его сын’ POSS.3SG — литер. <i>ниеэ</i> <i>сузэрез</i> ‘его сестра’ POSS.3SG — литер. <i>сузэрез</i> <i>нимыныз</i> ‘его именем’ INS-POSS.3SG — литер. <i>нимыныз</i> <i>тӱсыз</i> ‘его образ’ POSS.3SG — литер. <i>тӱсыз</i>	<i>дорисьсьыз</i> ‘его домашние’ PL-POSS.3SG — литер. <i>дорисьсьыз</i> <i>дышеткисьсьыз</i> ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. <i>дышеткисьсьыз</i> <i>монахӧсьыз</i> ‘его монахи’ PL-POSS.3SG — литер. <i>монахӧсьыз</i>

Таблица 2. Выражение категории посессивности в памятнике (формы коллективного обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>вӧсяськеммы</i> ‘наше моление’ POSS.1PL — литер. <i>вӧсяськеммы</i> <i>яраномес</i> ‘нашу годность’ POSS.1PL-ACC — литер. <i>яраномес</i>	не зафиксировано
2	<i>пыддэс</i> ‘вашу ногу’ POSS.2PL-ACC — литер. <i>пыддэс</i>	не зафиксировано
3	<i>интыязы</i> ‘на их место’ ILL-POSS.3PL — литер. <i>интыязы</i> <i>йырзылы</i> ‘их главе’ POSS.3PL-DAT — литер. <i>йырзылы</i> <i>пизылы</i> ‘их сыну’ POSS.3PL-DAT — литер. <i>пизылы</i>	не зафиксировано

Как видим, притяжательные формы памятника идентичны литературным. В [Житие] мы обнаружили лишь один пример, не соответствующий современной норме удмуртского языка: *мурты* ‘мой человек’ POSS.1SG — литер. *муртэ*. Объясняется данное отклонение наличием в удмуртском языке двух вариантов огласовок притяжательных маркеров во всех трех лицах в случае единственного числа обладателя и обладаемого (ср. *-э* (*-е*), *-ы* ‘мой, моя, мое’; *-эд* (*-ед*), *-ыд* ‘твой, твоя, твое’; *-эз* (*-ез*), *-ыз* ‘его, ее’). По мнению одних лингвистов, *ы*-овые огласовки связаны с семантическими признаками имен существительных [ГСУЯ 1962: 82—83], по мнению других, корни данного явления уходят в историческую фонетику [Fokos 1963: 217], по мнению третьих, подобная система притяжательных маркеров сложилась в результате прохождения трех этапов: «фонетического», «семантического» и «морфологического» [Кельмаков 1993: 26]. При этом третий этап, при котором «под действием аналогии происходит постепенное поглощение небольшой *ы*-группы имен существительных *э*-группой через промежуточную ступень варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [Кельмаков 1993: 27], мы активно наблюдаем сейчас как в литературном языке (*виры* ~ *вире* ‘моя кровь’, *тылыд* ~ *тылэд* ‘твой огонь’, *кылыз* ~ *кылэз* ‘его слово’), так и в удмуртских диалектах (юж. *вил’ыз* // сред. *вил’эз* ‘новое’, кукм. *чужмортӧд* // сред. *чужмуртэд* ‘твой дядя (по матери)’) [Кельмаков 2006: 117].

2.3. Падеж

Система склонения литературного удмуртского языка включает 15 падежей, которые формально подразделяются на две группы: а) субъектно-объектные падежи: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль); б) пространственные падежи: местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В диалектах удмуртского языка количество падежей варьируется от 12 до 21 [Кондратьева 2011а: 16]. В частности, во многих периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12—13 вследствие

замещения адвербиальных, аппроксимативных и в отдельных случаях терминативных форм послеложными конструкциями, например: кркм. *ад'амийос с'аин* 'в соответствии с людьми, по-людски' — литер. *адямиосъя, адямиос сямен*; кркм. *гурт пала* 'в сторону деревни, по направлению к деревне' — литер. *гуртлань, гурт пала*; бтБК. *вал дыроз'* 'до лошади' — литер. *валозь, вал дорозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]. В бесермянском наречии удмуртского языка, а также в среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия, напротив, наблюдается увеличение количества падежных форм за счет возникновения серии вторичных локальных падежей «с приметой -н' (< *дин'* - 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (-лан')», например: *бускэл'-н'ын* 'у соседа' — литер. *бускель дорын, бускэл'-н'ыс'* 'от соседа' — литер. *бускель дорысь, бускэл'-н'э* 'к соседу' — литер. *бускель доры* и т. д. [Кельмаков 2006: 118—119].

В таблице 3 мы представили все падежные маркеры, функционирующие в анализируемом памятнике. Как видим, в [Житие] нам удалось выявить лишь 12 членов парадигматического ряда. Абессивные, адвербиальные и аппроксимативные формы в памятнике мы не зафиксировали. Отсутствие форм лишительного падежа в «Житии Св. Феодора» на удмуртском языке, вероятно, связано с его относительно небольшим объемом (17 страниц) и, в свою очередь, с отсутствием семантически подходящих контекстов. С одной стороны, этим же можно объяснить и то, что в тексте нам не удалось выявить соответственный падеж; хотя, с другой стороны, как мы указали выше, для отдельных южных диалектов в целом характерна замена подобных форм послеложными конструкциями, которые встречаются в тексте памятника, ср.: *верамез сямен* 'согласно сказанному им' — литер. *верамезъя, верамез сямен, косэмез сяин* 'по его велению' — литер. *косэмезъя, косэмез сямен* и др. Однако что касается направительного падежа, в [Житие] отсутствуют не только словоформы, маркированные суффиксом *-лань*, но и конструкции с послелогом *пала* 'к, в сторону, на', которые могли бы их заменить. Вероятно, это связано с тем, что аппроксиматив является «одним из самых редкоупотребительных падежей в современном удмуртском языке» [Кондратьева 2011а: 204].

Из таблицы видно, что в оформлении отдельных падежных показателей памятника по сравнению с литературной нормой прослеживаются некоторые особенности.

2.3.1. Маркером **винительного падежа** множественного числа в [Житие] является суффикс **-ыз**:

висисъёсыз 'больных' PL-ACC — литер. *висисъёсты/висисъёсыз*;
интыёсыз 'места' PL-ACC — литер. *интыосты/интыосыз*;
кыльёсыз 'слова' PL-ACC — литер. *кыльёсты/кыльёсыз* и др.

Как видим, в литературном языке на данный момент в этой роли функционируют два синонимичных показателя *-ты* и *-ыз*. Однако что касается удмуртских диалектов, в данном случае их употребление зависит от конкретной диалектной зоны: маркер *-ты/-ть* характерен для говоров северной диалектной зоны, которая включает в себя северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров, а суффикс *-ыз/-ъз* представлен в говорах южной диалектной зоны, охватывающей южное наречие и южную часть срединных говоров (см. подробнее [Тепляшина 1975: 180—181]). Относительно происхождения этих показателей существуют различные гипотезы (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 117—118]), однако, по мнению ученых, оба маркера, скорее всего, восходят к прапермскому периоду [Кельмаков 2006: 120; Кондратьева 2011в: 118].

2.3.2. Для образования форм **разделительного падежа** в памятнике параллельно с суффиксом **-лэсь**, идентичным литературному, употребляется суффикс **-лйсь**, ср.:

1) **-лэсь**:

Георгийлэсь 'от Георгия' ABL — литер. *Георгийлэсь*;
Исусъ Христослэсь 'от Иисуса Христа' ABL — литер. *Исусъ Христослэсь*;
кортлэсь 'из железа' ABL — литер. *кортлэсь*;
кышнолэсь 'от женщины' ABL — литер. *кышнолэсь*;
святойлэсь 'от святого' ABL — литер. *святойлэсь*;
эксэйлэсь 'от царя' ABL — литер. *эксэйлэсь*;
ветлонэзлэсь 'от его хождения' POSS.3SG-ABL — литер. *ветлонэзлэсь*;
висёнэзлэсь 'от его болезни' POSS.3SG-ABL — литер. *висёнэзлэсь*;
кулэмезлэсь 'от его смерти' POSS.3SG-ABL — литер. *кулэмезлэсь*;
пиезлэсь 'от его сына' POSS.3SG-ABL — литер. *пиезлэсь*;
ужьёслэсь 'от дел' PL-ABL — литер. *ужьёслэсь*.

Таблица 3. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Житие]	литер.	[Житие]	литер.
номинатив	θ (52) ¹	θ	θ (17)	θ
аккузатив	-э/-е (44)	-э/-е	-ыз (9)	-ты/-ыз
	θ (30)	θ		
	-эз/-ез (17)	-эз/-ез		
	-эс/-ес (5)	-эс/-ес		
генитив	-лэн (18)	-лэн	-лэн (2)	-лэн
аблатив	-лэсь (10)	-лэсь	-лэсь (1)	-лэсь
	-лйсь (4)	-лэсь		
	-лйсь ~ -лэсь (3)	-лэсь		
датив	-лы (32)	-лы	-лы (5)	-лы
инструменталь	-эн/-ен (15)	-эн/-ен	-ын (1)	-ын
	-эны/-ены- (7)	-эны/-ены-		
	-ыны- (3)	-ыны-		
абессив	не зафиксировано	-тэк	не зафиксировано	-тэк
адвербиаль	не зафиксировано	-я	не зафиксировано	-я
инессив	-ын (12)	-ын	-ын (2)	-ын
	-а/-я- (6)	-а/-я-		
	-н (2)	-н		
	θ (1)	θ		
иллатив	-э/-е (16)	-э/-е	-э (1)	-ы
	-а/-я- (11)	-а/-я-		
элатив	-ись/-йсь (10)	-ысь	-ысь (1)	-ысь
	-ысь (1)	-ысь		
	-исьты/-йсьты- (5)	-ысьты-		
эгрессив	-исен/-йсен (3)	-ысен	не зафиксировано	-ысен
	-исены/-йсены- (1)	-ысены-		
пролатив	-тй- (1)	-тй-	не зафиксировано	-тй
терминатив	-ось (1)	-озь	не зафиксировано	-озь
аппроксиматив	не зафиксировано	-лань	не зафиксировано	-лань

2) **-лйсь**:

Стефанлйсь 'от Стефана' ABL — литер. *Стефанлэсь*;

чашалйсь 'от чаши' ABL — литер. *чашалэсь*;

эксэйлыгльйсь 'от царства' ABL — литер. *эксэйлыкльэсь*;

корказыльйсь 'от их дома' POSS.3PL-ABL — литер. *корказылэсь*.

3) **-лйсь ~ -лэсь**

Инмарлйсь ~ Инмарлэсь 'от Бога' ABL — литер. *Инмарлэсь*;

Феодорлйсь ~ Феодорлэсь 'от Феодора' ABL — литер. *Феодорлэсь*;

анаезльйсь ~ анаезлэсь 'от его матери' POSS.3SG-ABL — литер. *анаезлэсь*.

Отметим, что вариант с гласным *и* встречается и в отдельных удмуртских говорах, а именно в кукморском, шошминском, канлинском, а также в бесермянском наречии удмуртского языка, ср. кукм., шошм., канл. *анай-лис'*, бес. *анай-лис'* ~ *анай-лэсь'* 'у (от) матери' [Кельмаков 2006: 120]. В бавлинском говоре периферийно-южного наречия зафиксировано параллельное употребление алломорфов *-лис'* и *-лэсь'*, ср. *атайлйсь' ~ атаилэсь'* 'у (от) отца' [Тараканов 1960: 133]. Из двух вариантов менее распространенный *-лис'*, вероятно, все-таки имеет более архаичное происхождение, поскольку в данном случае мы имеем прямые параллели в коми языках, ср.: к.-я. *-лись*, к.-п. *-лысь/-лйсь*, к.-з. *-лысь* [Усачева 2011: 209]. На ос-

¹ Здесь и далее в скобках указано количество словоформ с тем или иным падежным показателем, которые нам удалось выявить в [Житие].

нове этих соответствий, как полагает В. К. Кельмаков, для прапермского периода можно реконструировать форму **-līs(t-)* [Кельмаков 2006: 121] (ср. **-lišt* [Серебрянников 1963: 83]).

2.3.3. Форма множественного числа **входного падежа** в памятнике образуется с помощью маркера *-э* в соответствии с литер. *-ы*. Но, к сожалению, в [Житие] в данном случае представлен лишь один пример: *иньтыёсэ* ‘в места’ PL-ILL — литер. *интыосы*. В диалектах современного удмуртского языка, как и в рассмотренных нами ранее памятниках на глазовском и казанском диалектах, подобные формы также не зафиксированы. В связи с этим, на наш взгляд, делать какие-либо выводы о происхождении этой формы не представляется возможным.

2.3.4. Маркеры **исходного** и **отдалительного падежей** в [Житие] выступают в *и*-овой огласовке, ср.:

Анастасіополійсь ‘из Анастасиополя’ ELA — литер. *Анастасиопольысь*;
бусыись ‘с поля’ ELA — литер. *бусыись*;
городійсь ‘из города’ ELA — литер. *городысь*;
гуртійсь ‘из деревни’ ELA — литер. *гуртысь*;
дорись ‘из дома’ ELA — литер. *дорысь*;
жугисьнонійсь ‘с битвы’ ELA — литер. *жугиськонысь*;
иньмись ~ *инмись* ‘с неба’ ELA — литер. *инмысь*;
музьемись ‘из земли’ ELA — литер. *музьемысь*;
Палестинаись ‘из Палестины’ ELA — литер. *Палестинаысь*;
черкись ‘из церкви’ ELA — литер. *черкысь*;
гуйсьтыз ‘из его пещеры’ ELA-POSS.3SG — литер. *гуйсьтыз*;
кійсьтыз ‘из его руки’ ELA-POSS.3SG — литер. *кысьтыз*;
юамисьтыз ‘из-за его расспроса’ ELA-POSS.3SG — литер. *юамысьтыз*;
дорисьтызы ‘из их дома’ ELA-POSS.3PL — литер. *дорысьтызы*;
косэмисьтызы ‘из-за их просьбы’ ELA-POSS.3PL — литер. *косэмысьтызы*.
иньмисен ‘с неба’ EGR — литер. *инмысен*;
нуналійсен ‘с дня’ EGR — литер. *нуналысен*;
пиналіісенік ‘с детства (досл. с ребенка) же’ EGR — литер. *пиналысен ик*;
нуналысеныз ~ *нуналійсеныз* ‘с его дня’ EGR-POSS.3SG — литер. *нуналысеныз*.

Исключение составляют лишь две формы:

Иерусалимысь ‘из Иерусалима’ ELA — литер. *Иерусалимысь*;
гурезьёсысь ‘с гор’ PL-ELA — литер. *гурезьёсысь*.

Следует отметить, что *и*-овые варианты маркеров в памятнике присоединяются также к основам серийных послелогов, а кроме того, содержатся в структуре ряда наречий, обозначающих место. При этом аналогичные формы в конце XIX в. были зафиксированы в елабужском диалекте и финским ученым Ю. Вихманном, ср.:

бордійсь ‘от’ — литер. *бордысь*; ср. *bordīś*, *bordīś* (G), *bordīś* (M), *bordiś* (J, MU, U) ‘от’ [Wichmann 1987: 26];
дорись ‘от’ — литер. *дорысь*; ср. *dorīś* (G), *doriś* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37];
дорисен ‘от’ — литер. *дорысен*; ср. *doriśen* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37];
лыійсь ‘с’ — литер. *ылысь*; ср. *jīiś* (J), *d’iīiś* (MU), *d’iīiś* (U) ‘с’ [Wichmann 1987: 78];
пуҷкись ‘из’ — литер. *пушкысь*; ср. *puškiś* (J, U), *puškiś* (J), *puškiś* (MU) ‘из’ [Wichmann 1987: 214];
улійсь ‘с’ — литер. *улысь*; ср. *ulīś* (G, U), *ulīś* (G), *uīiś*, *uīiś* (MU) ‘снизу’ [Wichmann 1987: 295].
кытійсь ‘откуда’ — литер. *кытысь*; ср. *kītīś* (G, B), *kītīś* (M), *kītīś* (J, MU), *kītiś* (J) ‘откуда?’ [Wichmann 1987: 127];
отісь ‘оттуда’ — литер. *отысь*; ср. *otīś* (G), *otīś* (S, M, MU), *otīś* (MU), *otīś* (MU, U) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183];
отісен ‘оттуда’ — литер. *отысен*; ср. *otīśen* (G, B) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183];
татісь ‘отсюда’ — литер. *татысь*; ср. *tātīś* (G), *tātīś* (M, MU), *tātīś* (MU, U) ‘отсюда’ [Wichmann 1987: 255].

Элативные и эгрессивные показатели с *и*-овой инициальной представлены и в современных говорах удмуртского языка. Они характерны для говоров южной диалектной зоны, в том числе встречаются в центрально-южном диалекте [Архипов 1978: 16—17; Загуляева 1982: 6]. В северной диалектной зоне,

напротив, представлены *ы*-овые варианты этих маркеров, идентичные литературным [Кельмаков 2006: 121]. При этом общепринято мнение, согласно которому «южноудмуртские формы на *-и-* имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы-* под влиянием последующего палатального согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122]. Таким образом, ясно, что *и*-овые варианты элативных и эгрессивных маркеров в памятнике имеют инновационный характер.

2.3.5. Показателем **предельного падежа** в памятнике выступает суффикс **-ось**, правда, как и в случае с входным падежом множественного числа, в тексте присутствует лишь одна форма (*жытось* ‘до вечера’ TER — литер. *жытозь*), хотя в данном случае она встречается в двух предложениях. Этот же маркер присоединяется к основе серийных послелогов *дыр-*, который в сочетании с существительными в [Житие] выражает терминатив с темпоральным значением, ср.: *Пасха дырось* ‘до Пасхи’ — литер. *Пасха дырозь, Пасхаозь; нуналэз дырось* ‘до его дня’ — литер. *нуналэз дырозь, нуналояз*. Показатель *-ос'* (*-ос'а*) зафиксирован и в отдельных говорах современного удмуртского языка [Кондратьева 2011б: 170].

По поводу происхождения суффикса предельного падежа существуют различные точки зрения (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 41—46]). Однако, если учесть соответствующие терминативные маркеры в коми языках (ср. к.-з., к.-п. *-ӧдз* [Баталова 1993а: 221, 1993б: 234]), уместно предположить, что вариант **-озь**, характерный для современного удмуртского языка, по своему происхождению является более архаичным, а алломорф, представленный в памятнике, по всей видимости, инновационным.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке выделяют две группы залогов: а) понудительный и непонудительный, б) возвратный и невозвратный.

3.1.1. Формы **понудительного залога** в [Житие], как и в современном удмуртском языке, образуются присоединением к основе глагола маркера **-т(ы)-**: *лэсьтытэм* ‘он, оказывается, заставил сделать’ CAUS-2PST.3SG — литер. *лэсьтытэм(ез)*, *пырытэм* ‘он, оказывается, заставил войти’ CAUS-2PST.3SG — литер. *пырытэм(ез)*. Для форм непонудительного залога характерно отсутствие формальных показателей, ср.: *лэсьтэм* ‘он, оказывается, сделал’ 2PST.3SG — литер. *лэсьтэм(ез)*, *пырем* ‘он, оказывается, вошел’ 2PST.3SG — литер. *пырем(ез)* и др.

3.1.2. **Возвратный залог**, противопоставляясь невозвратному с нулевым показателем, в современном удмуртском языке образуется с помощью маркеров *-иськ(ы)-/йськ(ы)-, -ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение)². В памятнике основными показателями возвратного залога являются суффиксы:

1) **-иськ(ы)-/йськ(ы)-**:

вӧлдйськыса ‘распространившись’ REFL-CONV — литер. *вӧлдйськыса*;
пилиськыса ‘разбившись’ REFL-CONV — литер. *пилиськыса*;
куриськом ‘мы помолимся’ REFL-FUT-1PL — литер. *куриськом(ы)* и др.

2) **-ськ(ы)-**:

вӧсяськем ‘он, оказывается, молился’ REFL-2PST.3SG — литер. *вӧсяськем(ез)*;
люкаськиллям ‘они, оказывается, собрались’ REFL-2PST.3PL — литер. *люкаськиллям(зы)*;
чогаськем ‘он, оказывается, заперся’ REFL-2PST.3SG — литер. *чогаськем(ез)* и др.

Однако при образовании рефлексивных форм от глаголов первого спряжения в [Житие] возможны отклонения, ср.:

аткыса ~ *ачкыса* ‘показавшись’ REFL-CONV — литер. *адзиськыса/адскыса, аткем* ‘он, оказывается, показался’ REFL-2PST.3SG — литер. *адзиськем(ез)/адскем(ез)* (< *адзыны* ‘увидеть, видеть; повидать’);
дышеткыны ‘обучаться’ REFL-INF — литер. *дышетйськыны/дышетскыны, дышеткон* ~ *дышетчкон* ‘предназначенный для обучения’ REFL-PTCP — литер. *дышетйськон/дышетскон* (< *дышетыны* ‘учить, обучить, обучать’);

² Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы-* относятся к I спряжению (например: *мыныны* ‘идти, пойти’, *учкыны* ‘смотреть, глядеть’, *пырыны* ‘зайти, заходить’ и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (например: *ужаны* ‘поработать, работать’, *дасыны* ‘приготовить, готовить’, *бичаны* ‘собрать, собирать’ и др.) [УКК 2011: 148].

куткем ~ *кучкем* 'он, оказывается, начал' REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськем(ез)/кутскем(ез)*, *куткыса* 'начав' REFL-CONV — литер. *кутйськыса/кутскыса*, *куткильям* 'они, оказывается, начали' REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськильям(зы)/кутскильям(зы)* (< *кутыны* 'поймать; схватить'); *пылачкон* 'предназначенный для крещения' REFL-PTCP — литер. *пылатйськон*, *пылачкыса* 'крестившись' REFL-CONV — литер. *пылатйськыса* (< *пылатыны* 'крестить, окрестить').

Как видим, в памятнике представлены две модификации суффикса *-иськ(ы)/-йськ(ы)-* — *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*, которые, как правило, возникают в результате сочетания залогового суффикса глаголов I спряжения с глагольными основами на *-ты-* [Кельмаков 2006: 140]. Аналогичные варианты зафиксированы и в современных говорах удмуртского языка. При этом, по данным диалектологов, *-к(ы)-* встречается в большинстве срединных говоров (в Шарканском, Увинском, Селтинском, Завьяловском районах) [Кельмаков 2006: 141], а *-чк(ы)-* представлен в отдельных говорах центрально-южного наречия, например в кырымасских [Кельмаков 2006: 141] и граховских [Атаманов 1981: 69], а также в верхнечепецких говорах северного наречия [Алашеева 1982: 92]. Функционирование в памятнике обоих вариантов *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*, возможно, свидетельствует о том, что в основе текста лежит диалект, территориально расположенный на границе южноудмуртских и срединных говоров удмуртского языка.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В современном литературном удмуртском языке и большинстве его диалектов выделяют три наклонения глаголов: изъявительное, повелительное и сослагательное. Все они присутствуют и в тексте «Жития Св. Феодора».

3.2.1. Основным отличительным признаком глаголов **изъявительного наклонения** является их способность изменяться по временам. В удмуртском языке различают восемь временных форм: а) простые: настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное); б) сложные: I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное и прошедшее многократное [УКК 2011: 170].

В образовании форм **настоящего, будущего и первого прошедшего времени** в соответствии с литературными формами особых отклонений не выявлено, ср.:

яратйсько 'люблю' PRS.1SG — литер. *яратйсько*, *бёрдйськод* 'плачешь' PRS.2SG — литер. *бёрдйськод*, *туртэ* 'намеревается' PRS.3SG — литер. *турттэ*, *буре ваё* 'поминают' PRS.3PL — литер. *буре ваё*, *уг сюлмаськы* 'не беспокоится' NEG.PRS.3SG — литер. *уг сюлмаськы* и др.; *куло* 'умру' FUT.1SG — литер. *куло*, *луод* 'станешь' FUT.2SG — литер. *луод*, *улоз* 'будет жить' FUT.3SG — литер. *улоз*, *бертом* 'возвратимся домой' FUT-1PL — литер. *бертом(ы)*, *данялозы* 'прославят' FUT-3-PL — литер. *данялозы*, *уг кушты* 'не брошу' NEG.FUT.1SG — литер. *уг кушты* и др. *басьтй* 'я взял' 1PST.1SG — литер. *басьтй*, *улийд* 'ты жил' 1PST.2SG — литер. *улийд*, *кошкиз* 'он ушел' 1PST.3SG — литер. *кошкиз*, *дугдытйды* 'вы остановили' 1PST-2-PL — литер. *дугдытйды*, *ой тоды* 'я не узнал' NEG.1PST.1SG — литер. *ой тоды*, *од берты* 'ты не вернулся домой' NEG.1PST.2SG — литер. *ой тоды*, *оз поты* 'он не вышел' NEG.1PST.3SG — литер. *оз поты*, *оз лэзе* 'они не отпустили' NEG.1PST.3-PL — литер. *оз лэзе* и др.

Второе прошедшее время в памятнике представлено лишь формами третьего лица единственного и множественного числа: *карем* 'он, оказывается, сделал' 2PST.3SG — литер. *карем(ез)*, *тодмам* 'он, оказывается, узнал' 2PST.3SG — литер. *тодмам*; *кошкильям* 'они, оказывается, ушли' 2PST.3PL — литер. *кошкильям(зы)*, *жаляльям* 'они, оказывается, пожалели' 2PST.3PL — литер. *жаляльям(зы)* и др.

В образовании этих форм нам удалось выявить ряд особенностей.

1) Утвердительные и отрицательные формы 3-го лица единственного числа, образованные от глаголов I спряжения, выступают в [Житие] без личного показателя (*-ез*), употребление которого в литературном языке факультативно, например:

курэм 'он, оказывается, попросил' 2PST.3SG — литер. *курэм(ез)*;
пуктэм 'он, оказывается, построил' 2PST.3SG — литер. *пуктэм(ез)*;
улэм 'он, оказывается, жил' 2PST.3SG — литер. *улэм(ез)*;
тодыттэ 'он, оказывается, не знал' NEG.2PST.3SG — литер. *тодыттэ(ез)* / *өвёл тодэм(ез)*;
косымтэ 'он, оказывается, не велел' NEG.2PST.3SG — литер. *косымтэ(ез)* / *өвёл косэм(ез)*;
зорымтэ 'дождь, оказывается, не шел' NEG.2PST.3SG — литер. *зорымтэ(ез)* / *өвёл зорэм(ез)* и др.

2) Утвердительные формы 3-го лица множественного числа функционируют в памятнике без маркеров лица и числа (-з-ы), употребление которых в литературном языке также носит факультативный характер: *возильям* 'они, оказывается, держали' 2PST.3PL — литер. *возильям(зы)*; *көйлйлям* 'они, оказывается, переночевали' 2PST.3PL — литер. *көйлйлям(зы)*; *кошкильям* 'они, оказывается, ушли' 2PST.3PL — литер. *кошкильям(зы)* и др.

3) Отрицательные формы образуются в тексте синтетическим способом:

дйсьтымтэ 'он, оказывается, не осмелился' NEG.2PST.3SG — литер. *дйсьтымтэ(ез)* / *өвёл дйсьтэм(ез)*;

луымтэ 'он, оказывается, не стал' NEG.2PST.3SG — литер. *луымтэ(ез)* / *өвёл луэм(ез)*;

сиймтэ 'он, оказывается, не съел' NEG.2PST.3SG — литер. *сиймтэ(ез)* / *өвёл сием(ез)* и др.

4) Отрицательные формы 3-го лица множественного числа в [Житие] не имеют в своем составе элемента -ля-:

верамтэзы 'они, оказывается, не сказали' NEG.2PST-3-PL — литер. *вералляммтэ(зы)* / *өвёл вераллямм(зы)*;

тэрымтэзы 'они, оказывается, не вместились' NEG.2PST-3-PL — литер. *тэрилляммтэ(зы)* / *өвёл тэриллямм(зы)*.

Все эти особенности в целом характерны для отдельных говоров южноудмуртского наречия [Кельмаков 2006: 150—152]. Что же касается функционирования в [Житие] отрицательных форм 3-го лица множественного числа без -ля-, в данном случае, вероятно, в памятнике представлены более ранние формы, а в литературном — более поздние, поскольку здесь они дополнительно «осложнены суффиксом -л'л'-, возникшим из сочетания -лй- суффиксов многократности -л и -й: *лй > л'л'*» [Карпова 2018: 321].

Из сложных временных форм в памятнике встречаются лишь две разновидности:

а) **прошедшее длительное время:**

вань вылэм 'имелся' PRS.3SG AUX — литер. *вань вылэм*;

уг зор вылэм 'дождь не шел' NEG.PRS.3SG AUX — литер. *уг зор вылэм*.

б) **прошедшее многократное время:**

кошкоз вылэм 'он уйдет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *кошкоз вылэм*,

вералоз вылэм 'он скажет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *вералоз вылэм*,

пыроз вылэм 'он зайдет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *пыроз вылэм*;

вөсялозы вылэм 'они освятят, бывало' FUT-3-PL AUX — литер. *вөсялозы вылэм*.

Как видим, никаких отклонений в образовании этих форм по сравнению с литературной нормой не наблюдается.

3.2.2. В тексте «Жития Св. Феодора» форма **повелительного наклонения** единственного числа, как и в современном удмуртском языке, не имеет морфологического маркера, т. е. совпадает с глагольной основой³: *берыкты* 'верни' IMP.2SG — литер. *берыкты*, *валэкты* 'разъясни' IMP.2SG — литер. *валэкты*, *ёна* 'излечись' IMP.2SG — литер. *йёна* и др. При этом конечная гласная основы -ы при отсутствии сочетания согласных в корне слова, как правило, выпадает: *тау кар* 'поблагодари' IMP.2SG — литер. *тау кар* (< *тау карыны* 'благодарить, поблагодарить'), *ул* 'живи' IMP.2SG — литер. *ул* (< *улыны* 'жить, прожить') и др.

Морфологическими показателями утвердительных форм множественного числа в литературном языке являются суффиксы -э(лэ)/-е(лэ) (I спряжение) и -лэ (II спряжение). К сожалению, подобные примеры в памятнике отсутствуют.

Отрицательные формы повелительного наклонения образуются путем сочетания не изменяемого по лицам и числам препозитивного глагола *эн* 'не' с соответствующими утвердительными формами: *вождэ эн вай* 'не сердись' NEG.IMP.2SG — литер. *вождэ эн вай*, *эн басьтэ* 'не забирайте' NEG.IMP-2PL — литер. *эн басьтэ(лэ)*.

Кроме синтетического способа образования императивных форм, в удмуртском языке выделяют также аналитический способ, при котором глагол употребляется с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* или *медам* (*медад*, *медаз*): *мед мыноз* 'пусть он пойдет', *медам лыкты* 'пусть он не приходит' и т. д. [УКК 2011: 168]. В [Житие] подобный пример лишь один: *медаз кулы* 'пусть он не умрет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз кулы*.

³ Ударение при этом переходит на первый слог слова: *вётлы* 'сходи', *дугды* 'остановись', *ужа* 'работай' и др. [УКК 2011: 164].

3.2.3. Морфологическим маркером **сослагательного наклонения** в удмуртском языке является суффикс *-сал*, к которому в формах единственного числа 2-го и 3-го лица, а также в формах множественного числа во всех трех лицах, как правило, присоединяются маркеры лица и числа: *мон гожъясал* ‘я бы писал’, *тон гожъясал(ыд)* ‘ты бы писал’, *со гожъясал(ыз)* ‘он бы писал’, *ми гожъясалмы* ‘мы бы писали’, *тй гожъясалды* ‘вы бы писали’, *соос гожъясалзы* ‘они бы писали’ [УКК 2011: 161]. Однако проверить, соответствуют ли сослагательные формы памятника литературным и современным диалектным вариантам, мы не можем из-за отсутствия соответствующих примеров в тексте.

3.2.4. Помимо трех основных, некоторые ученые выделяют в удмуртском языке еще **желательное наклонение**. Полные парадигмы спряжения зафиксированы в говоре д. Муважи Алнашского района УР, кукморском, кырымасских и некоторых других южноудмуртских говорах [Кельмаков 2006: 145—146]. В северном и бесермянском наречиях, а также в срединных говорах на данный момент сохранились лишь формы 3-го лица, которые сейчас рассматриваются в парадигме повелительного наклонения. По мнению В. К. Кельмакова, о существовании и дальнейшем распаде в этих говорах целостной парадигмы желательного наклонения свидетельствует тот факт, что «в отрицательном аспекте для выражения 3-го лица употребляется отрицательная вспомогательная часть как 1-го лица (*мэдам*), так и 3-го лица (*мэ-даз*)» [Кельмаков 2006: 146].

В [Житие] нам удалось выявить лишь несколько утвердительных форм: две формы 1-го лица и три формы 3-го лица единственного числа:

мед пыром вал ‘пусть бы я вошел’ OPT.1SG — литер. *мед пыром вал*, *мед кулом вал* ‘пусть бы я умер’ OPT.1SG — литер. *мед кулом вал*;

мед кароз вал ‘пусть бы он сделал’ OPT.3SG — литер. *мед кароз вал*, *мед коттоз вал* ‘пусть бы он смочил’ OPT.3SG — литер. *мед коттоз вал*, *мед кулоз вал* ‘пусть бы он умер’ OPT.3SG — литер. *мед кулоз вал*.

Несмотря на отсутствие полной парадигмы в памятнике, наличие форм первого лица, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в тексте представлено желательное наклонение, которое в большинстве современных говоров уже не выделяется.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относят инфинитив, причастия и деепричастия.

3.3.1. Морфологическим показателем **инфинитива** в [Житие], как и в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве диалектов, является аффикс *-ны*: *вöсьяськыны* ‘молиться’ — литер. *вöсьяськыны*, *мыныны* ‘идти’ — литер. *мыныны*, *чоксаны* ‘закрывать’ — литер. *чоксаны* и др.

3.3.2. **Причастия** в памятнике оформлены следующими морфологическими показателями:

1) **-йсь**:

лыктысь ‘приходящий’ — литер. *лыктысь*, *улысь* ‘живущий’ — литер. *улысь*

2) **-эм/-ем** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):

лэзем ‘посланный’ — литер. *лэзем*, *лэсьтэм* ‘сделанный’ — литер. *лэсьтэм*, *котыртэм* ‘огороженный’ — литер. *котыртэм* и др.;

вöтам ‘увиденный во сне’ — литер. *вöтам*;

3) **-оно**:

кулоно ‘которому предстоит умереть’ — литер. *кулоно*, *паймоно* ‘которому предстоит удивиться’ — литер. *паймоно*;

4) **-он/-ён**:

кыльлён ‘предназначенный для лежания’ — литер. *кыльлён*, *локаськон* ‘предназначенный для встречи’ — литер. *локаськон*, *улон* ‘предназначенный для житья’ — литер. *улон* и др.;

5) **-мон**:

ульмон ‘достаточный для жизни’ — литер. *ульмон*;

6) **-мтэ**:

кульмтэ ‘не умерший’ — литер. *кульмтэ*;

7) **-онтэм**:

бертонтэм ‘безвозвратный’ — литер. *бертонтэм*.

Как видим, никаких отклонений в образовании причастных форм в анализируемом тексте не наблюдается.

3.3.3. Деепричастия в памятнике оформлены следующими формантами:

1) **-са:**

курыса ‘прося’ — литер. *курыса*, *пегзыса* ‘убежав’ — литер. *пегзыса*, *тодыса* ‘узнав’ — литер. *тодыса* и др.;

жаляса ‘пожалев’ — литер. *жаляса*, *кышкаса* ‘боясь’ — литер. *кышкаса*, *малтаса* ‘думая’ — литер. *малтаса* и др.

2) **-тэк:**

бертытэк ‘не возвращаясь домой’ — литер. *бертытэк*, *дышетытэк* ‘не обучив’ — литер. *дышетытэк*, *потытэк* ‘не желая’ — литер. *потытэк* и др.

Кроме основного суффикса *-тэк*, который встречается в восьми формах, в двух примерах представлен вариант *-тэг*: *висытитэг* ‘не болея’ — литер. *висытитэк*, *лэзытитэг* ‘не отпуская’ — литер. *лэзытитэк*. Стоит отметить, что подобный алломорф ранее был отмечен и в памятнике на казанском наречии удмуртского языка [Безенова 2018: 21], но, к сожалению, в других источниках и в современных диалектах следов подобного варианта мы еще не встречали, поэтому на данный момент делать какие-либо выводы о происхождении этого алломорфа мы не можем.

3) **-кы:**

азыкыз ‘когда он видит’ 3SG — литер. *адзыкуз*, *бертыкыз* ‘когда он возвращается домой’ 3SG — литер. *бертыкуз*, *ветлыкызы* ‘когда они ходят’ 3-PL — литер. *ветлыкузы* и др.

Маркер *-кы*, который употребляется в памятнике в соответствии с литературным *-ку*, по своему происхождению считается более архаичным (см. подробнее [Серебренников 1963: 302]). Этот вариант представлен на данный момент в говорах южной диалектной зоны [Атаманов 1981: 55, 2005: 188; Загуляева 1982: 6; Кельмаков 2006: 159], в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 253], а также в нижнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 357]. Для остальных севернудмуртских диалектов характерен формант *-ку*, который закрепился и в современном литературном языке.

Кроме того, из приведенных примеров видна еще одна особенность: деепричастия, оформленные суффиксом *-кы*, а также суффиксом *-тось* (*-тося-*), который будет рассмотрен далее, в отличие от предыдущих глагольных форм, могут изменяться по лицам и числам.

4) **-тось (-тося-):**

восьськытось ‘пока молишься’ — литер. *восьськытозь*, *кулытосязы* ‘до их смерти’ 3-PL — литер. *кулытосязы*.

Как видим, в данном случае показатель, выявленный в памятнике, также не совпадает с литературным суффиксом. В диалектах удмуртского языка сегодня выделяют несколько алломорфов маркера *-тозь* (*-тос'*, *-тоз'*, *-ййож*, *-ччож*, *-ччоз'* (*-чоз'*) [Кельмаков 2006: 157—158]). Вариант *-тос'*, зафиксированный нами в [Житие], по данным диалектологов, распространен в кукморском, шошминском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта [Кельмаков 2006: 157]. Возможно, этот маркер встречается и в современных говорах центрально-южного диалекта удмуртского языка, но из-за низкого уровня изученности данного ареала такие примеры еще не выявлены.

4. Выводы

Итак, в переводе «Жития Св. Феодора» на морфологическом уровне можно выделить ряд особенностей, в отношении которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов:

- 1) образование множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной с помощью суффикса *-ёс*;
- 2) употребление в формах разделительного падежа параллельно с аффиксом *-лэсь* маркера *-лйсь*;
- 3) функционирование элативных и эгрессивных показателей в *и*-овой огласовке;
- 4) образование терминатива с помощью суффикса *-ось*;
- 5) функционирование двух модификаций залогового аффикса *-иськ(ы)/-йськ(ы)-* — *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*;
- 6) отсутствие в отрицательных формах прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа элемента *-лля-*;
- 7) наличие форм желательного наклонения;
- 8) образование деепричастий, обозначающих дополнительное действие, протекающее одновременно с основным, с помощью маркера *-кы*;

9) функционирование деепричастий, указывающих на действие, до осуществления которого происходит другое действие, с показателем *-тось (-тося-)*.

Из девяти перечисленных особенностей, выявленных нами в тексте, четыре (пп. 3, 4, 5, 9) имеют инновационный характер. При этом все они зафиксированы в современных южноудмуртских говорах, что не противоречит гипотезе, выдвинутой на основе анализа фонетической системы памятника, согласно которой диалектной основой «Жития Св. Феодора» является один из центрально-южных говоров [Безенова 2021: 47].

К сожалению, нам не удалось однозначно объяснить функционирование некоторых особенностей в [Житие]. В какой-то мере, вероятно, это связано с небольшим объемом памятника, но главным образом, на наш взгляд, на это повлияло отсутствие комплексных описаний большинства удмуртских диалектов. В первую очередь это относится к центрально-южным говорам, которые по сей день фактически остаются белым пятном в удмуртской диалектологии.

Сокращения

Языки и диалекты

бес. — бесермянское наречие	к.-п. — коми-пермяцкий язык
бтБК. — буйско-таныпский говор деревни Большой Качак (Калтасинский район Башкортостана)	к.-я. — коми-язвинский язык
канл. — канлинский говор	литер. — литературная форма, литературный язык
кркм. — кырымасские говоры	сред. — срединные говоры
кукм. — кукморский говор	шошм. — шошминский говор
к.-з. — коми-зырянский язык	юж. — центрально-южный диалект

диалекты по [Wichmann 1987]:

В — бесермянский диалект	MU — малмыжско-уржумский диалект
G — глазовский диалект	S — сарапульский диалект
J — елабужский диалект	U — уфимский диалект
M — малмыжский диалект	

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IMP — повелительное наклонение
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	INE — инессив
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время	INF — инфинитив
ABL — аблатив	INS — инструменталь
ACC — аккузатив	NEG — отрицательный глагол
AUX — вспомогательный глагол	OPT — желательное наклонение
CAUS — понудительный залог	PL — множественное число
CONV — деепричастие	POSS — посессивный показатель
DAT — датив	PRS — настоящее время
EGR — эгрессив	PTCP — причастие
ELA — элатив	REFL — рефлексив
FUT — будущее время	SG — единственное число
ILL — иллатив	TER — терминатив

Литература

- Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105. {*Alasheeva A. A. Upper-Cheptsya Dialects I // Speech Samples of the Udmurt Language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.*}
- Архипов 1978 — *Архипов Г. А.* Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 3—46. {*Arkhipov G. A. Morphological Features of the Udmurt Middle-Southern Dialect I // About Dialects and Subdialects of the Southern Udmurt Dialect: Collection of Papers and Materials. Izhevsk, 1978. P. 3—46.*}

- Атаманов 1981 — *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96. {*Arkhipov G. A.* Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}
- Атаманов 2005 — *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. {*Atamanov M. G.* From Dondykar to Ursyurt. From the History of the Udmurt Regions. Izhevsk, 2005.}
- Баталова 1993а — *Баталова Р. М.* Коми(-зырянский) язык // Языки мира: Уральские языки. Москва, 1993. С. 214—229. {*Batalova R. M.* Komi(-Zyrian) Language // Languages of the World: Uralic Languages. Moscow, 1993. P. 214—229.}
- Баталова 1993б — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. Москва, 1993. С. 229—239. {*Batalova R. M.* Komi-Permian Language // Languages of the World: Uralic Languages. Moscow, 1993. P. 229—239.}
- Безенова 2018 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 7—22. {*Bezenova M. P.* “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Verbal Morphology // Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 7—22.}
- Безенова 2021 — *Безенова М. П.* Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2021, 2 (41). С. 21—50. {*Bezenova M. P.* Phonetic features of the “Life of St. Theodore” (1913) (written) in the Udmurt language // Ural-Altaic Studies. 2021, 2 (41). P. 21—50.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. *П. Н. Перевоицков*. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}
- Житие — Святой Феодорлэн улэмез. Житие Св. Феодора: На вотскомъ языкѣ елабужскаго нарѣчя. Первое издание Переводческой Комиссии 3-го благочинническаго округа, Елабужскаго уѣзда, Вятской Епархii. Казань: Центральная типографія, 1913. 19 с. {Life of St. Theodore: In the Elabuga dialect of the Votyak Language. The first edition of the Translation Commission of the 3rd Deanery District, Elabuga District, Vyatka Eparchy. Kazan: Central Printing House, 1913. 19 p.}
- Загуляева 1982 — *Загуляева Б. Ш.* Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 5—27. {*Zagulyaeva B. Sh.* Dialects of the Kizner District Udmurts // Speech Samples of the Udmurt Language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}
- Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}
- Кельмаков 1993 — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. {*Kel'makov V. K.* Formation and Development of Phonetics of the Udmurt Dialects. Izhevsk, 1993.}
- Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}
- Кондратьева 2011а — *Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Category of the Nominative Case in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}
- Кондратьева 2011б — *Кондратьева Н. В.* Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Variation of Nouns in the Udmurt Language (Grammatical Categories of Case and Number). Summary of a Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}
- Кондратьева 2011в — *Кондратьева Н. В.* Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* The Formation of the Case System in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}
- Лыткин 1931 — *Лыткин В. И.* К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. II. Москва, 1931. С. 101—111. {*Lytkin V. I.* On the Origin of the Plural Suffix “jos” in the Udmurt Language // Udmurt Topics: Collection of Papers. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}
- Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.}
- Тараканов 1960 — *Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта // Труды Института языка и литературы АН ЭССР. Таллин, 1960. Вып. 5. С. 117—153. {*Tarakanov I. V.* Some Phenomena of Assimilation, Elision and Insertion of Sounds in the Udmurt Language: On the Material of the Bavly Dialect // Proceedings of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the ESSR. Tallinn, 1960. Issue 5. P. 117—153.}
- Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. Москва, 1970. {*Tepliyashina T. I.* The Beserman Language. Moscow, 1970.}
- Тепляшина 1975 — *Тепляшина Т. И.* Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975, XI. С. 179—185. {*Tepliyashina T. I.* The Use of Plural Accusative Formants in the Udmurt Dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1975, XI. P. 179—185.}

- УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011. {Morphology of the Udmurt Language: Scientific and Educational Publication / Ed. *N. N. Timerkhanova*. Izhevsk, 2011.}
- Усачева 2011 — *Усачева М. Н.* Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сфера употребления и зоны конкуренции // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2011. Т. 7. Часть 3. С. 208—213. {*Usacheva M. N.* Indicators of Elative, Egressive and Ablative in Permian Languages: Sphere of Use and Zones of Competition // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2011. Vol. 7. Part 3. P. 208—213.}
- Fokos 1963 — *Fokos D.* [рец.] Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962 // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1963, 1 (66). 215—218 old.
- Kövesi 1965 — *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.
- Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Y. Wichmann*. Bearb. *T. E. Uotila, M. Korhonen*. Hrsg. *M. Korhonen*. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

**Пассивный залог как один из компонентов
выражения информационной структуры в мансийском языке:
данные верхнелозьвинского диалекта**

Жорник Дарья Олеговна, Институт языкознания РАН, Высшая школа экономики; daria.zhornik@yandex.ru

Статья посвящена одному из средств выражения информационной структуры в мансийском языке — пассивному залого. В работе используются современные данные верхнелозьвинского диалекта, собранные автором и его коллегами в ходе полевых исследований в 2017—2019 годах в деревни Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловской области. По итогам экспедиций был создан небольшой корпус мансийского языка, в котором был осуществлен поиск конструкций с пассивным залогом. Приводится краткий обзор взглядов предшественников на роль залога в мансийском языке. На полевом материале рассматривается функционирование информационной структуры в верхнелозьвинском диалекте, в котором задействованы, помимо залога, система субъектного и субъектно-объектного спряжения, а также падежное маркирование. Анализируются пассивные конструкции, образованные от непереходных, переходных и битранзитивных глаголов.

В результате анализа данных делается подтверждающий предыдущие исследования вывод о том, что пассивизация происходит для продвижения в позицию подлежащего наиболее топикального участника; вместе с тем формулируется предположение о том, что помимо собственно информационной структуры высказывания на выбор пассивного залога влияют и другие факторы, такие как одушевленность и референциальный статус участника ситуации. Рассматриваются случаи, в которых подлежащим пассивной конструкции оказывается не наиболее топикальный, а наиболее одушевленный или наиболее определенный персонаж. Высказывается предположение о том, что играть роль в выборе залога может не один из этих факторов, взятый по отдельности, а некоторое суммарное значение по данным трем параметрам. В перспективе необходима разработка формальной модели, которая могла бы учитывать тонкости механизма выбора залога в мансийском и, шире, обско-угорских языках.

Ключевые слова: мансийский язык, полевая лингвистика, информационная структура, глагольная морфология, пассивный залог, корпусная лингвистика

**PASSIVE VOICE AS A MEANS OF MARKING INFORMATION STRUCTURE IN MANSI:
DATA FROM THE UPPER LOZVA DIALECT**

Daria O. Zhornik, Institute of Linguistics, RAS, Higher School of Economics; daria.zhornik@yandex.ru

This article is aimed at investigating the passive voice as one of the means of marking information structure. The data we use come from our own fieldwork among the Upper Lozva Mansi in 2017—2019 conducted in villages of Ushma and Treskolje of the Ivdel district of the Sverdlovsk oblast, Russian Federation. The data gathered during field trips was assembled into a small corpus of the Northern Mansi language, and we extracted all examples of passive voice found in this corpus. In the article, we briefly summarize the views of our predecessors on the role of the passive voice in Ob-Ugric languages and afterwards we describe the general outline of information structure in Mansi by briefly depicting the use of subject and object conjugations, the passive voice and case marking. We separately analyze the passive voice constructions formed from intransitive, transitive and bitransitive verbs.

We conclude that passive voice is, as stated in previous studies, used for promoting the most topical constituent to the subject position. However, we also suppose that there are some other factors that contribute to the choice of voice in Mansi, e. g. animacy and referential properties of the constituent in question. We describe cases in which the most animate or the most definite (and not the most topical) constituent is being promoted to the subject position. We also suppose that not only these factors may separately affect the choice of voice, but also that the sum of these parameters might be crucial. We suggest that it is necessary to create a formal model which would include all the above-mentioned parameters and adequately describe the choice of voice in Mansi and in Ob-Ugric.

Keywords: the Mansi language, field linguistics, information structure, verbal morphology, passive voice, corpus linguistics

Сбор материала и работа над статьей велись в рамках работы по проекту РФФИ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири» (руководитель проекта — Д. А. Рыжова).

Введение¹

Мансийский язык (< обско-угорские < финно-угорские < уральские) распространен на территории ХМАО-Югры и Свердловской области и насчитывает около 1000 носителей (938 по переписи 2010 г.). В тексте настоящей статьи под наименованием «мансийский язык» мы будем понимать лишь северную группу его диалектов, поскольку остальные диалектные группы на данный момент уже не имеют живых носителей. Данные для статьи получены в ходе экспедиций автора, С. В. Покровской и В. С. Харитонова к носителям верхнелозьвинского диалекта в д. Ушма Ивдельского района Свердловской области в 2017—2019 гг. В Ивдельском районе существует несколько мансийских деревень, в которых носители всех поколений свободно владеют мансийским языком как родным и используют его практически как единственный язык повседневного общения. В связи с этим в экспедициях удается собирать большие объемы текстов различных жанров от носителей разных возрастных групп — нарративы, диалоги, экспериментальные тексты с выполнением тех или иных заданий.

В мансийском языке наблюдается порядок слов SOV, имеется шесть падежных граммем (номинатив, латив, локатив, аблатив, инструменталис, транслатив²) у существительных, а также «аккузатив» у личных местоимений, образующийся с помощью присоединения к основе местоимения посессивного показателя того же лица и числа. В языке представлены субъектное и субъектно-объектное спряжение, распространены пассивный залог, о котором и пойдет речь в настоящей работе. Следует отметить, что в мансийском языке невозможно никакое согласование с косвенным объектом, а в пассивном залоге возможны только формы субъектного спряжения.

Пассивные конструкции в мансийском языке образуются с помощью присоединения к финитному глаголу одного из алломорфов пассивного показателя *-we*, при этом глагольное согласование контролирует участник, продвинувший в позицию подлежащего, а участник, с этой позиции смещенный, может либо не иметь поверхностного выражения, либо маркироваться лативом или, реже, инструменталисом — механизм выбора падежного маркера будет кратко описан далее.

- (1) *āe-um ti-t kol ūnt-t-əs*³
отец-POSS.1SG этот-LOC дом сестр-TR-PST[3SG]
'Мой отец построил здесь дом'.
- (2) *ti-t kol ūnt-t-awe-s*
этот-LOC дом сестр-TR-PASS-PST[3SG]
'Здесь построили дом'.
- (3) *ti-t kol āe-um-na ūnt-t-awe-s*
этот-LOC дом отец-POSS.1SG-LAT сестр-TR-PASS-PST[3SG]
'Моим отцом построен здесь дом'.

Пассивные конструкции в обско-угорских (хантыйском и мансийском) языках обладают некоторыми особенностями: они характеризуются высокой частотностью и во многом не попадают под типичные определения пассивного прототипа ([Shibatani 1985; Keenan, Dryer 2006] и др.), поскольку в позицию подлежащего в пассивной конструкции может продвигаться не только «исходное»⁴ прямое дополнение,

¹ Автор выражает благодарность В. С. Харитонову, В. А. Плунгяну, А. Ю. Урманчиевой и Н. А. Муравьеву за консультации по вопросам, поднимающимся в данной работе, а также анонимным рецензентам за советы, касающиеся библиографии по теме статьи, и другие ценные замечания.

² Здесь и далее мы используем условные ярлыки для обозначения падежей. Наиболее важными для данной статьи являются падеж на *-n* («латив») и падеж на *-l* («инструменталис»).

³ Здесь и далее примеры представлены в условной фонематической записи, разработанной участниками проекта по документации мансийского языка. В ней используется символ *ε* для обозначения палатального фрикатива, сложная веллярная лабиализованная фонема обозначается сочетанием символов *kw*, для обозначения фонологической долготы гласных используется макрон.

⁴ В исследованиях пассивного залога довольно типична стратегия, при которой пассивную и активную формы рассматривают как симметричные друг другу конфигурации, и при анализе пассивной конструкции ей зачастую сопоставляют «аналогичную» активную. В данном разделе для упрощения мы тоже следуем этой стратегии, однако мы не считаем ее достаточно адекватным способом описания мансийских пассивных конструкций. Мы сомневаемся в тесном взаимодействии залога и переходности в мансийском языке и не считаем, что для каждой пассивной конструкции возможно восстановить зеркальный активный вариант. См. также аналогичные соображения в [Скрибник 2004: 454].

но и другие аргументы глагола (например, участники с ролью Реципиента, Бенефактива, Места или Цели, см. [Kulonen 1989]), то есть пассивизироваться могут и непереходные глаголы.

(4) *āe-um am palt-um joxt-əs*
отец-POSS.1SG 1SG к-POSS.1SG прийти-PST[3SG]
‘Мой отец пришел ко мне’.

(5) *am āe-um-na joxt-uwe-s-um*
1SG отец-POSS.1SG-LAT прийти-PASS-PST-1SG
‘Мой отец пришел ко мне’.

Исследования обско-угорского и, специальное, мансийского залога начинаются еще с трудов [Bouda 1936; Lavotha 1960]. Одной из основных работ по этой теме является диссертация [Kulonen 1989]; эта проблематика обсуждается также в таких работах, как [Ромбандеева 1979; Honti 1982; Schiefer 1985; Skribnik 2001; Скрибник 2004].

В предыдущих исследованиях представлено два основных типа определений обско-угорского залога. С одной стороны, важной оказывается топикальность участников ситуации. В позицию подлежащего продвигается наиболее топикальный аргумент, см. следующие определения:

- a. Страдательный залог... служит для поддержания тематической доминанты текстового фрагмента [Кошкарёва 2002: 35];
- b. Passive [involves] the demotion of the [-topic] highest argument... and the promotion of a [+topic] internal argument (if there is one)... [Kiss 2019: 163] («В ходе пассивной деривации происходит понижение аргумента со значением [-топик] ... и продвижение внутреннего аргумента со значением [+топик]...»; перевод здесь и далее наш. — Д. Ж.)

С другой стороны, пассивный залог определяют через несоответствие топика и Агенса: в случае, когда наиболее топикален неагентивный участник, используется пассив:

- c. ...a more important factor in the use of the passive is the idea of the non-agentivity of the topic, the grammatical subject of the sentence [Kulonen 1989: 71] («Более важный фактор в использовании пассива — это идея неагентивности топика, грамматического субъекта предложения»);
- d. ...passive construction arises when the topic... does not correspond to the semantic role of agent [Nikolaeva 2001: 16] («Пассивная конструкция возникает, когда топик... не соотносится с семантической ролью Агенса»).

Основная задача настоящего исследования — очертить круг явлений, не подпадающих под гипотезу о продвижении в позицию подлежащего наиболее топикального участника, и выдвинуть предположения о том, какие еще факторы могут играть роль при выборе залога в мансийском языке.

Работа устроена следующим образом. В **разделе 1** рассматривается информационная структура в мансийском языке, в **разделе 2** подробно обсуждаются мансийские пассивные конструкции. В **заключении** суммируются основные выводы работы.

1. Информационная структура в мансийском языке

В обско-угорских языках наблюдается сложная система регулирования информационной структуры, которая задействует различные средства: субъектное и объектное спряжения, пассивный залог, падежное маркирование, дискурсивные частицы, просодическое маркирование. В настоящей статье мы не будем касаться последних двух компонентов и очертим механизм выбора типа спряжения и залога в мансийском языке.

В данной статье, как и в работах предыдущих исследователей, мы будем в основном опираться на понимание информационно-структурных единиц по [Lambrecht 1994], а также по [Nikolaeva 2001]. В работе [Lambrecht 1994] топик и фокус понимаются следующим образом. Топик — “whatever the proposition is about” («то, о чём пропозиция», [Lambrecht 1994: 118]), а фокус — “the semantic component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition” («семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, которым ассерция отличается от пресуппозиции», [Lambrecht 1994: 213]). В работе [Nikolaeva 2001] в дополнение к предыдущим понятиям вводится так называемый вторичный топик для описания топикального прямого объекта. В некоторых случаях важным оказывается и понятие контрастивного топика (см., например [Aissen 2015]), который описывает те случаи, когда в дискурсе топик содержит в себе альтернативы, см. [Krifka 2008].

Информационно-структурные механизмы в северномансийском языке обсуждались в таких работах, как [Ромбандеева 1979; Скрибник 2004], а также на восточномансийском материале в трудах Сюзанны Виртанен [Virtanen 2012, 2014, 2015]. Мы с некоторыми собственными дополнениями приведем ее анализ мансийской информационной структуры уже на северномансийском материале, а в следующем разделе более детально исследуем поведение конкретно пассивного залога в этой системе.

С. Виртанен, используя вышеперечисленные понятия по [Lambrecht 1994] и [Nikolaeva 2001], описывает систему коммуникативного ранжирования участников высказывания, в которую встраивает переходность, объектное и субъектное спряжения и, наконец, в некоторых случаях пассивный залог. Основная идея такого подхода заключается в том, что в мансийском языке для основного топика зарезервирована синтаксическая позиция подлежащего, а в синтаксической позиции прямого дополнения могут оказываться именные группы, находящиеся либо в фокусе, либо во вторичном топике, см. [Virtanen 2015: 59], а также [Скрибник 2004: 48] про тему первого и второго ранга и ремы⁵. В случае, если такая именная группа находится в фокусе, делается выбор в пользу субъектного спряжения, как в (6). Если же прямое дополнение представляет собой вторичный топик (а в фокусе, таким образом, оказывается лишь сам предикат), то глагольное согласование с ним будет маркировано объектным спряжением, как в (7).

(6) *am akw xūl puw-s-um*
1SG один рыба поймать-PST-1SG
'(Я сходил на рыбалку и) поймал одну рыбу'.

(7) *am ti xūl puw-as-l-um*
1SG этот рыба поймать-PST-SG.O-1SG.S
'(Я очень долго хотел поймать одну конкретную рыбу, всем об этом рассказывал и) я эту рыбу поймал'.

По корпусным данным прослеживается отчетливая тенденция, в соответствии с которой личные местоимения в позиции прямого дополнения требуют объектного согласования всегда, поскольку в корпусе не встретилось примеров, в которых местоимение в позиции прямого дополнения было бы в фокусе. Однако опрос носителей показал, что, если поместить местоимение в фокус, будет употребляться субъектное спряжение:

(8) a. *pēt'a tūr anum ērupt-i*
Петя только 1SG.OBL любить-NPST[3SG]
'Петя только меня любит'.

b. **pēt'a tūr anum ērupt-i-t-e*
Петя только 1SG.OBL любить-NPST-SG.O-3SG.S
Ожидаемое значение: 'Петя только меня любит'.

Если же Пациенс, а не Агенс оказывается основным топиком, выбирается пассивная конструкция. Тогда «бывшее» прямое дополнение продвигается в позицию подлежащего. Так, в (9) позицию подлежащего занимает главный герой рассказа (являющийся основным топиком), который оказывается унесен волком в лес.

(9) *ta tot-we-s wōr-ē-n*
PTCL нести-PASS-PST[3SG] лес-POSS.3SG-LAT
'И вот он унес его в лес'.

Заметим, что в этом примере Агенс⁶ (волк) при пассиве не выражен (Пациенс также не выражен, но контролирует глагольное согласование). Как правило, именно это мы наблюдаем при достаточно высокой степени активации Агенса, нуль-анафора является наиболее частым способом референции к наиболее активированным участникам. Однако, если Агенс находится в фокусе, он может быть выражен в поверхностной структуре при помощи латива.

⁵ По-видимому, в работе Е. К. Скрибник под понятиями темы первого ранга и ремы подразумеваются как раз понятия топика и фокуса по [Lambrecht 1994], а под понятием темы второго ранга — вторичный топик по [Nikolaeva 2001].

⁶ Поскольку в этом разделе мы не хотим вдаваться в подробности, используется некоторое упрощение, и подлежащее любого переходного глагола мы называем Агенсом (а прямое дополнение — Пациенсом), хотя в мансийском существуют и неагентивные переходные глаголы (например, *видеть* и мн. др.).

- (10) *ta tot-we-s wōr-ē-n xājt-n-ut-na*
 PTCL нести-PASS-PST[3SG] лес-POSS.3SG-LAT бежать-PTCP-вещь-LAT
 ‘А **ВОЛК** (букв. «бегающая штука») его в лес-то и унес’.

Если в позиции исходного подлежащего находится не одушевленный деятель, а, например, неодушевленный Эффлектор⁷, то предпочтительным оказывается его маркирование не лативом, а инструменталисом, хотя латив, как показал опрос носителей, также возможен:

- (11) *āwi wōt-na / wōt-əl pāliḡ=wōt-amt-awe-s*
 дверь ветер-LAT / ветер-INS врозь=ветер-ASP-PASS-PST[3SG]
 ‘Ветром дверь настежь раскрыло’.

Таблица 1. Соответствие структурных позиций и информационной структуры в конструкциях с двумя участниками

	Агенса	Пациенса
Основной топик (ОТ)	подлежащее немаркированная форма активный залог субъектное согласование	подлежащее немаркированная форма пассивный залог субъектное согласование
Вторичный топик (ВТ)	—	прямое дополнение немаркированная форма / «аккузатив» у личных местоимений активный залог объектное согласование
Фокус (Ф)	косвенное дополнение латив / инструменталис пассивный залог	прямое дополнение немаркированная форма активный залог субъектное согласование

Если при пассивизации переходных конструкций появление латива гораздо более ожидаемо и часто, чем появление инструменталиса, то в дитранзитивных конструкциях мы можем с достаточной частотой наблюдать оба эти падежа. Дитранзитивные конструкции в мансийском языке, помимо работ С. Виртанен, были описаны в работах [Kulonen 1999; Bíró, Sipőcz 2017, 2018], также эта тема затронута в работе [Ромбандеева 1979].

Для упрощения будем считать, что в дитранзитивной ситуации имеются Агенса, Тема и Реципиент. Мы не будем приводить примеры на все возможные комбинации семантических ролей и информационно-структурных статусов, но отметим, что участник, являющийся основным топиком, будет по-прежнему занимать позицию подлежащего, вторичным топиком — прямого дополнения, фокусом — дополнения в лативе или инструменталисе, при этом латив используется в основном для маркирования одушевленного участника, а инструменталис — для неодушевленного участника, см. грамматичность примеров (12)—(13) и запрет примеров (14а) и (14b). Особым случаем является ситуация с неодушевленным Реципиентом — конечной точкой, в этом случае по-прежнему происходит ее маркирование лативом, то есть в дитранзитивных конструкциях на маркирование участников влияют как семантическая роль участников (в случае Реципиента / Конечной точки), так и их одушевленность (в случае с Темой).

- (12) а. *am pēt'a-n nēpak mi-s-l-um*
 1SG Петя-LAT книга дать-PST-SG.O-1SG.S
 ‘Петя дал мне книгу’.
- б. *am pēt'a-n ēc-um mi-s-l-um*
 1SG Петя-LAT младшая.сестра-POSS.1SG дать-PST-SG.O-1SG.S
 ‘Я дал Пете мою младшую сестру (подержать)’.

⁷ Эффлектор в мансийском языке может оказываться в позиции подлежащего в активном залоге и контролироваться глагольное согласование: *wōt awi pāliḡ=puns-as* ветер дверь настежь=открыть-PST[3SG] ‘Ветер распахнул дверь’.

- (13) a. *pēt'a nēpak-əl mi-we-s*
 Петя книга-INS дать-PASS-PST[3SG]
 'Пете дали книгу'.
- b. *am pēt'a mi-s-l-um nēpak-əl*
 1SG Петя дать-PST-SG.O-1SG.S книга-INS
 'Я дал Пете книгу'.
- (14) a. **pēt'a ēe-um-təl mi-we-s*
 Петя младшая.сестра-POSS.1SG-INS дать-PASS-PST[3SG]
 Ожидаемое значение: 'Пете дали мою младшую сестру (поддержать)'.
- b. **am pēt'a mi-s-l-um ēe-um-təl*
 1SG Петя дать-PST-SG.O-1SG.S младшая.сестра-POSS.1SG-INS
 Ожидаемое значение: 'Я дал Пете мою младшую сестру (поддержать)'.
- (15) *hawram-ət xan'ict-an ēkwa mujlupt-as iškola-n nēpak-ət*
 ребенок-PL учить-PTCP женщина подарить-PST[3SG] школа-LAT книга-PL
 'Учительница подарила школе книги'.
- (16) a. *am piy-na nēpak mi-s-l-um*
 1SG сын-LAT книга дать-PST-SG.O-1SG.S
 'Я юноше (новая информация) (эту) книгу дал'.
- b. *am ti piy nēpak-əl mi-s-l-um*
 1SG этот сын книга-INS дать-PST-SG.O-1SG.S
 'Я этому юноше книгу (новая информация) дал'.

Таблица 2. Соответствие семантических ролей и информационной структуры в дитранзитивных конструкциях

	Агенс	Тема	Реципиент
ОТ	подлежащее немаркированная форма активный залог	подлежащее немаркированная форма пассивный залог	
ВТ	—	прямое дополнение немаркированная форма активный залог объектное согласование	
Ф	косвенное дополнение латив пассивный залог	косвенное дополнение инструменталис активный залог	косвенное дополнение латив активный залог

Обобщим кратко функции субъектного и объектного спряжений, пассивного залога и падежного маркирования периферийных участников. Позиция подлежащего в мансийском зарезервирована для основного топика, прямого дополнения с объектным согласованием — для вторичного топика, дополнения в лативе / инструменталисе — для фокуса. Таким образом, субъектное спряжение в переходном глаголе используется для постановки в фокусную позицию второго участника в переходной ситуации, пассивный залог — для его постановки в позицию основного топика. Латив и инструменталис используются для маркирования фокусного участника в пассивной и дитранзитивной конструкциях, при этом выбор падежа определяется семантической ролью, а в случае Темы — одушевленностью.

2. Пассивный залог в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка

Для настоящей работы был проанализирован расшифрованный фрагмент экспедиционного корпуса текстов на верхнелозьвинском диалекте (mansipro.org/corpus/search), состоящий на момент написания данной статьи приблизительно из 18227 словоформ (примерно 2513 предложений). В корпусе было обнаружено 189 пассивных конструкций. Некоторые примеры, представленные в данной работе, были получены в ходе опроса носителей верхнелозьвинского диалекта.

Рассмотрим различные типы пассивных конструкций, встреченных в верхнелозьвинском корпусе. Наиболее частотны в обработанном материале конструкции, образованные от переходных глаголов (137; переходными мы считаем те глаголы, которые имеют в активной конструкции формы объектного спряжения), затем следуют конструкции, образованные от непереходных глаголов (45), и наименее частотны конструкции, образованные от битранзитивных глаголов (7). Битранзитивные конструкции мы в данной работе не рассматриваем ввиду малого количества найденных в корпусе примеров.

Глаголы, встречающиеся в пассивных конструкциях, образованных от переходных глаголов, отличаются наибольшим разнообразием. Это могут быть производные основы, каузативные глаголы, глаголы с различными аспектуальными показателями, конструкции со вспомогательными глаголами. В подавляющем большинстве случаев в позиции подлежащего мы видим наиболее топикального участника: так, пример (17) относится к рассказу носителя о себе, в котором референт 'я' обладает следующими особенностями: а) референт первого лица оказывается выше всех в референциальной иерархии; б) он является протагонистом рассказа; в) наиболее активирован; г) именно в этом предложении он является топиком по [Lambrecht 1994]. В примере (18) речь также идет о некотором протагонисте, который женится на мифической женщине Миснэ, при этом, когда он перестает быть Агенсом и становится Пациентом, мы наблюдаем использование пассивного залога (см. использование активного залога в предтексте). По [Lambrecht 1994] и 'он', и 'Миснэ' оказываются топикальными, однако по [Givón 1983] 'он' более активирован, поскольку весь непосредственно предшествующий дискурс идет о 'нем', а также 'он' является протагонистом рассказа.

- (17) *kwāl-tt-uwe-s-um ruε piγ-na*
встать-CAUS-PASS-PST-1SG русский сын-LAT
'(Сегодня утром я рано встал.) Русский парень меня разбудил'.

- (18) *jomas taj xum jomas misne tot-i*
хороший этот мужчина хороший Миснэ нести-NPST[3SG]
a ta misne-tē-n wērm-awe wōr-n tot-uŋkw
а тот Миснэ-POSS.3SG-LAT мочь-PASS[NPST.3SG] лес-LAT нести-INF
'(Куда бы он ни пошел, всё добывает постоянно, зверей добывает.) Вроде хорошо, что он на Миснэ женится. А эта Миснэ его может в лес увести'.

Также укладываются в теорию о продвижении наиболее топикального участника и пассивные примеры, образованные от непереходных глаголов (то есть глаголов, не имеющих форм объектного спряжения в активном залоге), см. пример (19а). Здесь в позицию подлежащего продвигается участник, который в активной конструкции был бы выражен послеложной группой, см. (19b).

- (19) а. *xājtnut-n nēyl-ap-awe-s-uw*
волк-LAT появиться-PFV-PASS-PST-1PL
'(Мы пешком шли, чай пили в одном месте, и тут, когда немного осталось,) волки встретились нам (букв. 'мы появились волком')'.
- б. *mān ēl-i-palt-uw xājtnut nēyl-ap-as*
1PL перед-ATTR-к-POSS.1PL волк появиться-PFV-PST[3SG]
'Нам встретился волк'.

Периодически при пассиве от непереходных глаголов в мансийском языке встречается малефактивная семантика, как в примере выше — участник 'мы' испытывает негативное воздействие от появления участника 'волк'. То же самое наблюдается и в случае с глаголами движения:

- (20) *mān xōnt-n ta jox-t-awe-w*
1PL войско-LAT PTCL прийти-PASS[NPST]-1PL
'На нас войско идет'.

В подобных случаях обычно говорят о так называемом адверсативном пассиве, см., например, [Wierzbicka 1979]. Хотя наиболее известные работы об этом явлении посвящены такому языку, как японский ([Kortland 1992; Tsuboi 2010; Toyota 2011]), адверсативный пассив распространен и в Северной Евразии, например в эвенском [Malchukov 1993], также подобные конструкции представлены в близкородственном мансийскому хантыйском [Муравьев, в печати].

В целом приведенные выше примеры хорошо вписываются в предложенную в разделе 1 картину, в которой в позиции подлежащего оказывается наиболее топикальный участник, то есть находящийся

в позиции топики по [Lambrecht 1994], а также наиболее активированный по [Givón 1983]. Однако в корпусе были обнаружены и примеры типа (20), в котором пассив используется в первом предложении текста, то есть в тетическом предложении, которое полностью находится в фокусе по [Lambrecht 1994]. Можно предположить, что референт ‘санквылтап’ (мансийский музыкальный инструмент) является топиком по одной из мер по [Givón 1983] — катафорической значимости, то есть в дальнейшем повествовании он становится топиком.

- (20) *sāŋkwəltap jīw-əl wār-awe*
санквылтап дерево-INS делать-PASS[NPST.3SG]
‘Санквылтап делают из дерева’.

Еще более спорным оказывается пример (21). В данной ситуации Тема — новый референт и находится в аддитивном фокусе. Ранее ‘свадьба’ в тексте не упоминалась. Тем не менее, используется пассивный залог.

- (21) *tuwəl os pūri wār-awe pūri*
потом ADD свадьба делать-PASS[NPST.3SG] свадьба
‘(Потом в семье тоже еще праздник устраивают, когда ребенок рождается.) Потом еще свадьбу делают, свадьбу’.

На наш взгляд, выбор залога в данных случаях обусловлен пониженными референциальными свойствами Агенса. В случае, если Агенс генерический или неопределенный, будет использоваться пассивный залог, вне зависимости от свойств Пациенса, см. пример (22) с неопределенным Агенсом:

- (22) *isnas pus-we-s*
окно открыть-PASS-PST[3SG]
‘(Что случилось?) Кто-то открыл окно’.

Помимо референциального статуса Агенса, важен также референциальный статус Пациенса. В примере (23) топикальны все участники, однако уникален среди них только референт ‘волк’ — именно он продвигается в позицию подлежащего, и используется пассив.

- (23) *saw eiskurek-ət joxt-əs-ət волк puet-uwe-s*
много курица-PL прийти-PST-3PL избить-PASS-PST[3SG]
‘(Маленькие курицы к волку пришли, он их почти съел. Потом) много куриц пришло, волка избивали’.

Выше мы рассмотрели ситуации, в которых Агенс референциально понижен либо уступает Пациенсу по референциальному статусу. Рассмотрим, однако, пример (24), в котором референт ‘ветер’ определенный и топикальный, а ‘Маша’ находится в позиции аргументного фокуса. Несмотря на такие свойства референтов, используется пассив, и в позицию подлежащего продвигается ‘Маша’.

- (24) *māša wōt-n jol=pat-t-uwe-s*
Маша ветер-LAT вниз=упасть-TR-PASS-PST[3SG]
‘(Кого ветер сбил с ног?) Ветер сбил с ног **Машу**’.

Мы предполагаем, что в данном случае дело в одушевленности участников: в случае, когда выражены оба участника ситуации, приоритетная позиция отдается наиболее одушевленному из них. Эти соображения подтверждаются примером (25). В данной ситуации имеются все предпосылки для употребления пассивного залога, но используется актив. Референт ‘стол’ топикальный и определенный, а референт ‘кто’ — неопределенный и фокусный.

- (25) *tī pasan xot’ut jowt-əs?*
этот стол кто купить-PST[3SG]
(В комнате стоит новый стол.) ‘Кто купил этот стол?’

Таким образом, мы предполагаем, что продвижение наиболее топикального участника в позицию подлежащего является лишь одной из функций мансийского пассивного залога, поскольку мы увидели в данном разделе некоторое количество примеров с информационно-структурным распределением, отличающимся от ожидаемого. Это заставляет предположить, что выбор залога регулируется не только информационной структурой, но и другими параметрами: референциальным статусом и одушевленностью.

Заключение

В нашей работе мы рассмотрели предыдущие исследования пассивного залога и информационной структуры в мансийском языке, а также современные данные верхнелозьвинского диалекта. Ранее описание залога в обско-угорских языках производилось в первую очередь с точки зрения информационной структуры: в позиции подлежащего оказывается наиболее топикальный участник, и если это Пациенс, используется пассивный залог.

В предыдущем разделе мы сталкивались с примерами, в которых продвинутым в позицию подлежащего оказывался не наиболее топикальный участник, а либо менее топикальный, либо вообще новый, только что введенный референт. Эти наблюдения заставляют задуматься о том, что помимо топикальности существуют и другие факторы выбора залога, не связанные напрямую с информационной структурой.

На данный момент нами выявлены две дополнительные категории, оказывающие влияние на выбор залога в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка: одушевленность и референциальный статус. Перспективным дальнейшим направлением исследований представляется углубленный анализ взаимодействия информационной структуры с этими параметрами. По предварительным данным, можно предположить, что выбор залога происходит в зависимости от как минимум трех признаков, характеризующих участников ситуации: топикальности, одушевленности и референциального статуса. Участник, который имеет наибольшее суммарное значение по этим параметрам, оказывается в позиции подлежащего. От этого выбора зависит использование активного и пассивного залога. Следующим шагом в нашем исследовании представляется формализация данного механизма в рамках некоторой новой модели и применение этой модели сначала к более широкому массиву мансийских данных, а затем, шире, к обско-угорскому материалу в целом.

Сокращения

1 — первое лицо	О — объектная согласовательная серия
3 — третье лицо	PASS — пассив
ADD — аддитивная частица	PFV — перфектив
ASP — аспектуальный показатель	PL — множественное число
ATTR — атрибутив	POSS — посессивность
CAUS — каузатив	PST — прошедшее время
INF — инфинитив	PTCL — частица
INS — инструменталис	PTCP — причастие
LAT — латив	S — субъектная согласовательная серия
LOC — локатив	SG — единственное число
NPST — непрошедшее время	TR — транзитивизатор

Литература

Кошкарёва 2002 — Кошкарёва Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 29—44. {*Koshkareva N. B. The communicative paradigm of the Khanty sentence // Languages of the indigenous people of Siberia. Novosibirsk, 2002. P. 29—44.*}

Муравьёв, в печати — Муравьёв Н. А. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал, в печати. {*Muravyev N. A. Adversative passive from verbs of directed motion in Kazym Khanty // Siberian Journal of Philology, to appear.*}

Ромбандеева 1979 — Ромбандеева Е. И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. Москва, 1979. {*Rombandeeva E. I. The syntax of the Mansi (Vogul) language. Moscow, 1979.*}

Скрибник 2004 — Скрибник Е. К. Категории мансийского глагола и актуальное членение предложения // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского. Москва, 2004. С. 445—458. {*Skribnik E. K. Categories of the Mansi verb and the information structure of the sentence // Typological explanations in grammar. Dedicated to the 70th birthday of Prof. V. S. Khrakovsky. Moscow, 2004. P. 445—458.*}

Aissen 2015 — Aissen J. Documenting topic and focus. Presentation on the 4th International Conference on Language Documentation and Conservation, University of Hawai'i (<http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/25401/25401.pdf?sequence=2>).

Biró, Sipőcz 2017 — Biró B., Sipőcz K. Ditransitivity in the Mansi language from typological perspective // FUM. 2017, 41. P. 25—43.

- Biró, Sipőcz 2018 — *Biró B., Sipőcz K.* Ditransitive constructions in Mansi dialects // Ditransitive constructions in a cross-linguistic perspective / Eds. *A. Korn, A. Malchukov.* Wiesbaden, 2018. P. 187—207.
- Bouda 1936 — *Bouda K.* Das obugrische Passivum // *Ungarische Jahrbücher* 16. Berlin, 1936. P. 286—293.
- Givón 1983 — *Givón T.* Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Amsterdam — Philadelphia, 1983.
- Honti 1982 — *Honti L.* Das Passiv in den obugrischen Sprachen // *Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1982. Vol. 32. № 1/4. P. 39—51
- Keenan, Dryer 2007 — *Keenan E. L., Dryer M.* Passive in the world's languages // *Syntactic Typology and Syntactic Description.* Vol. 1: Clause structure / Ed. *T. Shopen.* Cambridge, 2007. P. 325—361.
- Kiss 2019 — *Kiss K.* Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // *Proceedings of the Workshop Clause Typing and the Syntax-to-Discourse Relation in Head-Final Languages* / Eds. *J. Bayer, Y. Viesel.* Konstanz, 2019. P. 163—174.
- Kortland 1992 — *Kortlandt F.* On the meaning of the Japanese passive // *Acta Linguistica Hafniensia.* 1992, 24.1. P. 97—108.
- Krifka 2008 — *Krifka M.* Basic notions of information structure // *Acta Linguistica Hungarica.* 2008. Vol. 55. № 3—4. P. 243—276.
- Kulonen 1989 — *Kulonen U.-M.* The passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989.
- Kulonen 1999 — *Kulonen U.-M.* Über das Objekt der ditransitiven Konstruktionen im Wogulischen // *Europa et Siberia. Beiträge zur Sprache und Kultur der kleineren finnougri-schen, samojedischen und paläosibirischen Völker. Gedenkband für Wolfgang Veenker* / Eds. *C. Hasselblatt, P. Jääsalmi-Krüger.* Wiesbaden, 1999. P. 265—272.
- Lambrech 1994 — *Lambrech K.* Information structure and sentence form: Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lavotha 1960 — *Lavotha Ö.* Das Passiv in der wogulischen Sprache // *JSFOu.* 1960, 62. P. 1—34.
- Malchukov 1993 — *Malchukov A.* Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive // *Causatives and Transitivity* / Eds. *B. Comrie, M. Polinsky.* Amsterdam — Philadelphia, 1993. P. 369—384.
- Nikolaeva 2001 — *Nikolaeva I.* Secondary topic as a relation in discourse // *Linguistics.* 2001, 39 (1). P. 1—49.
- Schiefer 1985 — *Schiefer E.* Das Passiv und der mediale Gebrauch passiver Formen im Obugrischen // *Ars Ob-Ugrica.* Vol. 6. München, 1985.
- Shibatani 1985 — *Shibatani M.* Passives and related constructions: A prototype analysis // *Language.* 1985, 61 (4). P. 821—848.
- Skribnik 2001 — *Skribnik E.* Pragmatic structuring in Northern Mansi // *CIFU 9. Pars VI: Dissertationes sectionum: Linguistica III* / Ed. *T. Seilenthal.* Tartu, 2001. P. 222—239.
- Toyota 2011 — *Toyota J.* The Grammatical Voice in Japanese: A Typological Perspective. Cambridge, 2011.
- Tsuboi 2010 — *Tsuboi E.* Malefactivity in Japanese // *Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies.* Amsterdam — Philadelphia, 2010. P. 419—435.
- Virtanen 2012 — *Virtanen S.* Variation in three-participant constructions in Eastern Mansi // *Linguistica Uralica.* 2012, 2. P. 120—130.
- Virtanen 2014 — *Virtanen S.* Pragmatic direct object marking in Eastern Mansi // *Linguistics.* 2014, 52 (2). P. 391—413.
- Virtanen 2015 — *Virtanen S.* Transitivity in Eastern Mansi. PhD thesis. Helsinki, 2015.
- Wierzbicka 1979 — *Wierzbicka A.* Are grammatical categories vague or polysemous? (The Japanese 'adversative' passive in a typological context) // *Paper in Linguistics.* 1979. Vol. 12. Iss. 1—2. P. 111—162.

Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика

Подлеская Вера Исааковна, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); vi_podlesskaya@il-rsggu.ru
Ермишина Екатерина Сергеевна, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); kvermishina@mail.ru

Исследуется грамматика и прагматика японских конструкций с цитативным (квотативным) показателем *to* в текстах личных блогов. В работе ставятся две взаимосвязанные цели — (а) описать актуальное употребление квотативов в неформальной электронной коммуникации последнего времени; и (б) поместить данные японского языка в контекст современной дискуссии о противопоставлении прямой и косвенной речи. Показано, что японский язык представляет особый интерес для изучения межязыкового варьирования цитационных конструкций. Во-первых, в японском языке нет типичных для языков «среднеевропейского стандарта» индексальных выражений: отсутствует личное согласование, личные местоимения 1 и 2 л. употребляются редко; поэтому можно опираться лишь на более периферийные индексальные выражения — бенефактивы, формы вежливости, так называемые заключительные прагматические частицы. Но и эти необязательные индексальные выражения могут давать противоречивые сигналы внутри одного высказывания: одни могут ориентироваться на внешнего нарратора (что типично для прагматически косвенной речи), а другие — на внутреннего говорящего (что типично для прагматически прямой речи). Во-вторых, независимо от того, имеются ли индексальные выражения в составе цитаты и каковы они, цитата вводится квотативным маркером *to* в статусе комплементаризера. Это в корне отличает японский язык от языков «среднеевропейского стандарта», где комплементаризером обычно вводятся лишь цитаты в формате косвенной речи, синтаксически являющиеся вложенными клаузами. В-третьих, прагматически прямые цитаты далеко не всегда обрамляются кавычками, особенно в неформальном электронном дискурсе. Таким образом, для японского языка более плодотворным оказывается многофакторный анализ цитации, позволяющий учитывать все многообразие исследуемой зоны и выделять лингвоспецифические кластеры значений разноуровневых параметров.

Ключевые слова: квотатив, цитационные конструкции, прямая речь, косвенная речь, японский язык

QUOTATIVES IN INFORMAL JAPANESE DISCOURSE: GRAMMAR AND PRAGMATICS

Vera I. Podlesskaya, Russian State University for the Humanities (Moscow); vi_podlesskaya@il-rsggu.ru
Ekaterina S. Ermishina, Russian State University for the Humanities (Moscow); kvermishina@mail.ru

Based on the data from Japanese personal blogs the paper addresses grammar and pragmatics of the Japanese constructions with the quotative marker *to*. The aim is twofold: (a) to describe the actual use of quotatives in informal electronic discourse; and (b) to put the Japanese data in the context of the current discussion about the nature of the direct/indirect speech opposition. Japanese is shown to be an intriguing case when it comes to distinguishing direct and indirect reports. First, it lacks standard indexicals typical for languages known as “standard average European”, e.g. there is no personal agreement, first and second personal pronouns are extremely rare, hence, one can rely only on optional indexicals, like benefactives, honorifics or the so called final pragmatic particles. Furthermore, even these optional indexicals may operate controversially within one and the same utterance — some being oriented towards the external narrator (which is typical for pragmatically indirect reports) and other being oriented towards the internal speaker (which is typical for pragmatically direct reports). Second, whatever type of indexicals is used, if at all, the report is marked by the quotative marker (complementizer) *to*. This also distinguishes Japanese from standard average European languages where complementizers normally introduce only pragmatically indirect reports which constitute an embedded clause. Third, the quotation marks (*kagi*) are optional for pragmatically direct reports, especially in informal electronic discourse. The kind of data we present supports the approach to reported speech that doesn't favor either/or decisions, but rather is based on multifactorial analysis that considers the whole range of possible parameters and isolates their observed language-specific clusters.

Keywords: quotative, reported speech, direct speech, indirect speech, Japanese

1. Постановка вопроса

Данная работа посвящена конструкциям с цитационным (в другой терминологии — квотативным) союзом *to* — одному из основных способов передачи чужой речи (мысли) в современном японском языке. Мы ставим две смежные задачи: дескриптивную — описать употребление цитационных конструкций в реальном узусе, и типологическую — поместить обнаруженные нами данные в контекст дискуссии о возможных параметрах межъязыкового сравнения цитационных конструкций.

Конструкциям передачи чужой речи посвящена большая литература; в центре теоретических и типологических исследований этого явления — вопрос о разграничении прямой и косвенной цитации. Лавинообразное расширение исследуемого круга языков продемонстрировало, что наблюдаемые стратегии цитирования обнаруживают значительную вариативность, которую трудно свести к бинарному противопоставлению прямой и косвенной речи. В частности, далеко не универсален типичный для языков «среднеевропейского стандарта» такой паттерн прямой речи, при котором между авторской ремаркой и цитатой отсутствует подчинительная связь, а дейктические выражения «индексально не согласованы»: дейксис цитаты ориентирован на внутреннего (цитируемого) говорящего, а дейксис авторской ремарки — на внешнего (цитирующего) говорящего, или нарратора, ср. [Evans 2013], [Güldemann 2008], [Güldemann, von Roncador (eds.) 2002], [Spronck, Nikitina 2019] и др.

Японский язык — удобный полигон для изучения межъязыковой вариативности цитации, поскольку демонстрирует отклонение от «среднеевропейского стандарта» по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, в японских цитационных конструкциях прямая цитата, как и косвенная, вводится цитационным союзом (комплементаризером) *to*, и, таким образом, прямая цитата оказывается гораздо теснее синтаксически связана с авторской ремаркой, чем прямая цитата в языках типа русского или английского. Во-вторых, в японском языке нет глагольной категории лица, плюс сильно развит эллипсис, т. е. локуторы и ранее упоминавшееся референты чаще опускаются, чем заменяются личными или анафорическими местоимениями. Таким образом, в цитационной конструкции мало дейктических (индексальных) единиц, которые бы однозначно указывали, на кого ориентирован дейксис цитаты и авторской ремарки — на нарратора или на внутреннего говорящего. Этот дефицит лишь частично восполняется другими, менее «массовыми» типами индексальных выражений: этикетными формами и конструкциями, особыми глагольными формами, ориентированными на «социальный дейксис» — формами вежливости по отношению к собеседнику, формами вежливости по отношению к субъекту описываемого действия, бенефактивами, императивами и рядом других, ср. [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 2: 319—325], [Coulmas 1985], [Iwasaki 2013: 219—236], [Kuno 1988], [Okamoto, Ono 2008], [Oshima 2006], [Saito 2018] и др.

В монографическом исследовании японской грамматики [Iwasaki 2013: 220] приводятся следующие два примера, демонстрирующие прототипический формат цитационной конструкции в японском языке. Нарратор (внешний говорящий, в тексте не эксплицирован) сообщает внешнему адресату (в тексте не эксплицирован) о произошедшем речевом событии, а именно, о том, что Таро (внутренний говорящий, подлежащее авторской ремарки) сказал девушке по имени Митико (внутренний адресат, косвенное дополнение авторской ремарки и личное местоимение *kimi* ‘ты’ в функции посессивного атрибута в цитате), что он хочет увидеться с сестрой этой Митико по имени Маки (косвенное дополнение в цитате):¹

- (1) *taroo wa michiko ni kimi no imoto san ni zehi*
 Таро TOP Митико DAT ты GEN младшая.сестра HON DAT непременно
a-ita-i naa to it-ta
 встретиться-DSD-PRS PRT QUOT сказать-PAST
 ‘Таро сказал Митико: «[Я] непременно хочу увидеть твою сестру!»’

- (2) *taroo wa michiko ni maki ni a-ita-i to it-ta*
 Таро TOP Митико DAT Маки DAT встретиться-DSD-PRS QUOT сказать-PST
 ‘Таро сказал Митико, что [он] хочет увидеть [ее сестру] Маки.’

Согласно [Iwasaki 2013: 220], в примере (1) речевое событие передано в формате прямой речи, в примере (2) — в формате косвенной речи. Как видим, авторская ремарка в обоих случаях оформлена идентично. По общим правилам порядка слов в японском языке как в языке левого ветвления вершинный предикат авторской ремарки — глагол речи — помещен в крайнюю правую позицию. Подлежащее (внутренний говорящий), косвенное дополнение (внутренний адресат) и сентенциальное дополнение

¹ Все иллюстративные примеры в работе — как взятые из нашего рабочего массива, так и заимствованные из литературы — мы снабжаем собственным переводом и глоссингом в формате, разработанном в [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008]. Список сокращений приведен в конце работы.

(сама цитата) могли бы располагаться в любом порядке в зависимости от информационной структуры высказывания. В данном случае в обоих вариантах выбран порядок, при котором топикализованное подлежащее расположено в крайней левой позиции, за ним дополнение, и далее — цитата. В обоих случаях цитата вводится цитационным союзом (комплементаризатором) *to*, распложенным на правой границе цитаты. Ни в (1), ни в (2) не использованы кавычки: в японском языке особые угловые кавычки «каги» используются при прямой цитате часто, но не обязательно, см. [Maunard 1998], и таким образом, наличие кавычек может, в общем случае, являться диагностическим контекстом для дифференциации прямой и косвенной речи, а их отсутствие — нет. Что же отличает (1) от (2)?

Во-первых, способ обозначения третьего лица, упоминаемого в цитате. В (1) это лицо обозначено как *kimi no imotoo san* ‘твоя младшая сестра’. Это выражение дейктически маркировано: (i) в нем есть редкая для японского языка отсылка к адресату (‘твоя’), и (ii) в его составе есть этикетная частица *san* (по-русски весьма условно ее переводят как ‘госпожа/господин’), которая при присоединении к термину родства демонстрирует вежливость к родственникам уважаемого лица, прежде всего — адресата. В (2), напротив, это лицо названо дейктически нейтрально, по имени — Маки.

Во-вторых, в (1) в составе цитаты имеется дейктически маркированное наречие *zehi* ‘непреренно’, которое выражает оценку с позиции внутреннего, а не внешнего говорящего. В (2) это наречие отсутствует.

В-третьих, в (1) после глагола в форме дезидератива (желательного наклонения) следует частица *na(a)* — одна из так называемых заключительных модально-экспрессивных частиц, характерных для диалогического режима речи, см. [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 1: 462—463], [Прасол 1999]. Эти частицы являются типичным представителем «явлений главного предложения» (main clause phenomena) — или, согласно важному уточнению, сделанному Е. В. Падучевой, «предложения, которому соответствует отдельный речевой акт» [Падучева 1996: 229]. С грамматической точки зрения конструкции, в состав которых входят явления главного предложения, обладают свойством синтаксической неподчинимости (ср. также близкий термин “root phenomena” в [Lobke et al. (eds.) 2012] и обширную библиографию там же). К таким явлениям относятся средства выражения субъективной модальности, экспрессивные диалогические элементы, реактивные реплики и проч. Частица *na(a)* выполняет в (1) две функции — функцию запроса реакции на высказывание (она особенно характерна для варианта с нефонологическим эмфатическим удлинением гласного, который представлен в данном примере) и функцию смягчения категоричности персонального желания, которое выражено дезидеративом. Считается, что форма дезидератива на *-tai*, если она не дополнена показателем вежливости к собеседнику (адресивной связкой *desu*), по этикетным нормам неуместна в диалогическом режиме, и в отсутствие адресивной связки должна быть дополнена какой-либо из заключительных частиц. Так, в авторитетном грамматическом словаре [Makino, Tsutsui 2009: 479] высказывание, в котором за формой дезидератива на *-tai* непосредственно следует цитационный союз и далее — авторская ремарка, квалифицируются как косвенная речь (поскольку оригинальное высказывание не могло иметь такого вида в реальном диалоге, следуя этим этикетным нормам). И именно такой паттерн предьявлен в примере (2).

Эти модельные примеры демонстрируют, что мы имеем дело с языком, в котором прямой и косвенный формат цитирования далеко не всегда разграничены грамматически, а дейктические противопоставления часто нейтрализованы. Мы видим свою задачу в том, чтобы, проанализировав реальный узус, постараться понять, как устроена и как функционирует цитация в языке такого рода.

Материалом для данного исследования послужили цитационные конструкции в текстах электронных дневников (блогов) на бытовые темы платформы www.ameba.jp. Этот тип письменного дискурса был выбран нами потому, что он обладает высоким уровнем спонтанности и неформальности, сближающими его с устной бытовой речью; иначе говоря, мы имеем дело с текстами письменными по модусу, но разговорными по стилю. Мы проанализировали шесть блогов (трое авторов — мужчины, трое — женщины) общим объемом 29 537 знаков; методом сплошной выборки было зафиксировано 209 экземпляров интересующей нас конструкции — они и составили эмпирическую базу исследования.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 мы обсудим структуру японских цитационных конструкций — в общем случае, единую для прямого и косвенного формата цитации — и постараемся показать, что в исследуемых нами типах текстов обнаруживаются такие способы оформления цитации, которым не всегда уделяется должное внимание в японистической литературе, ориентированной обычно на более кодифицированные жанры дискурса. Раздел 3 посвящен индексальным выражениям в составе цитационных конструкций, засвидетельствованных в нашем материале. Мы продемонстрируем набор средств, которые обеспечивают согласование или, наоборот, рассогласование дейктической перспективы цитаты и авторской ремарки. В заключительном разделе 4 мы попробуем извлечь типологические уроки и оценить место наших дескриптивных результатов в общей панораме средств передачи чужой речи.

2. Структура цитационных конструкций

2.1. Прототипические случаи цитации

2.1.1. В обследованном нами массиве текстов цитационные конструкции, следующие прототипическому паттерну, проиллюстрированному выше в (1)—(2), составляют примерно половину зарегистрированных случаев цитации. Этот прототипический паттерн схематически можно изобразить следующим образом:

Схема 1.

(NP₁ wa/ga) (NP₂ ni) S to V

В этой схеме S — клаузная составляющая, которая соответствует цитате, она оформлена цитационным союзом *to* (или его разговорным вариантом *tte*); V — вершина матричной клаузы/авторской ремарки, т. е. глагол речи, мысли, режиссуры — чувства и некоторых других типов. Именные группы NP₁ и NP₂ вводят внутреннего говорящего (топик/подлежащее) и адресата (косвенное дополнение), они могут располагаться как до, так и после цитаты, и они опциональны в соответствии с общими правилами японского эллипсиса: отсылка к локуторам может осуществляться другими именными группами в составе конструкции, именными группами за пределами конструкции в ближнем контексте, или локуторы идентифицируются на экстралингвистических основаниях. Так, в примере (3) ниже внутренний адресат не эксплицирован, хотя и цитата, и авторская ремарка описывают связанные с ним действия и состояния, к нему отсылают квантификатор *futari de* ‘вдвоем’ и глагольная форма гортатива (пригласительного наклонения); при этом внутренний говорящий в (3) эксплицирован — обозначен личным местоимением *watashi* ‘я’ (это пример самоцитации, т. е. внешний говорящий, нарратор, совпадает с внутренним). В примере (4), наоборот, в авторской ремарке имеются многократные отсылки к действиям внутреннего говорящего и к его жене, но сам он не назван, а внутренний адресат обозначен личным местоимением *omae* ‘ты’ в составе цитаты и существительным *yatsu* ‘парень’ в составе авторской ремарки. Существенно однако, что *yatsu* не фигурирует как актанта вершинного глагола авторской ремарки ‘поговорить’, появляясь в двух других позициях — актанта глагола *furachisuru* ‘негодничать, изменять с кем-либо’ и атрибута существительного *tokoro* ‘место (нахождения/проживания)’:

(3) 1.1.16²

Sono yasashisa ni gutto ki-ta watashi wa
 это доброта DAT всплеск.эмоций наступить-PST я TOP
 「*wanruumu manshon ja-na-kutte futari de heya o kari-te,*
 одна.комната жильё COP.TOP-NEG-CNV вдвоем INS комната ACC снять-CNV
issho-ni sum-oo yo」 *to teian-shi-mash-ita*
 вместе-ADV жить-HOR PRT QUOT предложение-VRB-ADR-PST
 ‘Я, глубоко тронутая этой [его] добротой, предложила [ему]: «Не нужно снимать [отдельную] однокомнатную квартиру, давай вдвоем снимем комнату и будем жить вместе»’.

(4) 4.1.77

Demo tsuma ga yatsu to furachi-shi-te i-ta
 но жена NOM этот.парень с негодничать-VRB-CNV AUX.PRG-PST
koto ga waka-tta ijoo, yatsu no tokoro ni i-tte
 NML NOM понимать-PST когда этот.парень GEN место DAT идти-CNV
 「*omae, ittai dooyuu tsumori da!*」³ *to*
 ты вообще какой цель COP.PRS QUOT
hanashi o shi-te ki-ma-su.
 разговор ACC делать-CNV AUX.DIR-ADR-PRS
 ‘Но когда [он] понял, что [ему] жена с тем парнем изменяет, то [он] пошел к тому парню и поговорил: «Ты, вообще, что себе думаешь?!»’

² Каждый пример из нашего рабочего массива снабжен индексом, состоящим из номера блога, номера поста внутри блога и номера строки внутри поста.

³ Парными значками 「 」 переданы японские угловые кавычки «каги». В строке транслитерации они проставлены в тех местах, которые соответствуют местам в оригинальной графике. Если японская цитата построена как прямая, то в русском переводе в соответствии с правилами русской пунктуации цитата обрамляется стандартными кавычками, даже если в японском источнике кавычек-каги не было.

2.1.2. В тех случаях, где в авторской ремарке есть подлежащее-говорящий, оно, как правило, предшествует цитате; в нашем массиве обнаруживаются лишь единичные случаи, типа (5), где подлежащее-говорящий расположено между цитатой и глаголом речи:

(5) 3.2.81

Nanimo shi-na-kute i-i yo to kare wa it-te kure-ru kedo,
ничего делать-NEG-CNV хороший-PRS PRT QUOT он TOP сказать-CNV AUX.BEN-PRS но
‘«Можно ничего не делать», — сказал он [мне], однако...’

Этот результат представляет интерес с типологической точки зрения, поскольку считается, что в левоветвящихся языках тяжелые составляющие должны предшествовать легким [Hawkins 1994], т. е. примеры типа (5) должны были бы быть «мейнстримом», но этого не происходит. Можно предположить, что при цитации в разговорном дискурсе в общее правило упорядочивания составляющих по весу вмешиваются два других фактора. Во-первых, в большинстве зарегистрированных нами случаев подлежащее топикализовано, о чем свидетельствует грамматический маркер топика *wa*. Как показывает пример (5), это не обязательно приводит к тому, что подлежащее выдвигается влево, но, возможно, при прочих равных условиях способствует такому выдвигению (о взаимодействии фактора информационной структуры и фактора веса составляющей см., в частности, [Hawkins 1994: 339—341]). Во-вторых, как будет показано в следующей главе, в большинстве зарегистрированных нами примеров цитата имеет дейктические симптомы прямой речи (явления главного предложения; дейксис, ориентированный на внутреннего говорящего) или, во всяком случае, не имеет симптомов косвенной речи. Так, в приведенном выше примере, несмотря на отсутствие кавычек (которые, как уже было сказано выше, в японском языке опциональны), в составе цитаты имеется модально-экспрессивная частица *yo*, однозначно квалифицирующая цитату как прямую. Возможно, прямая цитата имеет бóльшую независимость и не может быть однозначно квалифицирована как вложенная составляющая несмотря на то, что вводится цитационным союзом. Пока эти две причины мы можем выдвинуть лишь гипотетически, проверка этих предположений выходит за рамки настоящей статьи.

2.1.3. В единичных случаях цитационный союз опускается и авторская ремарка (или ее фрагмент, содержащий глагол) следует непосредственно за цитатой:

(6) 3.1.58

go-ryooshin ni mo 「*konkai, akiko wa o-yasumi ~ ~ ~⁴!! aa harahet-ta!!!*」
NON-родители DAT тоже этот.раз Акико TOP NON-отдых aa проголодаться-PST
kurai akaru-ku tsutae-te kure-tara,
настолько веселый-ADV передать-CNV AUX.BEN-COND
‘Если бы [он] прямо так весело передал своим родителям, типа «в этот раз Акико не будет (букв. [у нее] выходной) ~ ~ ~ !! aa... [я] проголодался»!!!’

2.1.4. В соответствии со стандартными японскими правилами релятивизации именная группа подлежащее-говорящий может быть вынесена в вершину относительного предложения — «NP₁ который сказал/подумал, что S». При релятивизации цитата полностью сохраняет статус индексальных элементов, явления главного предложения и проч. Так, в следующем примере в составе цитаты обращают на себя внимание не только контактоустанавливающая частица *na*, но и нефонологическое эмфатическое удлинение окончания презенса *-ruu* в глаголе *kidokusuru* ‘отказываться читать’, это удлинение выполняет функцию так называемого «имитатива» (см. [Подлеская 2018]), с его помощью внешний говорящий, нарратор, намеренно утрированно передает эмоциональную установку внутреннего говорящего, ср. русск. *Она страдает: «Во-от, он на мои письма не отвеча-ает...»*:

(7) 1.3.70

Uranaishi o shi-te i-ta koro, 「*kare kara henji ga ko-na-i*
гадалка ACC делать-CNV AUX.PRG-PST во.время он от ответ NOM приходиться-NEG-PST
na n des-u」 「*kidoku-su-ruu na n des-u*」 *to nayan-de soodan*
PRT NML COP.ADR-PRS не.читать-VRB-PRS PRT NML COP.ADR-PRS QUOT страдать-CNV совет

⁴ Мы сохраняем в транслитерации имевшийся в оригинале знак ~ («тильда»), который в текстах блогов (и шире — в современной японской графике) выполняет функции, близкие к европейскому многоточию.

s-are-ru o-kyakusama ga, oo-ku irassha-imash-ita.
 делать-PASS-PRS HON-клиент NOM многих-ADV HON.быть-ADR-PST

‘Когда [я] работала гадалкой, то у меня было много клиентов, которые обращались ко мне за советом, страдая, что «[Во-от,] он [мне] не отвечает», «[он моих писем] не читает»...’

2.1.5. В контексте противопоставления цитата может топикализироваться, маркер топика в этом случае располагается непосредственно после цитационного союза. Такое оформление цитаты полностью соответствует общим японским правилам топикализации клауз и глагольных групп, см. [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, I: 443—444, II: 50—51]. В современном японском узусе комбинация цитационного союза, маркера топика и конверба потенциальной формы глагола *iu* ‘сказать’ — *to wa ie* — грамматикализовалась и имеет уступительное значение (этот сдвиг близок переосмыслению русских *можно сказать* и *можно подумать* как дискурсивных маркеров). Так, в следующем примере в предтексте говорящую пугали последствиями замужества, и она противопоставляет шок от этих запугиваний и отсутствие намерения выходить замуж (что, по логике вещей, должно было бы сделать эти запугивания для нее безразличными). Отсутствие намерения подается буквально как ‘можно сказать, что я не имела намерения...’⁵

(8) 1.1.185

ikura kekkon-su-ru ki ga na-i to wa
 сколько.бы свадьба-VRB-PRS намерение NOM отсутствовать-PRS QUOT TOP
i-e, sono kotoba ni sukunakarazu shoogeki o uke-ta.
 говорить-POT.CNV тот слово DAT сильный шок ACC получить-PST

‘Хотя замуж-то выходить [я, можно сказать,] никакого намерения не имела, [но] от этих слов получила сильный шок’.

2.2. Автономность цитаты

2.2.1. В нарушение базового порядка слов авторская ремарка может помещаться в препозиции к цитате. При этом цитационный союз может сохраняться, как в (9), или опускаться — как в (10). При инверсии цитата заполняет семантическую валентность глагола речи, но приобретает синтаксическую автономию, которая еще больше усиливается, когда в составе препозитивной авторской ремарки имеется катафорическое местоимение, отсылающие к проецируемой цитате, ср. *koo* ‘так (спросил)’ в (10):

(9) 1.3.183

De, wakaregiwa ni it-te mi-mash-ita.
 так.вот на.прощание DAT говорить-CNV AUX.M-ADR-PST
 「*nanka~, watashi, suki mitai de-su*」 *to.*
 что-то я влюбленность похоже COP.ADR-PRS QUOT

‘Так вот, на прощание [я] сказала было: «Похоже ~, [ты] мне как бы нравишься»’

(10) 3.2.86

Hitotoori kii-te kure-ta kare wa, koo kii-ta.
 в.целом слушать-CNV AUX.BEN-PST он TOP так спросить-PST
 「*Sorede, kimi wa doo shi-ta-i no?*」
 итак ты TOP что делать-DSD-PRS PRT

‘В целом, выслушав меня, он спросил так: «И что ты хочешь делать?»’

2.2.2. Автономность цитаты становится еще более очевидной в тех случаях, когда в конструкции отсутствует вводный глагол. Ремарка может редуцироваться до указания на говорящего, которое может следовать как после цитаты, ср. (11), так и до нее, ср. (12). При этом цитационный союз может сохраняться, а может и опускаться, как в (13), и тогда цитирование происходит в формате «пьесы», когда реплика просто сопровождается именем действующего лица:

(11) 3.2.96

「*Un, i-i yo*」 *to otto.*
 да хороший-PRS PRT QUOT муж
 ‘«Да, хорошо!» [сказал] муж.’

⁵ Мы благодарны анонимному рецензенту, справедливо указавшему на грамматикализацию этой конструкции в современном японском языке

(12) 4.1.127

Otto wa hitokoto, 「bimyoо」 to.
 муж TOP одно.слово странно QUOT
 ‘Муж [сказал] одно слово: «странно»’.

(13) 4.2.40

Tantei san, 「otto to wa rikon sa-re-ru no de-su ka?
 детектив HON муж с TOP развод делать-PASS-PRS NML COP.ADR-PRS Q
O-kosan no yoosu wa doo de-su ka?»
 HON-ребенок GEN состояние TOP как COP.ADR-PRS Q
 ‘Детектив [спросил]: «Вы будете разводиться с мужем? А как состояние ребенка?»’

2.2.3. Наконец, цитата может быть полностью автономной, если авторская ремарка отсутствует. Если при этом на ее правой границе имеется цитационный союз, то его не без основания принято считать заключительной частицей, поскольку он перестает выполнять функцию комплементаризера и приобретает значение эпистемической оценки — ссылки на чужие слова, см. [Прасол 1999], [Okamoto, Ono 2008]. Так, в (14) автор цитирует выдержки из чужого блога и снабжает каждую отдельную порцию процитированного текста завершающим *tte* в значении ‘вот что там было сказано’:

(14) 1.2.182

~~ *tochuuryaku* ~ ~
 с.частичными.сокращениями

Hakkiri i-ima-su. Kodomo, un-de gorannasai. Soo su-reba, hontoo no ai ga
 прямо говорить-ADR-PRS ребенок родить-CNV AUX.M.IMP так делать-COND истина GEN любовь NOM
waka-ru yo, tte. um-u to, kono yo no koto mo, tannin no
 понимать-PRS PRT QUOT родить-PRS если этот мир GEN положение.дел тоже другие.люди GEN
koto mo, jibun no koto mo, ai ga nani ka mo, waka-ru yo! tte.
 положение.дел тоже REFL GEN положение.дел тоже любовь NOM что Q тоже понять-PRS PRT QUOT
 ‘~~ Далее [цитирую] с сокращениями ~ ~ Скажу прямо. Родите ребенка! Если вы это сделаете, то поймете, [какова] истинная любовь, так [там сказано]. Если родите, то поймете и про мир, и про других людей, и про себя, и что это такое любовь! Так [там сказано]’.

Аналогичным образом устроен и пример (15). В предтексте есть гиперссылка на сайт некоего гуру по гаданию. Дальше цитируется его предсказание, за ним следует оценочный комментарий этого предсказания, который дает говорящая. Цитата без авторской ремарки завершается цитационным союзом *to*. Внутри оценочного комментария есть еще одно вхождение цитационного союза — на этот раз *tte*. Это вхождение демонстрирует полную прагматизацию союза — переход в статус тематической частицы с эпистемическим значением ‘если говорить о...’, которая может оформлять не только клаузы (как исходный союз), но и именные группы. Согласно [Makino, Tsutsui 2009: 72—73], *tte* оформляет топикальную группу преимущественно в диалогическом режиме в эмоционально окрашенных контекстах. Ровно это мы и имеем в (15) — *tte* оформляет субстантивное анафорическое местоимение *sore* ‘это’, антецедентом которого является приведенная выше цитата:

(15) 1.1.174

「Anta wa kekkon ni muite-na-i. Moshi kekkon shi-tara, aite wa,
 ты TOP женитьба DAT подходить.CONV.AUX.PRG-NEG-PRS Если женитьба делать-COND партнер TOP
shin-u ka, byooki ni na-ru ka, atama okashi-ku na-ru ka gokudoo ni
 умереть-PRS или болезнь DAT стать-PRS или голова странный-ADV стать-PRS или мерзавец DAT
na-ru] to Oi, oi, Sore tte ammari ja n (≧▽≦).
 стать-PRS QUOT Ой, ой это TOP.QUOT слишком COP.PRS PRT
 ‘[Там сказано так:] «Ты не подходишь для брака. Если и выйдешь замуж, то твой партнер или умерет, или заболевает, или сойдет с ума, или станет мерзавцем». Ой-ой, это [такое предсказание] уже слишком ≧▽≦ [эмодзи]’

Наконец, цитата без заключительного цитационного союза/частицы и полностью авторской ремарки может занять присвязочную позицию во внешней клаузе:

(16) 2.1.63

Amari kitai dekina-i koto o i-u no wa 「nenshuu o
 слишком надежда не.мочь-PRS NML ACC говорить-PRS NML TOP годовой.заработок ACC

ag-ete mora-u tameni, toriaezu kansha sh-ite ok-u ka-] da
 поднять-CNV AUX.BEN-PRS чтобы прежде.всего благодарность делать-CNV AUX.O-PRS Q COP.PRS
 ‘[Вот на какие слова] можно особо не надеяться: «чтобы поднять заработок (у мужа), то не стоит ли начать с благодарности»’ (букв. ‘то, на что из сказанного не очень можно надеяться, это [такие слова]: «...»’).

2.3. Присубстантивная цитата

Цитата может вводиться не глаголом (речи, мысли, чувства), а именем тех же семантических классов. В этом случае используется не цитационный союз, а его атрибутивные аналоги — *toyuu*, стяженный вариант *tena* и ряд других, — и синтаксически цитата становится атрибутом вводящего ее имени. Атрибутивные аналоги цитационного союза восходят исторически к грамматикализованному сочетанию определительной формы базового глагола речи *iu* ‘сказать’ и самого цитационного союза *to*:

(17) 4.2.58

「*deki-ru koto nara rikon shi-taku-na-i] toyuu o-kimochi de*
 мочь-PRS NML если развод делать-DSD-NEG-PRS QUOT.ATR HON-расположение.духа INS
irai-sa-re-te ki-ta tsuma da-tta.
 просьба-VRB-PASS-CNV AUX.DIR-PST жена COP-PST

‘«Если это возможно, [я] не хотела бы разводиться», — с таким расположением духа [с расположением духа, которое можно сформулировать такими словами] обратилась [ко мне его] жена’.

(18) 2.3.46

「*Anta, sonna bootto shi-te-ru baai*
 ты такой прострация делать-CNV-AUX.PRG.PRS ситуация
ja na-i de-sho!] tena kanji de
 COP.CNV.TOP AUX.NEG-PRS COP-PMT QUOT.ATR чувство COP.CNV

‘Такое чувство, что, [типа]: «Сейчас не тот случай, чтобы тебе впасть в прострацию!»’

Итак, мы рассмотрели основные структурные свойства конструкции с цитационным союзом *to* и некоторыми его аналогами. Мы убедились, что в реальном узусе наблюдаются отклонения от протипического паттерна этой конструкции, эти отклонения могут регулироваться стандартными правилами японского синтаксиса или являться следствием контекстной редукции конструкции в живом некодифицированном дискурсе. В частности, с обследованном массиве текстов было обнаружено, что если подлежащее-говорящий не эллиптируется, то оно чаще располагается левее цитаты, хотя цитату, как более тяжелую составляющую, в левоветвящемся языке можно было бы ожидать левее подлежащего. Далее, авторская ремарка имеет тенденцию редуцироваться: все три конституирующих ее элемента — говорящий, адресат и глагол речи — могут полностью или частично опускаться. Если ремарка отсутствует полностью, то цитационный союз либо опускается, либо его функция меняется — он функционально превращается в заключительную прагматическую частицу. Наконец, цитата может вводиться не глаголом, а именем со значением вербального (ментального, эмоционального) действия/процесса/состояния. В этом случае цитата с грамматической точки зрения является атрибутом имени и вводится атрибутивным аналогом цитационного союза.

Как уже говорилось во вводном разделе, структурные правила построения цитационной конструкции в равной мере применимы и к цитатам, построенным с дейктической точки зрения в прямом регистре (конструкциям с так называемой внутренней ориентацией, т. е. с ориентацией на внутреннего говорящего), и к цитатам, построенным в косвенном регистре (конструкциям с так называемой внешней ориентацией, т. е. с ориентацией на внешнего говорящего). В следующем разделе мы обсудим лексико-грамматические симптомы прямой и косвенной речи в обследованном нами массиве текстов.

3. Симптомы прямой и косвенной речи

В данном разделе мы представим (вынужденно краткий) обзор задокументированных в нашем рабочем массиве прагматически маркированных языковых средств, позволяющих оценить дейктическую перспективу цитаты, т. е. указывающих, на внутреннего или на внешнего говорящего ориентированы индексальные выражения в цитате.

Как уже говорилось выше, в японском языке нет ряда важнейших для языков средневропейского стандарта средств дифференциации прямой и косвенной речи: нет личного согласования, нет системы

грамматически обязательного согласования времен, личные местоимения употребляются достаточно редко. Однако японский отнюдь не лишен средств указания на дейктическую перспективу — в этой функции используется система форм вежливости, многообразные восклицательные конструкции со вспомогательными глаголами пространственной ориентации относительно одного из локуторов, конструкции со вспомогательными глаголами, указывающими на заинтересованность одного из локуторов в осуществляемом действии (бенефактивы), особое рефлексивное местоимение *jibun*, которое может употребляться для отсылки к внутреннему говорящему, наречия эпистемической оценки, ориентированной на говорящего, типа *yappari* ‘согласно [моим] ожиданиям’, и ряд других средств. Примечательно, что эти средства не обязательно действуют согласованно: в цитате часть индексальных выражений может быть ориентирована на внутреннего говорящего, а другая часть — на внешнего. В ставшей уже классической работе Куно Сусуму [Kuno 1988] были исследованы основные паттерны такого индексального рассогласования. Приведем для иллюстрации один пример из этой работы:

(19) Цитируется по [Kuno 1988: 83]

Taro wa yatsu no uchi ni nanji ni ko-i to it-ta no ka
 Таро TOP этот.парень GEN дом DAT в.котором.часу DAT приходит-IMP QUOT говорить-PST PRT Q
 ‘На который час Таро_i пригласил к нему_i прийти?’, букв. ‘Таро_i к нему_i домой в котором часу «Приходи!» сказал?’

В пользу того, что перед нами прямая речь, говорит употребление непочтительной императивной формы *koi* ‘приходи давай’. Вместе с тем, анафорическое выражение *yatsu* ‘[этот] парень’ отсылает ко внутреннему говорящему — Таро, т. е. анафор ориентирован по косвенному паттерну — иначе было бы «Приходи домой ко мне», а не «к нему = к этому парню». Смешение перспектив усугубляется тем, что вопросительное местоимение *nanji* ‘когда, в котором часу’ в японском языке всегда имеет сферой действия матричную клаузу, даже если оно линейно появляется в составе вложенной клаузы. Поэтому оно ориентировано не на внутреннего говорящего, а на внешнего, т. е. на нарратора, оно не могло быть в таком виде употреблено в исходном вопросе, который процитирован: исходное речевое событие состояло в том, что Таро произнес приглашение к определенному времени, типа «Приходите ко мне в таком-то часу». И теперь нарратор запрашивает информацию о времени приглашения. Таким образом, конфигурация индексальных выражений в японской цитационной конструкции может оказаться весьма причудливой. Ниже мы кратко охарактеризуем основные классы дейктически маркированных языковых выражений, которые встретились в нашем корпусе.

3.1. Конструкции и отдельные грамматические формы, кодирующие директивные речевые акты — просьбы, советы, запрещения

В русском и многих других языках средневропейского стандарта грамматические формы и конструкции, кодирующие директив, могут обладать разной степенью синтаксической подчинимости. Так, собственно императивные формы являются синтаксически неподчинимыми, т. е. относятся к явлениям главного предложения, поэтому исходное высказывание с императивом не может быть передано в формате косвенной речи, ср. правильное *Петя крикнул: «Не заходите!»* и неправильное **Петя крикнул, что не заходите*. Синтаксически неподчинимыми являются и директивы, выраженные инфинитивом, ср. правильное *Петя крикнул: «Не заходить!»* и неправильное **Петя крикнул, что не заходить*. Однако пермиссивы/прохибитивы, выраженные, например, предикативными конструкциями с *можно/нельзя*, не относятся к явлениям главного предложения и в неизменной форме входят и в прямые, и в косвенные цитаты, ср. одинаково грамматичные *Петя крикнул: «Заходить нельзя!»* и *Петя крикнул, что заходить нельзя*.

В японском языке, как мы уже неоднократно упоминали, любая цитата — как с внешней, так с внутренней дейктической ориентацией — вводится комплементаризатором, а в глагольных формах нет личностно-числового согласования. Поэтому употребление формы директива не определяет само по себе статус цитаты как прямой или косвенной. Т. е. часто складывается ситуация, как с русским *заходить нельзя* — за вычетом комплементаризатора: только контекст может указать, имеем ли мы дело с речевым актом директива (прямая речь) или с сообщением о директиве (косвенная речь). Нейтрализация противопоставления «прямая/косвенная речь» особенно ощутима при употреблении несобственно императивных форм — гортативов, предикативов со значением прохибитива/пермиссива, совмещающих директивную семантику с оценочной, и им подобных. Так, в следующем примере иллюкутивный значение мягкой рекомендации выражается глагольной конструкцией *финитная форма глагола V + hoo ga ii* ‘лучше бы сделать V’ (букв. V + ‘сторона’ + NOM + ‘быть хорошим’). Здесь нет никаких контекстных сигналов, которые позволили бы предпочесть прямую или косвенную интерпретацию:

(20) 4.2.18

Rikon no hookoo ni kangae-te i-ru tsuma rikon wa shi-na-i
 развод GEN направление DAT думать-CNV AUX.PRG-PRS жена развод TOP делать-NEG-PRS
hoo¹ ga² ii³ to i-u tantei san no yaritori de-su.
 лучше.бы.PRS^{1,2,3} QUOT говорить-PRS детектив HON GEN спор COP.ADR-PRS

- (i) ‘Жена, которая склоняется к разводу, спорит с детективом, который говорит, что лучше не разводиться’
 (ii) ‘...который говорит: «Лучше бы [вам] не разводиться»’

Вместе с тем, собственно императивные формы являются более прагматически маркированными: в частности, они имеют разветвленную градацию по вежливости и часто по степени вежливости императива можно соотнести его с этикетным статусом локуторов. Так, в следующем примере нарратор — женщина, внутренний говорящий — мужчина, в цитате использована грубая мужская синтетическая форма императива, которая не могла бы быть употреблена нарратором, и таким образом, диагностируется прямая цитата:

(21) 4.2.35

Otto wa ... rikon-shi-ro to, moo ya-tte ik-e-na-i to semat-te i-ta
 муж TOP развод-VRB-IMP QUOT уже делать-CNV AUX.DIR-POT-NEG-PRS QUOT настаивать-CNV PRG-PST
 ‘Муж стал настаивать: «Давай разводишься! Так больше не могу»’

А в примере ниже употреблена нейтрально-почтительная аналитическая форма императива, принятая между чужими при запросе, направленном от равного к равному или от низшего к высшему, в том числе в институциональном дискурсе; в данном случае внутренний говорящий — заказчик, внутренний адресат — (частный) детектив, он же — внешний говорящий, нарратор. О том, что перед нами прямая цитата дополнительно свидетельствует и прямое обращение к нарратору внутри цитаты ‘господин детектив’:

(22) 4.1.39

40-sai no otto kara irai ga ari-mashi-ta. [Tantei san,
 40-летний GEN мужчина от заказ NOM есть-ADR-PST детектив HON
kondo no suiyoobi no yoru, tsuma o oikake-te kudasai...]
 этот.раз GEN среда GEN ночь жена ACC следить-CNV AUX.IMP
 ‘[Я] получил заказ от 40-летнего мужчины: «Господин детектив, проследите за моей женой в ночь на эту среду...»’.

Таким образом, грамматические формы императива могут во многих (но не во всех!) случаях помочь диагностировать цитату как ориентированную на внутреннего или на внешнего говорящего.

3.2. Бенефактивы

Дифференциации прямой и косвенной речи в значительной части контекстов помогает наличие аналитических бенефактивных конструкций. Эти конструкции обозначают осуществление действия в интересах некоторого лица. Вспомогательный глагол в таких конструкциях выбирается из группы глаголов со значением ‘давать/получать’, причем выбор связан с тем, как соотносятся с говорящим исполнитель действия и бенефициант по признаку «свой/чужой» и «высший/равный/низший» на шкале социальных и ролевых стереотипов, см. подробнее [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 1: 336—353]. Так, в следующем примере использован вспомогательный бенефактивный глагол *kureru*, который выбирается, если бенефициантом является говорящий (или лицо, ассоциированное с говорящим), а исполнителем действия — лицо, которого говорящий считает не выше себя. В данном случае цитата оказывается ориентирована на говорящего-мужчину, который представлен как лицо, в интересах которого происходит «внимательное слушание» (меня внимательно слушают). При этом исполнитель (исполнители) действия — прямо не упомянутый в тексте! — не превосходит говорящего в статусе. Совокупность этих сведений позволяет интерпретировать цитату как прямую:

(23) 1.3.125

Dansei wa ... [chanto kii-te kure-te i-ru!] to
 мужчина TOP внимательно слушать-CNV AUX.BEN-CNV AUX.PRG-PRS QUOT
kanji-ru to, totemo ureshi-i n de-su.
 чувствовать-PRS когда очень радостный-PRS NML COP.ADR-PRS

- ‘Если мужчины понимают (букв. чувствуют): «[Меня] внимательно слушают!», то [они] очень радуются’.

Возможный вклад бенефактивных конструкций в статус цитаты хорошо виден в следующем примере (24), где имеются две цитаты с двумя разными бенефактивными глаголами. Первая цитата вводится глаголом речи *iu* в пассиве *iwareru* ‘[ею] сказано’. Это слова женщины, адресованные супругу — ‘Я не люблю тебя такого, каков ты сегодня. Если сделаешь то-то и то-то, тогда полюблю тебя’. Глагол *aisuru* ‘(по)любить’ употреблен в бенефактивной конструкции со вспомогательным глаголом *ageru*, который обозначает действие говорящего, совершаемое в интересах лица, которого говорящий позиционирует как равного себе или выше себя в социальной или ролевой иерархии. Этот глагол по степени этикетной вежливости уместен в женской речи и позволяет квалифицировать данную цитату как прямую передачу слов говорящей. Дополнительным подтверждением ориентации цитаты на говорящую служит употребление местоимения второго лица *anata* ‘ты’, которое тоже имеет достаточный уровень этикетной вежливости, чтобы употребляться от лица женщины; более того, согласно [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008, 1: 480], *anata* является практически обязательным местоимением второго лица при обращении к мужу. Вторая цитата — передача не реального высказывания, а внутреннего монолога супруга. Она, как и первая цитата, вводится с помощью цитационного союза *tte*, но подчиняется не глаголу речи, как в первом случае, а глаголу *naru* ‘получиться так, что...’, и вся конфигурация может интерпретироваться так: «сложится такая ситуация, которую можно описать следующими словами...». Слова, описывающие сложившуюся ситуацию, переданы с помощью бенефактивного глагола *yaru*, который обозначает действие, осуществляемое говорящим в интересах бенефицианта, стоящего ниже говорящего на социальной или ролевой лестнице. Подразумеваемый невысокий статус бенефицианта делает конструкцию с данным глаголом достаточно грубой, она более свойственна мужской речи. Соответствующий бенефактив от глагола *suneru* ‘обижаться, сердиться, дуться’ — *sunete yaru* — означает ‘я [на нее] обижусь’, причем ‘она’ характеризуется как нижестоящая в иерархии. В пользу прямой интерпретации этой цитаты помимо бенефактивной конструкции, ориентированной на внутреннего говорящего, свидетельствует и заключающая цитату последовательность восклицательной частицы *mon* ‘разве (не)’ и вопросительной частицы *ka*; частицы добавляют эмфатический компонент значения — говорящий сокрушается «и что же? мне останется лишь такой нелегкий выбор?» (подробнее о частицах в составе цитаты см. раздел 3.4):

(24) 2.1.21

「*Ima no anata ja ai-se-na-i. Kore o shi-tara ai-sh-ite age-ru.*」
сейчас GEN ты PRT любить-VRB.POT-NEG-PR это ACC делать-COND любить-VRB-CNV AUX.BEN-PRS
tte iw-are-ru to, ai-s-are-ru tame ni gambat-te yaritoge-ru ka,
QUOT говорить-PASS-PRS COND любить-VRB-PASS-PRS чтобы DAT стараться-CNV достичь-PRS Q
sune-te yar-u mon ka! tte nar-u ka no dochira ka na no sa.
обижаться-CNV AUX.BEN-PRS PRT Q QUOT получиться-PRS Q GEN что-то Q PRT NML PRT
‘Если [женщина] скажет [тебе] (букв. употреблен пассив ‘если будет сказано’): «[Я] не могу любить тебя [такого, каков ты] сегодня. Если сделаешь то-то и то-то, тогда полюблю тебя», то что тебе [останется]? Получится, типа, или буду стараться сделать [что она попросила] ради любви, или обижусь [на нее и ничего этого делать не буду]!’.

Интересно, что вторая цитата в (24) оформлена графически иначе, чем первая — она не обрамлена кавычками, но завершается восклицательным знаком. Складывается ситуация, которую в русистике принято называть несобственно-прямой речью, см. [Ковтунова 1955/2010], — внутрь повествования вставлен фрагмент, передающий мысли и чувства персонажа, но не оформленный графически как цитата. Как мы уже упоминали в разделе 1, кавычки в японском языке не обязательны и надежным диагностическим признаком прямой цитаты быть не могут, особенно в таком слабо нормированном жанре электронного неформального дискурса, как блог. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что из двух последовательно приведенных цитат первая вводит артикулированную речь и оформлена кавычками, а вторая вводит воображаемый внутренний монолог и обходится без кавычек.

3.3. Референциальная отсылка к локуторам и третьим лицам в составе цитаты: полные именные группы, личные и указательные местоимения, возвратное местоимение *дзибун*

Ориентация индексальных элементов на внутреннего или на внешнего говорящего проявляется в выборе способа отсылки к локуторам и третьим лицам в составе цитаты. Личные местоимения, как уже говорилось в разделе 1, в японском языке гораздо менее частотны, чем в языках средневропейского стандарта, однако они достаточно разнообразны и, что еще более важно для установления статуса цитаты — различаются по этикетной вежливости, с учетом уже упоминавшихся противопоставлений по признаку «свой/чужой» и «высший/равный/низший» на шкале социальных и ролевых стереотипов, см. под-

робнее [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 1: 472—489]. Так, в примере (24) выше мы уже видели, что при цитировании слов женщины, обращенных к супругу, статус цитаты как прямой подкреплен употреблением местоимения второго лица *anata* — стандартным способом референциальной отсылки к слушающему, если слушающий — муж говорящей. В следующих двух примерах с очевидной прямой цитацией употреблены два разных местоимения первого лица — в (25) грубое мужское *ore*, а в (9), повторенном ниже как (26), — преимущественно женское *watashi*:

(25) 3.1.132

Hitotoori, hananshi-oe-te kare ga it-ta [ore wa doo shi-tara i-i]
 более-менее говорить-закончить-CNV он NOM говорить-PST я TOP что делать-COND хороший-PRS
 ‘После того как мы более-менее закончили говорить, он сказал: «Что мне лучше сделать?»’

(26) 1.3.181

De, wakaregiwa ni it-te mi-mashi-ta.
 так.вот на.прощание DAT говорить-CNV AUX.M-ADR-PST
 ‘*nanka*~, *watashi, suki mitai des-u*] *to.*
 это.самое я нравиться типа COP.ADR-PRS QUOT
 ‘Так вот, на прощание [я] сказала было: «Похоже ~, [ты] мне как бы нравишься»’

Диагностическими могут являться именованья родственников, которые в японском языке также часто прагматически маркированы: для обозначения супругов, родителей, братьев-сестер и ряда других родственников говорящего используются способы именованья, отличные от именованья родственников слушающего и родственников третьих лиц. Так, в следующем примере вне цитаты жена именуется нейтрально-почтительным *okusan*, а внутри прямой цитаты мужчина говорит о своей жене *tsuma*:

(27) 4.1.11

Okusan to sekkusuresu no otto, [tsuma dewa moo dame da ~ hoka no
 жена с без.секса GEN муж жена TOP уже нельзя COP.PRS другой GEN
josei to shi-ta-i] tte i-u otto,
 женщина с делать-DSD-PRS QUOT говорить-PRS муж
 ‘Мужья, которые не имеют сексуальных отношений с женой, мужа, которые считают «с женой больше никак ~ хочу попробовать с другой женщиной»’.

В составе цитаты вместо местоимений второго лица часто используются обозначения слушающего в третьем лице. Согласно [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 1: 486—487], в ситуации минимальной этикетной вежливости собеседник обычно именуется по имени, фамилии, должности, профессии или статусу родства с добавлением показателя вежливости *san*. Так, в следующем примере два действующих лица: нарратор, девушка по имени Норико (она же — внутренний слушающий) и внутренний говорящий, ее возлюбленный, слова которого, обращенные к ней, Норико цитирует. В авторской ремарке Норико именуется своего возлюбленного в третьем лице *daarin* ‘[мой] дорогой, darling’. Цитата строится как прямая речь: внутренний говорящий, *daarin*, (i) в отношении себя использует строго мужское местоимение первого лица *boku*, (ii) в отношении Норико при обращении к ней как ко внутреннему слушающему использует не местоимение второго лица, а сочетание имени с показателем вежливости — *Noriko san*, (iii) условная форма бенефактива *kite kuretara* ‘если бы [ты ко мне] приходила’ образуется сочетанием полнозначного глагола со значением ‘приходить’ и условной формы уже упоминавшегося выше вспомогательного бенефактивного глагола *kureru*, который выбирается, если действие совершается в интересах говорящего:

(28) 1.1.9

Tsuikin ga kanari too-ku nar-u nimokakawarazu, [boku ga,
 служба NOM довольно далекий-ADV стать-PRS несмотря я NOM
wanruumu manshon o kari-te, Noriko san chi no chika-ku ni sum-u wa ~.
 одна.комната жилье ACC снять-CNV Норико HON дом GEN близкий-ADV DAT жить-PRS PRT
Mainichi ja na-kutemo i-i, shigoto no aimu ni
 Каждый.день COP.CNV.TOP AUX.NEG-CNC хороший-PRS работа GEN между DAT
ki-te kure-tara i-i yo] to it-te kure-ta daarin
 прийти-CNV AUX.BEN-COND хороший-PRS PRT QUOT говорить-CNV AUX.BEN-PST дорогой
 ‘Несмотря на то, что ему до службы будет далеко добираться, [мой] дорогой [был тем, кто] сказал: «Я сниму однокомнатное жилье и буду жить рядом с твоим домом (букв. с домом Норико сан) ~. Пусть и не каждый день, [ты] бы приходила [ко мне] во время перерыва, как было бы хорошо»’.

В качестве отсылки к внутреннему говорящему вместо местоимения первого лица может использоваться дистантный рефлексив *jibun*. В своем стандартном употреблении этот рефлексив отсылает к субъекту текущей или объемлющей клаузы, если на этот субъект распространяется эмпатия говорящего [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 2: 104—115], при этом в текущей клаузе референт рефлексива имеет семантический статус пациенса [Makino, Tsutsui 2009: 159—163]. Парадоксальным образом, рефлексив только осуществляет анафорическую отсылку к внутреннему говорящему, но не маркирован относительно прямой/косвенной интерпретации цитаты, т. е. в (29) ниже цитата может быть интерпретирована и как прямая '[эта женщина/жена] мной не интересуется', и как косвенная '[эта женщина/жена] им не интересуется':

(29) 1.3.221

「*Jibun ni kanshin ga na-i* to omo-u to, dansei wa hii-te
REFL DAT интерес NOM быть-NEG-PRS QUOT думать-PRS COND мужчина TOP уходить-CNV
shima-imas-u yo.
AUX.S-ADR-PRS PRT

- i. 'Если мужчина думает: «[Эта женщина/жена] мной не интересуется», то он уходит'.
ii. 'Если мужчина думает, что [эта женщина/жена] им не интересуется, то он уходит'.

Внутри одной и той же цитаты отсылка к внутреннему говорящему может осуществляться как дейктически нейтральным рефлексивом *jibun*, так и дейктически маркированным личным местоимением. В примере ниже наряду с *jibun* употребляется грубое мужское местоимение первого лица *ore*, которое однозначно маркирует цитату как дейктически прямую, с чем согласуется и бенефактив *ite yaru*, образованный от полнозначного глагола *iru* 'быть' с использованием уже упоминавшегося вспомогательного глагола *yaru* — свойственного мужской речи и обозначающего действие говорящего, которое затрагивает бенефицианта, стоящего ниже говорящего на социальной или ролевой лестнице (в данном случае — адресата) — «тебя затронет то, что я останусь таким, как есть»:

(30) 2.1.30

Ima no tama no jibun o ai-s-ana-i no ka? Ja iji ima no demo
сейчас GEN как.есть GEN REFL ACC любить-VRB-NEG-PRS PRT Q PRT упрямство сейчас GEN даже
tama de i-te yar-u. Ima no tama no ore o ai-su-ru made
как.есть INS быть-CNV AUX.BEN-PRS сейчас GEN как.есть GEN я ACC любить-VRB-PRS до
kawa-ru mon ka! Tena kanji ni naccha-u no sa.
меняться-PRS PRT Q QUOT.ATR чувство DAT стать.CNV.AUX.S-PRS NML PRT

«Что же, [ты] меня (букв. REFL) не любишь [таким], каков [я] есть? Так назло тебе останусь [таким], как есть. Что же [мне] теперь, меняться, пока [ты] меня, как есть, не полюбишь?» — вот какие чувства возникают'.

В приведенном выше примере статус цитаты как дейктически прямой поддерживается и модально-экспрессивными частицами, в частности последовательностью частиц *mon ka*, передающей недоуменно-возмущенный вопрос «разве (не)?», «что же?». О такого рода единицах речь пойдет в следующем разделе.

3.4. Экскламаты

Безусловными симптомами прямой речи являются единицы, которые можно объединить под рубрикой «экскламативов». Все они могут быть отнесены к «явлениям главного предложения», о которых шла речь в разделе 1. В первую очередь, это модально-экспрессивные частицы, стандартно занимающие крайнюю правую позицию в клаузе. В бытовой разговорной речи, особенно в диалогическом режиме, практически каждый дискурсивный шаг завершается одной из таких частиц или их группой, см. [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, 1, 462—463], [Прасол 1999]. Так, в (31) о прямой цитации свидетельствует заключительная частица *yo*, которая, согласно [Makino, Tsutsui 2009: 543—547], передает значение уверенности говорящего, причем эта уверенность опирается на его собственное знание или мнение, ср. «Говорю тебе, делать ничего не надо!»:

(31) 3.2.81

Nanimo shi-na-kute i-i yo to kare wa it-te kure-ru
ничего делать-NEG-CNV хороший-PRS PRT QUOT он TOP сказать-CNV AUX.BEN-PRS
'Он сказал [мне]: «Ничего не надо делать!»'.

Частица *yo* и другие частицы этого класса представлены также в примерах предыдущих разделов, см. (1), (3), (5), (7), (10), (11), (14), (24), (28), (30).

К экскламативам можно отнести также междометия, нефонологические эмфатические удлинения звуков и ряд других подобных средств. В примере (32) употреблено вопросительное местоимение *nanī* ‘что’ в эмфатическом варианте — с удлинением гласного:

(32) 3.2.58

「*Naani?*」 *to kapibara-san.*
 что QUOT Капибара-сан
 ‘«Чтоо?» [сказал] Капибара’.

В примере (33) использовано междометие удивления *e* ‘как это?!’ в варианте с нефонологическим эмфатическим удлинением гласного. Интересно, что между цитатой и комплементаризером расположен один из многочисленных японских смайликов каомодзи — $\cong \nabla \cong$. Существенно, что эта «улыбка» передает отношение внешнего, а не внутреннего говорящего: цитируется мысль, т. е. оригинальная версия внутренней речи не могла содержать графического компонента. Таким образом, внутрь прямой цитаты проник элемент, прагматически ориентированный по косвенному типу — на внешнего горящего:

(33) 1.3.187

Eeeeeee! ($\cong \nabla \cong$) *to omow-are-ta kata mo irassha-ru kamoshiremasen*
 Как.это QUOT думать-PASS-PST человек тоже NON.быть-PRS наверное
 ‘Наверное, есть люди, которые подумают: «Каак это?!» ($\cong \nabla \cong$).

Таковы некоторые грамматические и лексические симптомы, которые позволяют увидеть в цитате ориентацию на внутреннего или на внешнего говорящего. В следующем разделе мы постараемся показать, как данные японского языка могут оказаться полезными для систематизации межъязыковой вариативности цитационных конструкций.

4. Заключение: типологические уроки

Мы постарались показать, что в японском языке прямая и косвенная речь не образуют бинарного противопоставления. С грамматической точки зрения нейтрализующим фактором является то, что независимо от того, как выбираются индексальные выражения, цитата вводится комплементаризером (цитационным союзом). Причем грамматическая нейтрализация сохраняется независимо от того, каким преобразованием (e.g. релятивизации, эллипсису, линейным передвижениям и проч.) подвергается исходная прототипическая структура цитационной конструкции в живой речи. С точки зрения прагматики/дейксиса нейтрализующими являются следующие факторы:

1. В японском языке нет лично-числового согласования, обязательных требований согласования времен, особых правил порядка слов в зависимой клаузе.
2. Другие возможные типы индексальных выражений (бенефактивы, показатели вежливости, средства поддержания референции, отсылающие к локуторам) не являются ни обязательными, ни даже высокочастотными, поэтому цитата может вообще не содержать сигналов, указывающих на то, прямая она или косвенная.
3. Даже если такие сигналы есть, они не обязательно действуют согласованно. Например, цитата может содержать императив, т. е. содержать показатель иллокутивной силы, отличной от сообщения, — это говорит о прямой цитате. Однако из множества императивных форм, различающихся в японском языке по этикетной вежливости, может быть выбрана форма, не соответствующая по этикетности внутреннему говорящему. Скажем, нарратором (внешним говорящим) и его слушающим в неформальной бытовой беседе являются молодые мужчины; нарратор цитирует слова женщины (внутренней говорящей); ее оригинальное высказывание было построено как директив с использованием императивной формы; в оригинальном высказывании должен был использоваться женский вежливый императив; однако в цитате используется другая императивная форма, дейктически ориентированная на нарратора — т. е. грубая мужская. Итог: иллокутивная сила (директив) в цитате сохранена, однако признать ее безусловно прямой мешает то обстоятельство, что форма вежливости выбрана, как в косвенной речи.

Наконец, следует добавить, что, даже если все грамматические и прагматические факторы свидетельствуют о том, что перед нами прямая цитата, она не обязательно является буквальным воспроизведением оригинального высказывания (на японском материале это было показано, например, в [Itakura 2019]).

Все это вместе свидетельствует о том, что противопоставление прямой и косвенной речи в японском языке не вписывается в прототип, знакомый по языкам средневропейского стандарта. Исследования языков за пределами ареала распространения «средневропейского стандарта» показывают, что значения параметров цитационных конструкций могут устойчиво кластеризоваться различными способами. В частности, весьма распространены такие стратегии цитации, при которых синтаксические и дейктические параметры не согласованы. Это могут быть конструкции, в которых цитата имеет статус подчиненной клаузы, а часть индексальных выражений в составе цитаты, прежде всего подлежащее, ориентированы на внутреннего говорящего, т. е. дейксис — как в прямой речи, ср.: [Перехвальская 2020] — об удэгейском языке, [Князев 2017] — о башкирском, [Yaroshevich 2019] — о табасаранском, [Сумбатова 2019] — о даргинском. Или, наоборот, цитата не демонстрирует признаков синтаксического подчинения, а часть индексальных выражений в составе цитаты не следует ожидаемому прототипу прямой речи: для отсылки к внутреннему говорящему используются не местоимения 1-го лица, а особые индексальные выражения — логофоры, или местоимения других классов, например рефлексивы, которые используются в функции логофоров, ср. [Nikitina, Bugaeva 2021] об айнском языке и языке ван (манде). Устойчивость и распространенность кластеров такого рода не позволяет рассматривать их как маргинальные отклонения от поляризованных канонов прямой и косвенной речи. Как мы могли убедиться, в японском также обнаруживаются подобные кластеры. Все это позволяет предположить, что для адекватного анализа межъязыкового варьирования цитационных конструкций следует отказаться от бинарного противопоставления прямой и косвенной речи в пользу более плодотворного многофакторного подхода, позволяющего учитывать все многообразие исследуемой зоны и выделять лингвоспецифические кластеры значений релевантных параметров.

В завершение — еще одно важное замечание. В этой работе мы рассмотрели только один способ построения цитаты в японском языке — с использованием цитационного союза. Однако возможен и другой способ — субстантивация, т. е. цитата строится как сентенциальное дополнение к глаголу речи/мысли, а именно: предикация в цитате превращается именную группу путем присоединения субстантиватора (номинализатора) — грамматикализованного существительного с максимально обобщенной семантикой. Преобразуемая предикация формально является определением к субстантиватору: в соответствии с общими правилами оформления относительных придаточных в японском языке она непосредственно предшествует субстантиватору, а ее сказуемое имеет финитную индикативную форму. К субстантиватору справа при необходимости присоединяются те показатели, которые нужны, чтобы встроить цитату в главную клаузу. Так, в следующем примере имеются две однородных субстантивированных цитаты, обе вводятся субстантиватором *koto* ‘вещь, факт, положение дел’, первое *koto* — как первый компонент сочиненной группы — остается неоформленным, второе присоединяет маркер аккумулятива *o*, который показывает, что оба сочиненных компонента синтаксически являются прямым дополнением глагола речи/передачи информации *tsutaeru* ‘передавать, сообщать’, семантически заполняют его валентность содержания («сообщила о том, что ... и о том, что ...»):

(34) 3.2.81

kare ni wa wakar-ana-i mono ga ar-u koto, tonikaku, kore made
 он DAT TOP понимать-NEG-PRS NML NOM быть-PRS NML во.всяком.случае это до
zutto kanji-te ki-ta koto o guchagucha-ni nari-nagara tsutae-ta.
 все.время чувствовать-CNV AUX.DIR-PST NML ACC хаотично-ADV статья-CNV передавать-PST
 ‘[Я], путаясь, рассказала ему о том, что есть вещи, которые он не понимает, [и.] во всяком случае, о том, что я перечувствовала за все это время’.

Индексальные элементы в цитате, построенной с использованием субстантиватора, чаще всего ориентированы на внешнего говорящего, т. е. по косвенной модели; кроме того, эта стратегия более частотна, чем стратегия с комплементаризацией, не при глаголах речи, а при глаголах мыслительной деятельности, мнения и т. п. Исследователи обращали внимание на сосуществование этих двух стратегий цитации ([Nakau 1973: 104—122], [Akatsuka McCawley Noriko 1978: 178—207], см. также [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008, 2: 307—319] и библиографию там же), но в целом их дистрибуция еще ожидает своего детального исследования. Дополнительным возмущающим обстоятельством является то, что цитата может присоединяться к субстантиватору не непосредственно, а с помощью атрибутивных аналогов цитационного союза, о которых шла речь выше в разделе 2.3, но при этом получившаяся сложная именная группа не заполняет валентность глагола речи/мысли. Так, в примере ниже имеется эквативная конструкция «...*koto*, это почти то же, что... *koto*»; и первое, и второе *koto* субстантивируют предикацию, и оба присоединяются через атрибутивный аналог цитационного союза *toyuu*; вторая предикация представляет собой цитату без вводящего предиката речи, причем цитатность подчеркнута опциональными в общем случае кавычками:

(35) 1.2.104

47sai no josei to kekkon su-ru toyuu koto wa, hobo,
47.лет GEN женщина с женитьба делать-PRS QUOT.ATR NML TOP почти

「*kodomo o mot-ana-i (mot-e-na-i) jinsei o oku-ru*」 toyuu koto des-u
ребенок ACC иметь-NEG-PRS иметь-POT-NEG-PRS жизнь ACC вести-PRS QUOT.ATR NML COP.ADR-PRS.
‘Жениться на 47-летней женщине почти всегда [означает]: жить, не имея (не имея возможности иметь) детей.’

Использование разных стратегий цитации в современном неподготовленном дискурсе, в том числе электронном, пока еще изучено слабо — и это еще одно свидетельство того, что нам пока известны далеко не все детали того многосоставного пазла, каким является зона цитации в японском языке. Надеемся, что многофакторный подход, предложенный в данной работе, поможет восстановлению полной картины и сделает возможным ее сравнение с тем, что известно про стратегии цитации в других языках.

Сокращения

ACC — аккузатив	HOR — гортатив
ADR — адресив	INS — инструменталис
ADV — адвербиальная форма	LOC — локатив
ATR — атрибутивная форма	NEG — отрицание
AUX — вспомогательный глагол	NML — субстантиватор
AUX.M — вспомогательный глагол подготовительного действия <i>miru</i>	NOM — номинатив
AUX.O — вспомогательный глагол подготовительного действия <i>oku</i>	PASS — пассив
AUX.S — вспомогательный глагол окончательного действия <i>shimau</i>	REFL — рефлексив
BEN — бенефактив	POT — потенциалис
CNC — уступительная форма	PST — прошедшее время
CNV — конверб	PMT — презумптив
COP — связка	PRS — настоящее-будущее время
COND — условная форма	PRG — прогрессив
DAT — датив	PRT — частица
DIR — директивный вспомогательный глагол (<i>iku, kuru</i>)	Q — вопросительная частица
DSD — дезидератив	QUOT — цитационный союз
IMP — императив	TOP — топик
GEN — генитив	VRB — вербализатор
HON — гоноратив	

Литература

Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1—2, М., 2008. {Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I. Theoretical grammar of the Japanese language. Vol. 1—2. Moscow, 2008.}

Князев 2017 — Князев М. Ю. Конструкции передачи чужой речи в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 1. СПб., 2017. С. 71—109. {Knyazev M. Yu. Reported speech constructions in Bashkir // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, RAS / Ed. N. N. Kazansky. Vol. XIII. Part 1. St. Petersburg, 2017. P. 71—109.}

Ковтунова 1955/2010 — Ковтунова И. И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII — первой половины XIX в. Вступ. ст., прил., указ. А. Г. Грек. М., 2010. (Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.) {Kovtunova I. I. “Free indirect speech” in the language of Russian literature at the end of the 18th — 1st half of the 19th centuries / Ed. A. G. Grek. Moscow, 2010.}

Падучева 1996 — Падучева Е. В. Субъективная модальность: иллокутивные показатели и вводные слова // Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996. С. 297—320. {Paducheva E. V. Subjective modality: illocutionary indicators and introductory words // Paducheva E. V. Semantic studies. Moscow, 1996. P. 297—320.}

Перехвальская 2020 — Перехвальская Е. В. Репортативная речь в удэйском языке и шире // Вопросы языкознания. 2020, 1. С. 84—103. {Perekhval'skaya E. V. Reportative speech in Udihe and beyond // Topics in the study of language. 2020, 1. P. 84—103.}

Подлеская 2018 — *Подлеская В. И.* Чужая речь в свете корпусных данных // Вопросы языкознания. 2018, 4. С. 47—73. {*Podlesskaya V. I.* Reported speech through the lens of corpus data // Topics in the study of language. 2018, 4. P. 47—73.}

Прасол 1999 — *Прасол А. Ф.* Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Учебное пособие. Владивосток, 1999. {*Prasol A. F.* Final modal-expressive particles in Japanese speech. Tutorial. Vladivostok, 1999.}

Сумбатова 2019 — *Сумбатова Н. Р.* Личный дейксис в цитационных конструкциях даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 3 (25). С. 72—81. {*Sumbatova N. R.* Personal deixis in the reported speech: the case of tanti Dargwa // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2019, 3 (25). P. 72—81.}

Чиронов 2014 — *Чиронов С. В.* Японские иллокутивные глаголы в ремарочном употреблении: перспективы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014, 5 (35), ч. 1. С. 197—205. {*Chironov S. V.* The Japanese illocutionary verbs in note use: research prospects // Philology. Theory & Practice. Tambov. 2014, 5 (35), part. 1. P. 197—205.}

Ярошевич 2019 — *Ярошевич С.* We marry Alice: an unusual reported speech construction in Tabasaran // Международная конференция «Кавказские языки: типология и диахрония» памяти М. Е. Алексева. 23—24 октября 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов / Сост. И. Г. Багиорова, Т. А. Майсак. М., 2019. С. 88—90. {*Yaroshevich S.* We marry Alice: an unusual reported speech construction in Tabasaran // International conference “Caucasian languages: typology and diachrony” in memory of M. E. Alekseev. October 23—24, 2019. Institute of Linguistics, RAS, Moscow: Abstracts / Comp. I. G. Bagirokova, T. A. Maisak. Moscow, 2019. P. 88—90.}

Akatsuka McCawley Noriko 1978 — *Akatsuka McCawley Noriko.* Another look at no, koto and to: Epistemology and complementaizer choice in Japanese // *Hinds J., Howard I.* (eds.). Problems in Japanese Syntax and semantics. Tokyo, 1978.

Evans 2013 — *Evans N.* Some problems in the typology of quotation: A canonical approach. Canonical morphology and syntax // *Brown D., Chumakina M., Corbett G. G.* (eds.). Oxford, 2013. P. 66—98.

Coulmas 1985 — *Coulmas F.* Direct and indirect speech: general problems and problems of Japanese // *Journal of Pragmatics.* 1985, 9. P. 41—63.

Güldemann 2008 — *Güldemann T.* Quotative indexes in African languages: a synchronic and diachronic survey. Empirical Approaches to Language Typology 34. Berlin, 2008.

Güldemann, von Roncador (eds.) 2002 — *Güldemann T., von Roncador M.* Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains. Amsterdam, 2002.

Hawkins 1994 — *Hawkins J. A.* A Performance Theory of Order and Constituency. Cambridge Studies in Linguistics 73. Cambridge, 1994.

Iwasaki 2013 — *Iwasaki Shoichi.* Japanese. Revised edition. [London Oriental and African Language Library, vol. 17]. Amsterdam — Philadelphia, 2013.

Itakura Hiroko 2019 — *Itakura Hiroko.* Accuracy in reported speech: Evidence from masculine and feminine Japanese language // *Alessandro Capone, Una Stojnic, Ernie Lepore et al.* (eds.). Indirect Reports and Pragmatics in the World Languages. Springer Verlag, 2019. P. 315—331.

Kuno Susumu 1988 — *Kuno Susumu.* Blended quasi-direct discourse // Papers from the Second International Workshop on Japanese Syntax / Ed. William J. Poser. Stanford (CA), 1988. P. 75—102.

Lobke et al. 2012 — *Lobke A., Haegeman L., Nye R.* (eds.). Main clause phenomena: New horizons. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today, 190.) Amsterdam, 2012.

Makino, Tsutsui 2009 — *Makino Seiichi, Tsutsui Michio.* A Dictionary of Basic Japanese Grammar. Japan Times, 2009.

Maynard 1998 — *Maynard Senko K.* Ventriloquism in text and talk: Functions of self- and other-quotation in Japanese // *Akatsuka Noriko, Hoji Hajime, Iwasaki Shoichi, Sohn S.-O., Strauss S.* (eds.). Japanese/Korean Linguistics. V. 7. Stanford (CA), 1998. P. 17—37.

Nakau 1973 — *Nakau Minoru.* Sentential complementation in Japanese. Tokyo, 1973.

Nikitina, Bugaeva 2021 — *Nikitina Tatiana, Bugaeva Anna.* Logophoric speech is not indirect: Towards a syntactic approach to reported speech constructions // *Linguistics.* 2021, 59(3). P. 609—633.

Okamoto, Ono 2008 — *Okamoto Shigeko, Ono Tsuyoshi.* Quotative *tte* in Japanese: Its multifaceted functions and degrees of “subordination” // Ed. *Ritva Laury.* Crosslinguistic Studies of Clause Combining: The multifunctionality of conjunctions. [Typological Studies in Language 80]. Amsterdam — Philadelphia, 2008. P. 205—230.

Oshima 2006 — *Oshima D. Y.* Perspectives in Reported Discourse. PhD thesis, Stanford University, 2006.

Saito Hiroaki 2018 — *Saito Hiroaki.* The Monster Tells Where You Are // Wm. G. Bennett et al. (eds.) Proceedings of the 35th West Coast Conference on Formal Linguistics, Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2018. P. 341—348.

Spronck, Nikitina 2019 — *Spronck Stef, Nikitina Tatiana.* Reported speech forms a dedicated syntactic domain // *Linguistic Typology.* 2019, 23 (1). P. 119—159.

Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин* в эвенкийском языке: внутренняя синтаксическая структура

Рудницкая Елена Леонидовна, Институт востоковедения РАН (Москва); erudnitskaya@gmail.com

В статье рассматривается отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин*. Очерчивается сфера употребления этой конструкции в устных рассказах и письменных текстах XXI века. Также анализируются грамматические свойства *āчин*. *Āчин* в контексте финитного предложения обнаруживает обязательное согласование по числу с подлежащим, однако не может присоединять показатели времени. Мы исходим из того, что эти свойства наиболее важны для характеристики употребления *āчин* в XXI в. Исходя из этих свойств, *āчин* — предикативное прилагательное. Атрибутивное же употребление группы с *āчин* в XXI в. практически отсутствует. В статье предлагается анализ *āчин* как вершины группы предикативного прилагательного (AdjPredP) и рассматривается и сравнивается то, как порождается предложение с номинативным [NOM] и партитивным [PART] именем, обозначающим отсутствующий объект. В конструкции с партитивным объектом группа [NP [PART] + *āчин*] — это предикат, а подлежащее обычно посессор. Формальный анализ в обоих случаях основан на трактовке группы с *āчин* как малой клаузы [NP + *āчин*]. Этот анализ отражает модели согласования *āчин*, а также механизм присваивания имени, обозначающему отсутствующий объект, номинатива и партитива. В адвербиальном употреблении устная речь и письменный язык различаются. В письменном языке (в большей степени отражающем литературный язык) у *āчин* есть морфологические характеристики имени: к *āчин* могут присоединяться падежные и посессивные аффиксы. *Āчин* можно считать вершиной несобственно-посессивной конструкции. В устной речи предикативная конструкция с [NP [PART] + *āчин*] используется прежде всего в обстоятельственной функции. Рассматриваются эта и другие особенности устной речи с *āчин*, которые создают дополнительные проблемы для формального анализа конструкции.

Ключевые слова: экзистенциальное отрицание, эвенкийский язык, устный язык, письменные тексты, грамматические характеристики, формально-синтаксический анализ, партитив, номинатив, малая клауза

NEGATIVE EXISTENTIAL CONSTRUCTION WITH *ĀČIN* IN EVENKI: THE INTERNAL SYNTACTIC STRUCTURE

Elena L. Rudnitskaya, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow); erudnitskaya@gmail.com

In the paper, the Evenki negative existential construction with *āčin* is considered. The analysis is based on the use of this construction in the 21st century's oral and written texts. The grammatical features of *āčin* are considered. In a finite clause, *āčin* agrees in number with the subject, and it cannot attach tense affixes. With these features as central for its 21st century use, we analyze *āčin* as a predicative adjective. Importantly, the *āčin* construction is not used in the noun modifier function in the 21st century Evenki. We propose that *āčin* is the head of a predicative adjective phrase (AdjPredP). The derivations of constructions with the nominative [NOM] and the partitive [PART] of missing object are compared. In the partitive object construction, the group [NP [PART] + *āčin*] is the predicate, and the subject is normally the possessor. The formal analysis of both cases is based on the assumption that [NP + *āčin*] is a small clause (SC_i). This analysis accounts for the agreement patterns of *āčin*, and it includes the mechanisms of the nominative vs. partitive case assignment. In the adverbial use, there is a distinction between oral and written language. In the written language (that is close to the literary language), *āčin* has morphological properties of a noun (it can attach case and possessive affixes), and it is similar to the nominal head of a quasi-possessive construction. In the oral language, the predicative adjective *āčin* construction [NP [PART] + *āčin*] is used primarily in the adverbial function. This and other oral speech innovations that create additional problems for the proposed formal analysis are discussed.

Keywords: existential negation, Evenki, oral language, written texts, grammatical features, formal-syntactic analysis, partitive, nominative, small clause

Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий», № 20-012-00520 А (2020—2022 гг., рук. О. А. Казакевич). Мы благодарим участников международной конференции «Каритивные конструкции в языках мира», Санкт-Петербург, ИЛИ РАН (онлайн), 31.11—02.12. 2020, а также анонимных рецензентов за полезные замечания.

1. Общая характеристика эвенкийского языка и отрицательной конструкции в эвенкийском языке

Эвенкийский язык — это язык северной ветви тунгусо-маньчжурской семьи языков. Эвенкийский язык агглютинативный.

Словоизменительные показатели имени — число (семантическая категория), падеж, посессивность. Подлежащее в эвенкийском языке никогда не присоединяет морфологически выраженного падежного показателя: считается, что и в финитном, и в нефинитном предложении (в последнем случае имеется в виду причастная или деепричастная клауза) у подлежащего нулевой показатель номинатива. Аккузативный показатель прямого дополнения *-wA/-pA/-mA* не может опускаться. Тем не менее, в эвенкийском есть дифференциальное маркирование объекта: аккузативный или партитивный падеж. Партитивный падеж маркирует прямой объект в случае его неопределенности, нереферентности, неодушевленности, неисчисляемости и т. д. Правила выбора между аккузативным и партитивным падежом в целом те же, что и в случаях наличия или отсутствия факультативного показателя аккузатива в более распространенном в уральских и алтайских языках варианте дифференциального маркирования. Подлежащее в эвенкийском не может быть аккузативным или партитивным, независимо от финитности предложения.

Предикативные прилагательные согласуются с подлежащим по признаку числа. Для атрибутивных прилагательных характерно факультативное согласование с определяемым словом в числе и падеже (согласно грамматикам, только в северных и южных, но не в восточных говорах, а также в литературном языке, созданном на основе южного полигусовского говора). «Посессивное согласование» с определяемым именем тоже возможно.

Словоизменительные показатели глагола — временной и согласовательный (в числе и лице) аффиксы. У глагола есть также словообразовательные аффиксы с залоговым, аспектуальным и модальным значением, следующие после основы и до словообразовательных аффиксов. К номинализованным формам глагола относятся специализированные причастия и деепричастия (конвербы).

Порядок слов в эвенкийском языке XXI века свободный; базовым считается порядок SOV. В существующей литературе наблюдаются следующие особенности порядка слов. Во-первых, в составляющей возможен обратный порядок слов, если вся составляющая или один из ее компонентов подвергается фокусированию или эмфазе. Это явление называется «эмфатическая инверсия» и обсуждается подробно в работе [Колесникова 1966: 181—185], ср. также [Рудницкая 2019, Глава 1] (см. пример (136) и сноску 16). Во-вторых, тематические аргументы глагола, не входящие в фокус/рему, являющиеся фоновыми, в эвенкийском, как и во многих других уральских, алтайских, кавказских языках типа SOV со свободным порядком слов (см. [Kiss 2008; Göksel 2013; Polinsky 2015]), стоят в конце предложения, а не в начале или середине (см. примеры (46—в) и сноску 3).

Общеотрицательная конструкция в эвенкийском языке аналитическая. Она строится с помощью вспомогательного отрицательного глагола *ə-*, а смысловой глагол стоит в причастной форме на *-rA* (отрицательное причастие): пример (1)¹, ср. [Nedjalkov 1994]:

- (1) *ə-ŋkī-f* (bi) *buslə-rə*
 NEG-PSTITER-1SG 1SG болеть-PTCP.NEG
 ‘Я никогда не болела’. [Малые языки]

Конструкция аналитического отрицания полностью регулярна: например, она строится одинаково с глаголом в финитной форме и форме отрицательного причастия и функционально эквивалентна русскому деепричастному обороту (2а-б). В (2в) показана отрицательная клауза с предикативным прилагательным: она строится с помощью отрицания вспомогательного глагола.

- (2) а. *ə-вкī* *сиңнин-дэ-рэ*
 NEG-PTCP.NAV жалеть-IPFV-PTCP.NEG
 ‘безжалостный’ [Болдырев 1994: 20]

¹ Мы используем примеры из корпуса устных рассказов 1999—2019 гг. «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; URL: <http://minlang.srcs.msu.ru/> (дата обращения: 15.09.2020) или <http://gisly.net/corpus/> (дата обращения: 20.08.2020), сокр. [Малые языки], Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой. Также используются «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН), в которые входят в основном газетные и переводные тексты; URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (дата обращения: 10.09.2020), сокр. [КИЭА РАН]. В примерах из корпуса рассказов используется фонетическая транскрипция, принятая в корпусе рассказов (все эти примеры записаны в транскрипции и глоссированы Е. Л. Клячко), а в примерах из письменных текстов и русскоязычных работ по эвенкийскому — кириллическое написание, принятое в источнике. Используются глоссы, созданные для корпуса рассказов (О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова и др.)

- б. *э-нэ таң-на*
NEG-PTCP.PF считать-PTCP.NEG
'кроме' / 'не считая' [Болдырев 2000б: 95]
- в. *mōn-in mōn-in tar bajə ə-čə=dō gugda həgdi bi-rə*
RFL-PS.3SG RFL-PS.3SG тот человек NEG-PST=FOC высокий большой быть-PTCP.NEG
'Сам, сам тот человек не был высоким, большим'. [Малые языки]

Важно также отметить, что, хотя в эвенкийском языке есть деление на части речи, такие, как существительное, наречие, глагол, прилагательное и т. д., и также ряд атрибутивных аффиксов, существуют закрытые классы основ, называемые в работе [Василевич 1940: 42—44] «недифференцированными» (т. е. без категориальной принадлежности, ср. “category-neutral” [Haspelmath 2021: 20], например, англ. *hammer* ‘молоток’, ‘забивать, прибивать’), которые могут быть основами существительных и прилагательных, существительных и глаголов и т. д. Так, некоторые названия качеств могут быть прилагательными и абстрактными существительными: *əru* ‘зло’, ‘злой’; *urgə* ‘тяжесть’, ‘тяжелый’. Многие основы такого типа также могут быть именными и глагольными: *tirga* ‘день/рассвет’ [диал.], ‘рассвети’; *ud'a* ‘след’, ‘пойти по следу’ [диал.]; *balī* ‘слепой’, ‘ослепнуть’². К таким основам Г. М. Василевич относит и *āchin* [там же: 43—44], а наиболее регулярный пример основ без категориальной принадлежности — основы так называемых местоимений-плейшолдеров [Klyachko, to appear] типа *aji* ‘это’ и *ā(kūn)* ‘что’, которые, выступая в функции маркеров хезитации, переводятся как «что-то» или «это самое» и по морфологическому оформлению могут относиться к любой части. Ср. *aji* ‘это’ и *ā(kūn)* ‘что’ в (3а—б). В работе [Rijkhoff, van Lier 2013: 7, 9] среди языков, в которых есть классы слов с подобными «неопределенными» категориальными характеристиками (“flexible word classes”), авторы упоминают тюркские языки. Это явление в той или иной степени представлено и в других алтайских языках.

- (3) а. *bi təjə-Ø-m tālā kama aŋa-l-dā-i*
1SG сидеть-NFUT-1SG там SLIP открыть-INCH-CVB.PURP-RFL
aŋi-wə urkə-wə-n amŋa-wa-n aŋə abduni-n
это-ACC дверь-ACC-PS.3SG пасть-ACC-PS.3SG это.NOM берлога-PS.3SG
'Я села, чтобы открыть, это самое, дверь, [то есть] пасть, это самое, его берлоги' [Малые языки]
- б. *ə-wa=wal tar nuŋan-ma-n tətī-l-wə ə-wa=wal aŋi-ra-n bū-rə-n*
что-ACC=INDEF тот 3SG-ACC-PS.3SG одежда-PL-ACC что-ACC=INDEF это-NFUT-3SG дать-NFUT-3SG
aŋi-da-n n'uhat' [рус.] *amtat-ta-n* [эвенк.]
это-CVB.PURP-3SG нюхать нюхать-CVB.PURP-PS.3SG
'Что-то там, он из одежды что-то, это самое, дал, чтобы она это самое, понюхала' [Малые языки]

Таким образом, в соответствии с эвенкийскими грамматиками и работами по типологии, категориальная недоопределенность не является индивидуальным свойством *āchin*, а скорее важной грамматической характеристикой определенных групп основ эвенкийского языка. Тем не менее, обработанный нами в п. 2 материал приводит немного к другим выводам.

2. Использование и синтаксические характеристики отрицательной экзистенциальной конструкции

Отрицательная экзистенциальная конструкция в эвенкийском языке строится с помощью специального слова *āchin*, которое является логическим предикатом для логического субъекта в номинативе или партитиве. В (4а—е) показана модель с логическим субъектом — номинативным подлежащим. Также в предложении может присутствовать посессивная или локативная именная группа (4б—в)³. (4г) пока-

² Ср. также [Болдырев 2000а: 58, 62]. В наших материалах можно найти далеко не все типы многозначности, указанной в словарях, но пары примеров для указанных в основном тексте слов найдены. То же касается прилагательных и наречий: большинство наречий образуются от прилагательных с помощью аффикса *-t* ‘ADLZ’, но есть и исключения: *hō* ‘сильный (о проявлении качества)’ — *сильная ненависть*, ‘сильно’ — *сильно заикаться*.

³ В примере (4в) *āchin* предшествует подлежащему (имени, которое характеризуется как отсутствующее или не существующее: *bagdakə-l=iā*). Такой порядок слов встречается нередко. В начале эвенкийского предложения обычно располагается эмфатический или контрастный фокус, как и в других алтайских языках, а в конце предложения — топик/тема или фоновая информация. См. [Göksel 2013] с разбором порядка слов в турецком языке. В частности, в (4в) контрастный фокус — *ačī-r*, а фоновая информация — *učasko-l-dū-wun* ‘на наших участках’.

зывает, что логический субъект может быть участником речевого акта. В (4д—е) приводятся примеры из газетных текстов.

- (4) а. *hulakī-l ās'i-r upkat-pa=dā wā-t-ča-l*
 лиса-PL NEG.EX-PL весь-ACC=FOC убить-DISTR-PTCP.ANT-PL
 ‘Лис нет, всех поубивали’. [Малые языки]
- б. *ādi-n ačin bi-čo-n ānin-ŋī-w*
 муж-PS.3SG NEG.EX быть-PST-3SG мать-PROPR-PS.1SG
 ‘Мужа не было у моей матери’. [Малые языки]
- в. *ači-r o-ra-Ø bagdakə-l=tā tālā učasko-l-dū-wun*
 NEG.EX-PL стать-NFUT-3PL дикий.олень-PL=FOC туда участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)
 {Уже сейчас} ‘не стало диких оленей-то на наших участках’. [Малые языки]
- г. *bī āčin bi-čō-w*
 я NEG.EX быть-PST-PS.1SG
 ‘Меня не было’. [Малые языки]
- д. *Tēli kniga-l anty-da ači-p bi-čə-тын*
 тогда книга-PL какой-либо-FOC NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 ‘Тогда не было никаких книг...’ {и мы читали их [преподавателей] лекции и поспешно переписывали.} [КИЭА РАН, газета]
- е. *xuŋtu tэгэ-l век ači-p bi-чэ-тын*
 другой народ-PL всегда NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 {В поселках вот якуты жили,} ‘никогда не было других народов’⁴ [КИЭА РАН, газета]

С одной стороны, данная конструкция строится по той же модели, что аналогичные конструкции в уральских и алтайских языках [Wagner-Nagy 2011]. Если оценивать конструкцию с *āчин* с типологической точки зрения Л. Веселиновой [Veselinova 2013], важным параметром, выделяющим отрицательные экзистенциальные глаголы в типологическом плане, является невозможность присоединения показателей времени. В выборке Л. Веселиновой одна треть языков, как и эвенкийский, не допускают показателей времени (то есть не относится к категории собственно глагола). Среди уральских и алтайских языков такие (именные/адъективные) отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются довольно редко — ср. [Wagner-Nagy 2011: 176—181]. В ненецком и нганасанском (уральские) или корейском (алтайские) языках, но не в мансийском или эвенкийском, слово, обозначающее экзистенциальное отрицание, имеет глагольные свойства. В эвенкийской конструкции с *āчин* глагольные показатели присоединяются к вспомогательному глаголу *bi-* ‘быть’, см. (4б), (4г—е). В (4а), (4в) глагол *bi-* в настоящем времени опущен, это характерно для эвенкийского, см. также (6б) и другие примеры ниже.

Важно также отметить, что если исходить из категориальной недоопределенности *āчин*, то морфологические свойства *āчин* в конструкции с подлежащим — «отрицаемым» существительным (далее NP_{NEG.EX}), типа (4а—е), такие же, как у эвенкийского предикативного прилагательного, ср. (5а—б).

- (5) а. *bi-kə ilmakta bi-čo-w*
 я-FOC молодой быть-PST-1SG
 ‘Я был молодой’. [Малые языки]
- б. *aha-l-da bi-šo-l ilmakta-l*
 женщина-PL-FOC быть-PTCP.ANT-PL молодой-PL
 ‘Женщины тоже были молодые’. [Малые языки]

Ачин в этом случае согласуется с NP_{NEG.EX} в числе, ср. (4а), (4в) vs. (4б), (4г) (и, возможно, в падеже, поскольку у номинатива нет морфологически выраженного показателя).

Если рассматривать конструкцию с *āчин* парадигматически, в эвенкийском нет специального положительного коррелята *āчин* (в отличие, например, от корейского или турецкого языков), а в случае, когда говорится не об отсутствии, а о наличии какого-то предмета, используется глагол *bi-* ‘быть’ (6в), омонимичный вспомогательному глаголу в (6а) или связочному глаголу в (6б).

⁴ Перевод Е. Л. Клячко.

- (6) а. *koj-no bi-hi-m⁵ gun-d'a-ra-n*
 заблудиться-PTCP.PF быть-NFUT-1SG говорить-IPFV-NFUT-3SG
 ‘[Я] заблудился’, [он] говорит’. [[Малые языки], вспомогательный глагол]
- б. *Tari-l oro-r burgu-l (bi-si-Ø)⁶*
 тот-PL олень-PL толстый-PL (быть-NFUT-3PL)
 ‘Те олени толстые’. [[Nedjalkov 1997: 277], связочный глагол]
- в. *tər turu-dū žə d'u-n bi-hi-n mon-ŋi-n*
 тот Тура-DAT FOC дом-PS.3SG быть-NFUT-3SG RFL-PROPR-3SG
 ‘[У нее] есть⁷ свой собственный дом в Туре’. [Малые языки]

Необходимо отметить работу [Горцевская 1941: 80—86], в которой утверждается, что *āчин* морфосинтаксически и функционально родственно словам с аффиксом обладания *-чи* ‘ATR’, например *hutə-si* ‘имеющий ребенка/детей’ [Малые языки]. С одной стороны, имена на *-чи* в современном эвенкийском имеют функцию обладания⁸, а с другой, как видно из материала ниже, морфосинтаксические признаки, указывающие на параллель между этими именами и конструкцией с *āчин*, во многом утрачены. Отрицательных коррелятов у слов с *-чи* нет.

У эвенкийского есть еще одна важная особенность. NP_{NEG.EX} в конструкциях с *āчин* в эвенкийском языке может стоять в партитиве, а не только в номинативе. Имя в партитиве, согласно [Василевич 1940: 43] (в грамматике литературного эвенкийского языка XX века), не употребляется в предложениях с NP_{NEG.EX} в роли подлежащего типа (4). Партитив NP_{NEG.EX} возможен только в атрибутивном/предикативном употреблении *āчин* (см. ниже).

Атрибутивные и адвербиальные употребления. Рассмотрим атрибутивные и адвербиальные употребления⁹. Эти употребления не идентичны финитным употреблениям (4а—е): в них NP_{NEG.EX} — не подлежащее, а часть предиката [NP_{NEG.EX} + *āчин*], и этот предикат определяет имя, модификатором которого он является (атрибутивные употребления), или ситуацию (адвербиальные употребления) — ср. определение из работы [Оскольская и др. 2020: 21—22]: «Каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой

⁵ По работе [Василевич 1948: 64], перед гласной и в интервокальном положении звуку [s] в южном диалекте соответствует [h] в северном диалекте. Однако Г. М. Василевич описывает эвенкийский язык начала/середины XX века. В работе [Клячко, в печати] на материале корпуса [Малые языки] показано, что в языке XXI века эта закономерность нарушена. В целом критерии Г. М. Василевич не соблюдаются. Мы не рассматриваем этот вопрос, считая обе формы эквивалентными вариантами.

⁶ В настоящем времени *bi-* в связочной функции почти всегда опускается (кроме случаев, когда *bi-* является фокусом контраста или несет эмфатическое ударение), см. (6а) vs. (6в).

⁷ Эвенкийский — язык «бытийного типа» (be-language), то есть отношения обладания передаются в немаркированном случае экзистенциальным глаголом ‘быть’, а не (отсутствующим в эвенкийском) глаголом ‘иметь’ [Harves, Kayne 2012]. Это же относится и к отрицательному экзистенциальному предикату *āчин* — ср. (6в) или (4б) с отношением ‘обладание’ между *d'u-n* ‘его/ее дом’ (6в) или NP_{NEG.EX} *adi-n* ‘его/ее муж’ (4б) — в обоих случаях обладаемым — и нулевым местоимением ‘у нее’ (6в) или *ənin-ŋi-w* ‘моя мать-обладатель’ (4б) — в обоих случаях обладателем. А в (4в) между NP_{NEG.EX} (*bagdakə-l=tə* ‘дикие олени’) и *učasko-l-dū-wun* ‘на наших участках’ вместо обладания — отношение ‘местонахождение’.

⁸ Эти слова, как и конструкция с *āчин*, в основном употребляются в предикативной позиции. Иногда они употребляются и в атрибутивной позиции, ср. (i); аналогичные примеры есть в работе [Колесникова 1966: 155]. Возможно, в (i), как и в (8а—б) ниже, происходит субстантивация слова на *-чи*. См. сноску 10.

(i) [DP [d'ūr hutə-si ətirkō-si] DP] hawal-d'a-ra-n tadū.
 два ребенок-ATR старик-ATR работать-IPFV-NFUT-3SG там
 ‘С двумя детьми, замужняя, работает она там’. [Малые языки]

⁹ Атрибутивные и адвербиальные употребления отрицательной экзистенциальной конструкции зафиксированы далеко не во всех языках, в которых есть эта конструкция. Из тунгусских языков, в нанайском языке в таких конструкциях, как правило, используется другой постпозитивный показатель (*ana*) [Оскольская 2020], хотя в некоторых говорах нанайского языка используется показатель, родственный предикату *aba-* ‘не быть’ [там же: 41], — он употребляется или без грамматических показателей, как постпозитивная частица, или с показателем инструменталиса.

ситуации (ориентира)». Атрибутивные употребления очень редко встречаются в обоих корпусах «Малые языки» и КИЭА РАН. В первом было найдено только сочетание *оро-р-э āчин* ‘безоленный’ в (7а), ср. аналогичное сочетание в (7б), записанное Г. М. Василевич в 1960 г.:

(7) а. *ər=kə* [*oron-ə ašin*] *əwəŋki ə-to-n* *utōlə-pti* *əmtu* *in-ə*
 этот=FOC олень-PART NEG.EX эвенк NEG-FUTCNT-3SG прежде-ATR.TEMP <неясная.форма> жить-PTCP.NEG
 ‘Ведь безоленный эвенк не мог раньше жить’. [Малые языки]

б. [*Оро-р-о āчу-р*] *бэйэ-л* *оро-р-во* *вā-вкй-л* *би-чэ-тйн*
 олень-PL-PART NEG.EX-PL человек-PL олень-PL-ACC убивать-PTCP.HAB-PL быть-PST-3PL
 ‘Не имевшие оленей эвенки убивали оленей’. [Василевич 1966] и [КИЭА РАН]

В устных рассказах встречаются атрибутивные модификаторы с *āчин* с опущенной вершиной (8а—б). Такие употребления не найдены в письменных текстах корпуса КИЭА РАН, и они отсутствуют в наиболее полном и недавнем словаре [Болдырев 2000а: 49]¹⁰.

(8) а. *tar* [_{DP} [*hutə-ja aši-r*] _{DP}] *minə* *ga-da-Ø*
 тот ребенок-PART NEG.EX-PL 1SG.ACC взять-NFUT-3PL
 ‘Эти бездетные [люди] меня взяли’. [Малые языки]

б. [_{DP} [*kutu-jə ašin*] _{DP}] *-dū* *ə-fkī-l* *baldi-rə*
 удача-PART NEG.EX -DAT NEG-PTCP.HAB-PL вырасти-PTCP.NEG
 ‘У несчастливого [ребенка] не растут [олени]’. [Малые языки]

Авторы работы [Оскольская и др. 2020: 14] считают контексты, в которых группа [_{NP}NEG.EX + *āчин*] стоит в предикативной позиции (типа *Иван без денег*), нерелевантными для семантики каритивности. Однако для нашей задачи анализа синтаксической структуры сочетаний с *āчин* такие примеры представляют интерес — тем более что в обоих наших корпусах предикативные сочетания с *āчин* встречаются достаточно часто, причем с разными _{NP}NEG.EX, ср. (9а—г).

(9) а. *Nuŋa-r-tin* [*hutə-ja aši-r*] *bi-šō-tin*
 3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 ‘У них не было детей’. [букв. «Они были бездетные»] [Малые языки]

б. [*toŋo-jo aši-r*] *o-d'ak=ta...*
 огонь-PART NEG.EX-PL стать-CVB.COND.DS=FOC
 ‘Когда (мы) станем без огня...’ (‘когда у нас не будет огня’...) {мы умрем, потому что замерзнем и не сможем готовить еду.} [Малые языки]

в. *Би тыкин-дэ* [*атыркан-а ачин*]
 1SG все.время=FOC старуха-PART NEG.EX
 ‘Но я до сих пор без жены’. [КИЭА РАН, сказания восточных эвенков]

г. *Бй* [*хутэ-е āчин*] *би-де-м*
 1SG ребенок-PART NEG.EX быть-FUTCNT-1SG
 ‘Я остаюсь бездетным’. [КИЭА РАН, Библия для детей (переводной текст)]

Морфологические свойства *āчин* в предикативных примерах (9а—г) такие же, как в предложениях типа (4а—е), в которых _{NP}NEG.EX — подлежащее. Так, из *aši-r* [PL] в (9а—б) vs. *āчин* / *ачин* [SG] в (9в—г) видно, что *āчин* согласуется в числе с подлежащим. _{NP}NEG.EX в (9а—г), в отличие от (4а—е), — дополнение в партитивном падеже [PART]. В эвенкийском языке партитивный падеж может быть присвоен толь-

¹⁰ (8а—б) — это примеры субстантивации (без аффиксации, то есть конверсии), которой в эвенкийском могут подвергаться некоторые причастия и прилагательные [Константинова 1964: 83—84], но не глаголы. Учитывая примеры (8а—б) и аналогичные, можно заключить, что примеры (13а—в) ниже, где у *āчин* морфологические свойства имени и *āчин* — вершина несобственно-посессивной конструкции, — это результат субстантивации, то есть в них у *āчин* наблюдаются не глагольные, а именные свойства. В работе [Константинова 1964: 75—79] *āчин* считается существительным. Если учесть, что от прилагательных не могут аффиксальным способом образовываться существительные, а обратное возможно, точку зрения О. А. Константиновой следует признать правильной и, кроме того, получается, что степень «независимости» у прилагательных как части речи меньше, чем у существительных. Таким образом, группа с *āчин*, как и прилагательные, подвергается субстантивации только путем конверсии.

ко дополнению, причем выбор между номинативом и партитивом регулируется примерно теми же факторами, что и дифференциальное маркирование объекта. Таким образом, партитивный объект чаще, чем аккузативный объект, неререферентный, неопределенный, неодушевленный и т. д.

В предложениях, в которых NP_{NEG.EX} является подлежащим (4а—е), сохраняется возможность существования и определенности NP_{NEG.EX}, поскольку NP_{NEG.EX}, будучи подлежащим, не обязательно входит в сферу действия отрицания как компонента значения *āчин* (ср. (4г), где NP_{NEG.EX} — местоимение первого лица *bī*). Партитивная группа NP_{NEG.EX} в (7а—б) и (9а—г) неререферентна, поскольку NP_{NEG.EX} входит в сферу действия *āчин*, и наличие у кого-либо / чего-либо обозначаемого ею объекта или его существование отрицается *āчин*¹¹.

Мы, вслед за работой [Болдырев 2007: 85], считаем, что именно *āчин* присваивает партитив имени NP_{NEG.EX}. Подробно этот вопрос обсуждается в п. 3.

Таким образом, атрибутивные употребления в наших материалах практически не найдены, а идентичные им по структуре предикативные (с партитивным объектом) встречаются сравнительно часто. В последнем случае *āчин* согласуется с подлежащим. Если считать, что *āчин* — предикативное прилагательное, отсутствие атрибутивных употреблений естественно. Аtribuтивные прилагательные в эвенкийском языке, в отличие от *āчин*, часто, хоть и не всегда, согласуются с определяемым именем в падеже, а не только в числе, ср. (10):

- (10) *o-ŋkī-n* *ātiŋə-l-wo* *nata-pču-l-wə...*
 делать-PTITER-3SG одежда-PL-ACC тепло.NOUN-ATR-PL-ACC
 ‘[Я] шила теплую одежду...’ [Малые языки]

В примерах из литературного языка, приводимых в грамматиках и исследованиях по эвенкийскому языку, *āчин*, как и атрибутивное прилагательное, согласуется в падеже с определяемым словом, ср. [Горцевская 1941: 72; Колесникова 1966], пример (11а). Однако в доступных нам материалах нет примеров, полностью аналогичных (11а), кроме (7а). Так, (11б), переведенный на русский с постпозитивным определением, строится по принципу именного сказуемого с вспомогательным глаголом — то есть *āчин*, опять же, является вершиной адъективной части предиката¹².

- (11) а. [*мудан-а āчи-р-ду*] *дуннэ-ңи-л-дү-вун...*
 предел-PART NEG.EX-PL-DAT земля-INDPS-PL-DAT-PS.1PL
 ‘На наших беспредельных угодьях’ {очень много всякого зверья.} [Колесникова 1966: 155]
- б. *āhi-kokōn bājə-l* *əɾə* [[*hawa-l ās'in*] *bi-fkī-l*] *hawa= hawa=*
 сейчас-INTS человек-PL этот работа-PL NEG.EX быть-PTCP.HAB-PL работа.SLIP работа.SLIP
 ‘Теперь люди это, безработные обычно’. [букв. «бывали/бывавшие без работы»] [Малые языки]

Исходя из наших данных, приведенных выше, *āчин* — предикативное прилагательное, которое свободно не употребляется как атрибутивное, кроме случаев субстантивации (8а—б). Существует ли такая часть речи? Можно ли тут видеть категориально недоопределенную основу (ср. плейсхолдеры в (3а—б)), которая может употребляться в определенных синтаксических контекстах с признаками разных частей речи?

Дополнительный синтаксический контекст, в котором употребляется предикативное сочетание [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*], — это позиция адвербиального модификатора в устной речи. В данной функции [NP_{NEG.EX} + *āчин*] употребляется довольно часто:

- (12) а. [*hawa-jə asin*] *ə-dəŋə* *bodo-ro*
 работа-PART NEG.EX NEG-PTCP.POST существовать-PTCP.NEG
 ‘Без работы не могла существовать’. [Малые языки]

¹¹ В атрибутивном употреблении NP_{NEG.EX}, как правило, стоит в единственном числе. Пример (7б) — исключение, но этот пример малопоказательный: он относится к 1960 году. К тому же в нем непонятно, согласуется *āчи-р* в (7б) по числу с *оро-р-о* (‘олени’, NP_{NEG.EX}) или с *бэйэ-л* (‘люди’, определяемое имя).

¹² В (11б), как и в (7б), NP_{NEG.EX} (‘работа’, *hawa-l*) и определяемое имя (‘люди’, *bājə-l*) оба стоят во множественном числе. Однако *ās'in* стоит в единственном числе и не согласуется ни с тем, ни с другим. Это говорит о том, что в современном языке числовое согласование *āчин* у некоторых носителей утрачивается (в корпусе [Малые языки] есть еще примеры без согласования *āчин*). В работе [Горцевская 1941: 72] приводятся минимальные пары, показывающие, что в литературном языке XX века число *āчин* в атрибутивной позиции определялось вершинным (модифицируемым) именем.

б. *ēkun=da bulta-ja-n aduk [kəʊə-ja aśin]*
 что=FOC добыча-PART-PS.3SG отсюда мучение-PART NEG.EX
atən atə-Ø-ndə bokon-o
 не.статья.SLIP не.статья-NFUT-2SG догнать-PTCP.NEG

‘Никакую добычу с этих пор **без мучений** не сможешь догнать’. [Малые языки]

в. *Буливси-к [гирки-е āчин], уи нууа-р-ду-тын калару-дя-н, колобоу-де-н...?*
 скучать-NMLZ друг-PART NEG.EX кто он-PL-DAT-PS.3PL стряпать-FUTCNT-3SG печь.хлеб-FUTCNT-3SG
 ‘Скука/скучно **без друга** [имеется в виду жена, это цитата устной речи в газете], кто будет для них стряпать, печь хлеб (...)?’ [КИЭА РАН, газета]

В грамматиках и работах по эвенкийскому языку [Василевич 1940; Горцевская 1941; Константинова 1964; Колесникова 1966; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999] нет упоминания об адвербиальной функции [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*]. Видимо, такая функция появилась у [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*] недавно¹³. В литературном же языке в обстоятельственной функции используется несобственно-посессивная конструкция [NP_{NEG.EX}[NOM] + *āчин*-NUM-CASE(-PS)]¹⁴. В (13а—б)¹⁵ приводятся примеры из корпуса [КИЭА РАН], а в (13в) — единственный найденный пример такого типа в корпусе [Малые языки]; пример найден в сказке, где рассказчик (В. Ёлдогир) старается употреблять архаические выражения: в рассказе о жизни В. Ёлдогир использует адъективную конструкцию, представленную в (12а).

(13) а. *Гун-де-м, пельмени-л мун-ду [сунюри[н] имуксэ ачин-ди=да...]*
 говорить-FUTCNT-1SG пельмени-PL 1PL.OBL(EXCL)-DAT свинья жир NEG.EX-INST=FOC
 ‘Говорю, для нас пельмени и **без свиного жира**...’ {со своим жиром вкусные.} [КИЭА РАН]

б. *[Эвэнки-л ачи-р-ду-тын], [ачи-р-ду-тын оро-р...]*¹⁶
 эвенк-PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL олень-PL
 ‘**Без эвенков, без оленей**’... {экспедиция не могла бы сделать столько работы.} [КИЭА РАН]

в. *тар атə-d’əŋō-n [Ø aśin-dū-w]*
 тот прийти-PTCP.POST PRO.1SG NEG.EX-DAT-PS.1SG
 ‘Он придет, **когда меня не будет**’. [Малые языки]

Большинство авторов грамматик и словарей, например [Константинова 1964: 75—79; Болдырев 2000а: 49; Болдырев 2007: 53], считают *āчин* существительным. Рассмотренный набор синтаксических контекстов показывает, что *āчин* нельзя приравнять к категориально недоопределенным основам. В таблице 1 показаны свойства *āчин*, которые имеют отношение к категориальным характеристикам *āчин*.

¹³ Поскольку тут речь идет об «адъективном» обстоятельстве, у которого нет морфосинтаксических свойств обстоятельства, то, как кажется, уместно говорить о «некатегориальном подчинении» в смысле [Ландер 2008].

¹⁴ В (i-a) показана стандартная посессивная конструкция, а в (i-б) — несобственно-посессивная конструкция, ср. примеры в работе [Лютикова 2016: 157—158]:

(i) а. ...[*таре бира дэрэн-ду-н*]
 тот.ACC река устье-DAT-PS.3SG
 ‘...в устье той реки’. [Константинова 1964: 63]

б. *[oron hawa-n] hō bəjə hawal-daki-n*
 олень работа-PS.3SG сильный(о.проявлении.качества) человек работать-CVB.COND.DS-3SG
 ‘Оленья работа большая, если человек работает’. [Малые языки] (‘работа с оленями’, отношения принадлежности нет), ср. примеры в работе [Колесникова 1966: 153]

В работах [Горцевская 1941: 79; Nedjalkov 1994: 29] приводятся примеры с конструкцией [NP_{NEG.EX} [NOM] + *āчин*-NUM-CASE(-PS)] в аргументной позиции, но в нашем материале подобные примеры не найдены. Таким образом, важный синтаксический довод в пользу того, что *āчин* является именем, у нас отсутствует. Зато в (8а—б) конструкция [NP_{NEG.EX} [PART] + *āчин*] оказывается в аргументной позиции после субстантивации.

¹⁵ В работе [Горцевская 1941: 73—74] отмечается, что, если NP_{NEG.EX} не является местоимением, посессивный аффикс у *āчин* может отсутствовать, ср. (13а).

¹⁶ Конструкция с *āчин* в обстоятельственной функции, исходя из наших данных, допускает препозицию *āчин* к NP_{NEG.EX}. Препозиция встречается в случаях так называемой «эмфатической инверсии» [Колесникова 1966], которая, в частности, возможна при эмфатическом или контрастивном выделении *āчин* или NP_{NEG.EX} (что, скорее всего, имеет место в данном случае).

Таблица 1¹⁷ (ср. [Горцевская 1941: 71, 76—79; Болдырев 2000а: 49; Болдырев 2007: 85])

Существительное		Прилагательное		Глагол	
Морф.	Синт.	Морф.	Синт.	Морф.	Синт.
<ul style="list-style-type: none"> Семантическая категория числа (–). Обязательная субстантивация в атрибутивной позиции (+/?). Несогласовательный падеж (–) с NP_{NEG.EX} [PART] (+) в несобственно-посессивной конструкции. Согласовательный посессивный показатель (–) с NP_{NEG.EX} [PART], (+) в несобственно-посессивной конструкции. 	<ul style="list-style-type: none"> Аргументная позиция (+/–), найдены неидиоматические примеры только вместе с субстантивацией. Обстоятельная позиция (+). Именная предикативная позиция (+). 	<ul style="list-style-type: none"> Согласовательная категория числа (+). Согласование по падежу (–). Субстантивация (+) Невозможность аффиксального образования существительного (?). 	<ul style="list-style-type: none"> Именная предикативная позиция (+). Атрибутивная позиция, +/-, найдены неидиоматические примеры только вместе с субстантивацией. 	<ul style="list-style-type: none"> Показатели времени, вида и т. д. (–). Согласование с подлежащим (+). Невозможность аффиксального образования существительного (–). 	<ul style="list-style-type: none"> Возможность присваивания партитива дополнению (+).

Таблица 1 показывает, что, хотя у *āчин* больше всего свойств имени и прилагательного (которые во многом перекрываются), по нашим данным, *āчин* нельзя отнести ни к какой части речи по совокупности морфологических и синтаксических признаков. Скорее, морфосинтаксические свойства *āчин* уникальны, и *āчин* в некоторой степени теряет свойства имени и приобретает предикативные свойства (см. п. 3 и особенно сноску 26). В несобственно-посессивной конструкции *āчин* — определенно существительное.

3. Формально-синтаксический анализ конструкции с *āчин*: [NP_{NEG.EX}[SUBJ/NOM] + *āчин*] и [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*]

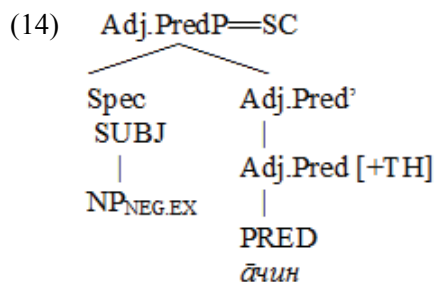
Учитывая приведенный выше материал и его анализ, можно выделить три типа конструкции с *āчин*: (1) с NP_{NEG.EX} — подлежащим и *āчин* — сказуемым (примеры (4а—е)); (2) с NP_{NEG.EX} — дополнением в партитиве (примеры (7а—б), (8а—б), (9а—г), (12а—в)); (3) несобственно-посессивная конструкция с вершиной *āчин* (примеры (13а—в)). Мы рассмотрим формально-синтаксический анализ только первых двух групп примеров (в сравнении), поскольку формальный анализ посессивной конструкции в эвенкийском не проводился, и такой анализ займет слишком много места. В обоих этих случаях NP_{NEG.EX} — это аргумент *āчин*¹⁸, но поскольку в одном случае NP_{NEG.EX} — это подлежащее, а в другом — дополнение, то создается впечатление, что у *āчин* две диатезы. Однако поскольку *āчин* — не глагол, мы не можем тут

¹⁷ Дается в соответствии с замечанием анонимного рецензента. (+) обозначает, что данное свойство присуще части речи из данного столбца, а (–) — что нет.

¹⁸ [Partee, Borschev 2002], как и другие исследователи, предлагают семантический анализ экзистенциального глагола (на примере русского *быть*) как имеющего два аргумента: тема (внутренний) и местонахождение/локация (внешний): *В комнате есть кондиционер, У него есть дети*. Такая же аргументная структура и у каритивного показателя [Matushansky 2020]. Внутренний аргумент «тема» (NP_{NEG.EX}) относится к субкатегориальной рамке *āчин*. Внешний же аргумент (местонахождение) семантически присутствует, но его синтаксическая позиция и форма жестко не фиксированы и зависят от интерпретации конструкции (см. сноску 7). Ср. локативный аргумент «у моей матери» (обладатель) из (4б) и аргумент (местонахождение) «на наших участках» *učasko-l-dū-wun* 'участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)' из (4в). В настоящей статье мы не рассматриваем внешний аргумент *āчин*.

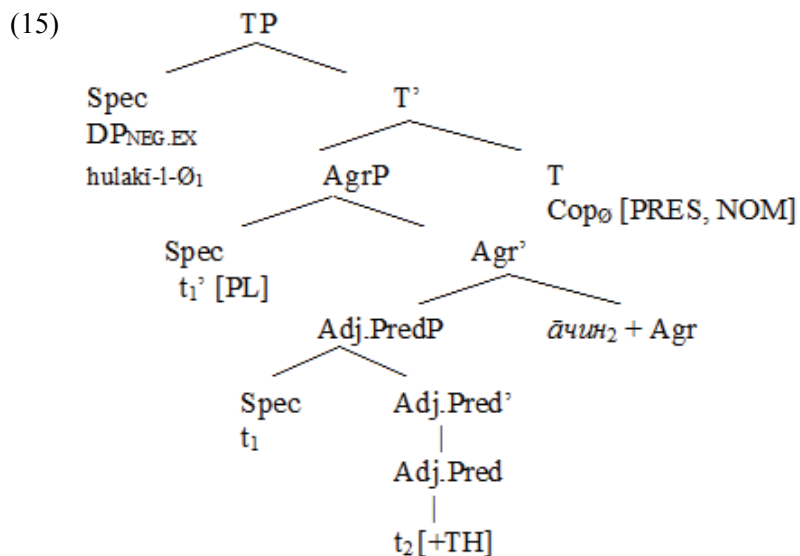
апеллировать к суффиксам глагольной деривации (например, *-wi* ‘TRANS’ или *-vkĀn-* ‘CAUS’). В силу того, что аналогичные случаи нам неизвестны, мы попробуем представить эти две диатезы по-другому.

Чтобы отразить тот факт, что $NP_{NEG.EX}$ — аргумент *āчин*, *āчин* представляется как вершина $Adj.PredP$ группы $Adj.PredP$, а $NP_{NEG.EX}$, как аргумент *āчин*, стоит в спецификаторе $Adj.PredP$. При этом, поскольку внутри $Adj.PredP$ между $NP_{NEG.EX}$ и *āчин* указаны только тематические, но не грамматические отношения, $Adj.PredP$ в этом случае аналогично малой клаузе (Small Clause / SC), состоящей из субъекта и предиката:

В примерах типа (4а—е) $NP_{NEG.EX}$ — это скорее DP^{19} — подлежащее финитного предложения, обладающее всеми именными категориями и референциальными характеристиками [Abney 1987]. Эта группа передвигается в $SpecAgrP$ для передачи *āчин* согласовательного признака числа, а затем в $SpecTP$ для того, чтобы вершина T (которая содержит также вспомогательный глагол) присвоила $NP_{NEG.EX}$ номинатив. Для (4а) схема вывода будет (15). Поскольку *āчин* не является глаголом, $Adj.Pred$ (*āчин*) из согласовательной вершины Agr не может передвинуться в T и приобрести там такие глагольные признаки, как время.

- (4) а. *hulakī-l ās'i-r upkat-pa=dā wā-t-ča-l*
 лиса-PL NEG.EX-PL весь-ACC=FOC убить-DISTR-PTCP.ANT-PL
 ‘Лис нет, всех поубивали’. [Малые языки]

Теперь рассмотрим случай (2): тут $NP_{NEG.EX}$ — партитивное дополнение *āчин*. Как отмечается в работе [Kiparsky 2001: 348—349], партитивный падеж дополнения связан с отрицанием, квантификацией или имперфективным глагольным аспектом. Поскольку *āчин* обозначает отрицание существования/обладания/местонахождения (где-либо) $NP_{NEG.EX}$, ср. [Matushansky 2020], по крайней мере один или два из

¹⁹ Более корректно было бы вместо $NP_{NEG.EX}$ писать $DP_{NEG.EX}$, в том числе в схемах (14), (16), (18) и (19). Хотя *āчин* содержит в своем значении кванторы существования и отрицания ($\neg \exists (X)$), во многих случаях $DP/NP_{NEG.EX}$ не включается в сферу действия *āчин*, например в (4а—е), ср. (4г), и тогда отрицается не существование $DP/NP_{NEG.EX}$, а отношение между $DP/NP_{NEG.EX}$ и внешним аргументом *āчин*, см. [Matushansky 2020]. Мы подробно не рассматриваем этот вопрос.

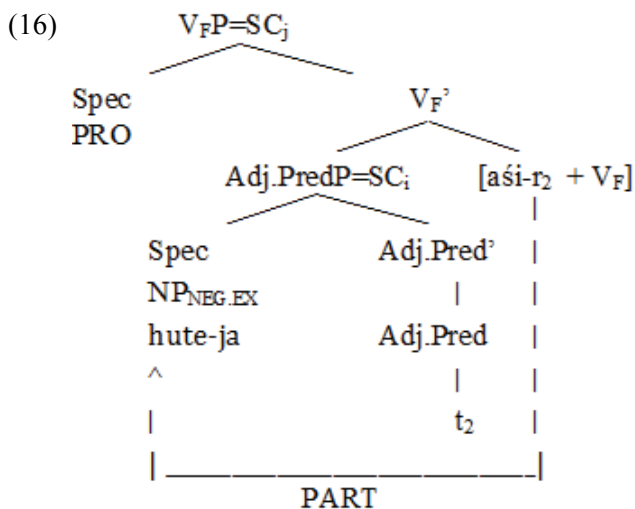
указанных факторов (квантификация, отрицание) есть в конструкции с *āчин*. В то же время, если некоторые исследователи, в том числе П. Кипарски, считают партитив структурным падежом (как один из вариантов дифференциального маркирования), то в случае с *āчин* это скорее лексический падеж, который присваивается определенной лексической единицей (*āчин*) в специальной конструкции (16). Однако мы не утверждаем, что партитив при глагольном управлении — лексический падеж.

Внутри этой конструкции сохраняется структура (14); NP_{NEG.EX} тут дополнение, а *āчин* — это (предикативное) прилагательное, которое, как правило, не может присваивать падеж прямому дополнению, см. [Cinque 1990: 8—9; Cinque 2010: 46—47; Гращенков 2019: п. 3.1.5.3, (504), (507)]. Поэтому в (16) включается нулевой глагол V_F, являющийся вершиной группы V_FP, которая доминирует над Adj.PredP=SC из (14). Присваивание падежа вершиной [Adj.Pred + V_F] именной группе NP_{NEG.EX}, стоящей в позиции спецификатора проекции Adj.PredP, над которой доминирует V_FP, допустимо. Новая структура с V_FP тоже является малой клаузой: в этой структуре отсутствуют функциональные проекции TP и так называемое «small V» / v: вершина T ассоциируется с номинативом (см. (15)), а вершина v — с accusativом, который в данной конструкции отсутствует. Таким образом, Adj.PredP — это SC_i, а V_FP — это SC_j.

В позиции SpecV_FP стоит нулевое подлежащее PRO; это нулевое подлежащее, которое не может быть морфологически выраженным (оно всегда нулевое), но может передавать предикативному слову признаки согласования от аргумента, который контролирует PRO. Так, через PRO происходит согласование вторичных предикатов в придаточном предложении (инфинитиве) в русском языке с подлежащим или дополнением главного предложения²⁰ (примеры (i-в-г) в сноске 20). Тут PRO передает признаки рода и числа от контролирующего PRO аргумента вторичному предикату. В (16) PRO должно работать аналогично.

По определению, PRO, хоть и не выражается морфологически, является аргументом какого-то предиката. Уже говорилось о том, что у *āчин*, как и у *bi-*, два аргумента (тема и местоположение (обладатель/посессор)), см. (4б—в), (6в), сноски 7 и 18. В конструкции с [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*] в предикативной позиции типа (9а—г) ([*hutə-ja aśi-r*] в (9а)) номинативное подлежащее (*nuŋa-r-tin*) — посессор. Предположим, что посессор контролирует PRO в (16)²¹.

- (9) а. *Nuŋa-r-tin* [*hutə-ja aśi-r*] *bi-śō-tin*
 3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL
 ‘У них не было детей’. [букв. «Они были бездетные»] [Малые языки]

²⁰ Ср. русские примеры. В примерах (i-а), (i-б) PRO контролируется подлежащим (*он, она*) основного предложения, а в (i-в), (i-г) — косвенным дополнением (*ему, ей*). Вторичный предикат *один* во всех примерах согласуется по роду и падежу с тем аргументом (*он / ему* или *она / ей*), который контролирует PRO.

- (i) а. *Он* [MASC, NOM] любит [PRO гулять *один* [MASC, NOM]]
 б. *Она* [FEM, NOM] любит [PRO гулять *одна* [FEM, NOM]]
 в. *Она приказала ему* [MASC, DAT] [PRO гулять *одному* [MASC, DAT]]
 г. *Он приказал ей* [FEM, DAT] [PRO гулять *одной* [FEM, DAT]]

²¹ В связи с ограниченными возможностями программы Paint, в схемах (16) и далее некоторые символы из примеров транскрипции заменяются: *nuŋa-r-tin* (*нуңа-р-тын*) → *nunga-r-tin*; *hutə-ja* (*хутэ-я*) → *hute-ja*.

Теперь рассмотрим, как $[NP_{NEG.EX}[PART] + \bar{a}чин]$ ($[hutə\text{-}ja \text{ } \bar{a}si\text{-}r]$) встраивается в структуру предложения. Если поместить схему (16) в позицию компонента связки в синтаксической структуре, аналогичной (15), результирующая структура не будет удовлетворять всем принципам и ограничениям. Если $\bar{a}si\text{-}r$ (Adj.Pred) в (16) инкорпорируется в нулевую глагольную вершину V_F , результирующая сложная вершина $[\bar{a}si\text{-}r_2 [NOM, PL] + V_F]$ имеет глагольную категориальную природу и может далее инкорпорироваться в T, образовав сложный комплекс $[\bar{a}si\text{-}r_2 [NOM, PL] + V_F + T (+ Cop (bi\text{-}s\bar{o}\text{-}tin)) [PST, 3PL]]^{22}$. В этом случае признак [PST] может передаваться $\bar{a}si\text{-}r$, что противоречит строгому запрету на наличие у *āчин* глагольных морфологических признаков (или присоединение к *āчин* глагольных показателей, таких как *-čA* [PST] или *-tin* [3PL])²³.

Если же рассматривать *āчин* как номинализированный предикат, подобно причастиям²⁴, можно анализировать конструкцию $[V_{FP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]$ в (16) как субстантивацию по типу конверсии: $[NP [V_{FP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин] NP]$, аналогично примеру (i) в сноске 24: $[DP [TP \bar{a}ntil\text{-}tin \text{ } j\bar{o}k\bar{a}\text{-}d'\bar{a}\text{-}r\bar{i}\text{-}w\bar{a}] PTCP\text{-}I\text{-}w\bar{a}] DP]$. Учитывая то, что V_{FP} в (16) не содержит никаких глагольных функциональных проекций, мы добиваемся двух ограничений: (1) $[\bar{a}si\text{-}r_2 [NOM, PL] + V_F]$ не сможет инкорпорироваться в T, поскольку вершина N группы NP, доминирующей над V_{FP} , именная вершина, не может инкорпорироваться в T и поскольку инкорпорация $[\bar{a}si\text{-}r_2 [NOM, PL] + V_F]$ в вышестоящие вершины должна была бы проходить «пошагово», не пропуская ни одну вершину²⁵; (2) подлежащее V_{FP} (PRO), которое контролирует подлежащее всего предложения с *nuŋa-r-tin*, по согласованию получает признаки [NOM, PL]. PRO внутри V_{FP} не может быть присвоен еще один именительный падеж, поскольку в V_{FP} нет функциональных проекций. Соответствующая структура для (9a) представлена в (18).

Номинализация SC_i в (18) имеет также три следующих преимущества. Во-первых, аналогично можно анализировать субстантивацию в примерах (8a—б), где группа $[DP [V_{FP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин] DP]$ стоит в позиции аргумента. Во-вторых, именная структура в качестве обстоятельства (примеры (12a—в)) с типологической точки зрения приемлема, ср. причастные обороты в этой функции, пример (17), см. [Рудницкая 2018]²⁶. В-третьих, хотя мы подробно не рассматриваем формальное представление несобственно-посессивной конструкции (случай 3, примеры (13a—в)), сочетание $[NP_{NEG.EX} + \bar{a}чин] = SC_i$ в этой конструкции, вероятно, могло бы обладать структурой (19), похожей на (16), только с номинализацией SC_i (14).

- (17) $[halgan\text{-}mi \text{ } moŋnokot\text{-}š'\bar{a}\text{-}n\bar{a} \text{ } kapu\text{-}t\text{-}na\text{-}duki\text{-}w] \text{ } komis\bar{s}oval\bar{i}$
нога-RFL баловаться-IPFV-CV.B.SIM сломать-DUR-PTCP.PF-ABL-PS.1SG комиссовали
'Из-за того, что я ногу, балуюсь, сломал, комиссовали'. [Малые языки]

²² Признак [NOM] у T мы не рассматриваем, поскольку он становится нерелевантным, присвоившись подлежащему *nuŋa-r-tin* (*нуңа-р-тын*).

²³ Замечание анонимного рецензента.

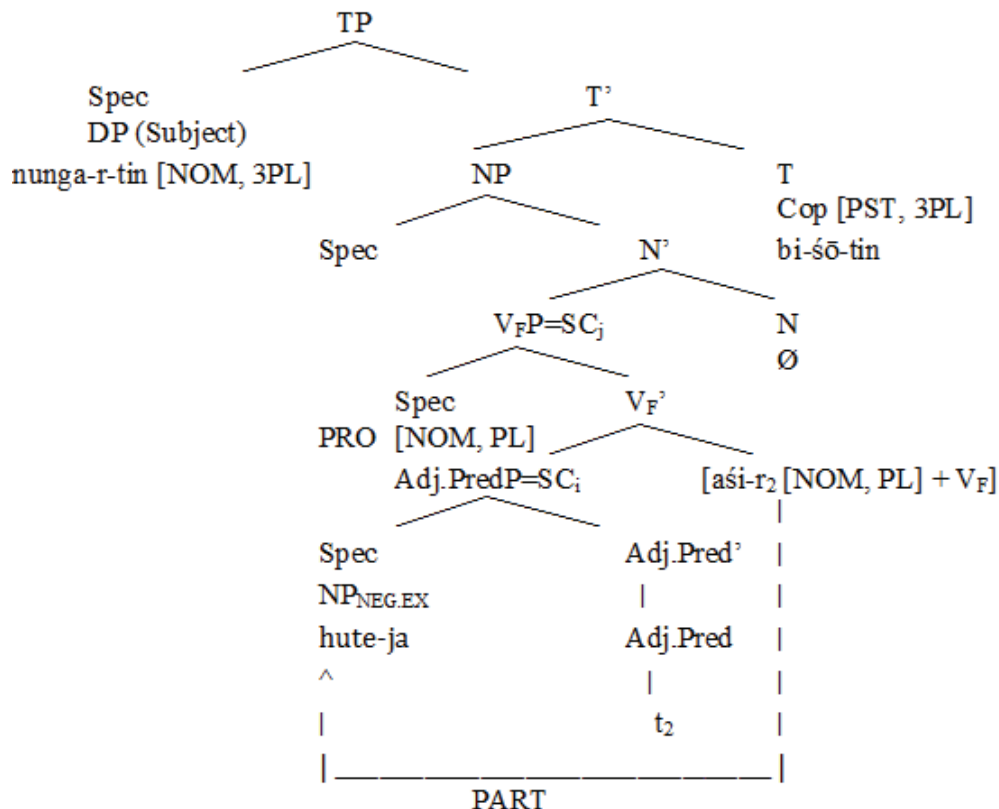
²⁴ Предложение анонимного рецензента. Ср. причастную клаузу (i):

- (i) $d\bar{o}ld\bar{i}\text{-}r\bar{a}\text{-}\emptyset \text{ } [\bar{a}ntil\text{-}tin \text{ } j\bar{o}k\bar{a}\text{-}d'\bar{a}\text{-}r\bar{i}\text{-}w\bar{a}]$
слышать-NFUT-3PL родители.PL-PS.3PL кричать-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC
{Они} 'слышали, как кричали их родители'. [Малые языки]

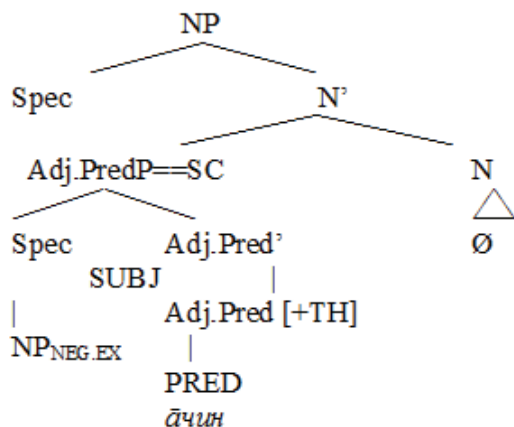
²⁵ Ср. FP — проекцию, доминирующую над малой клаузой, в работе [den Dikken 1995: 25—27].

²⁶ Важное различие между, с одной стороны, (17) и примерами с несобственно посессивной конструкцией (13a—в), а с другой стороны, примерами (12a—в) — в том, что у *āчин* может быть именная падежная и посессивная флексия в (17), в (8a—б) и в (13a—в), но не в (12a—в). С формальной точки зрения это можно объяснить тем, что в (12a—в) *āчин* — это NP без таких функциональных проекций, как KP и PossP (см. схему (18)): при субстантивации группы $[V_{FP} NP_{NEG.EX} [PART] + \bar{a}чин]$ именны функциональные проекции, присущие стандартному эвенкийскому имени, не достраиваются, в отличие от причастной клаузы. В (8a—б) и (13a—в) же у *āчин* есть падежная и посессивная проекция, как и у причастной клаузы. Невозможность признаков падежа и посессивности [–CASE, –PS] у *āчин* в более современной модели (12a—в) следует расценивать как категориальную ущербность. Эту проблему лучше всего трактовать как диахроническую: *āчин* постепенно теряет именны свойства (категории падежа, посессивности), не приобретая глагольные свойства. Такую эволюцию можно рассматривать как первый этап грамматикализации, конечным продуктом которой должна стать неизменяемая предикативная частица *āчин*, ср. такой термин в применении к *āчин* в работе [Болдырев 2007: 378].

(18)

(19)

В заключение заметим, что мы не рассматриваем примеры с партитивным подлежащим NP_{NEG.EX} вместо номинативного и сказуемым *āчин* (ср. примеры (4а—е) и примеры (20а—б)). Примеры типа (20а—б) среди текстов XXI века встречаются только в корпусе [Малые языки] (крайне редко) и не встречаются в более ранних текстах. Поскольку в эвенкийском языке подлежащее не может стоять в партитивном падеже (кроме таких контекстов с *āчин*, как (20а—б)), мы полагаем, что (20а—б) — калька с русских примеров с генитивом отрицания типа *Его не было на концерте, Этой больницы больше нет, ее разбомбили*²⁷.

²⁷ Если рассматривать предложенный нами выше анализ конструкции, NP_{NEG.EX} в партитиве может встретиться только в конструкции, где вся группа [NP_{NEG.EX}[PART] + *āчин*] — это предикативная группа (схема (16)). Если же предложение строится по схемам (14)—(15), как в примерах (4а—е), NP_{NEG.EX} стоит в номинативе. Предложения типа (20) предполагают, что *āчин* присваивает NP_{NEG.EX} партитив (как в (16)), но потом NP_{NEG.EX} может переместиться в SpecTP (по схеме (15)) и там получить еще один падеж (номинатив) от вершины T. Наличие двух падежей у одного имени противоречит падежному фильтру (согласно которому каждой полноценной именной группе (DP) должен быть присвоен ровно один падеж), а также данным эвенкийского языка: в эвенкийском языке группы с двойным падежным маркированием отсутствуют — в отличие от некоторых других языков, например корейского, которые нужно анализировать отдельно.

(20) а. *d'u-l-ə* *užə ač'i-r*
 дом.чум-PL-PART уже NEG.EX-PL
 'Чумов уже нет'. [Малые языки]

б. *ast-jə* *āč'in* *bi-čə-n.*
 жена-PART NEG.EX-PL быть-PST-3SG
 'Жены не было'. [Малые языки]

4. Выводы

Были проанализированы случаи с номинативным подлежащим и партитивным дополнением в конструкции с *āчин*. В обоих случаях *āчин* — это предикат субъектно-предикатной конструкции, присваивающий своему внутреннему аргументу (имени NP_{NEG.EX}, обозначающему несуществующий, не имеющий обладателя или отсутствующий объект) семантическую роль темы. При номинативном подлежащем NP_{NEG.EX} (только в финитном предложении) номинатив присваивается этому подлежащему вершиной T. Если конструкция с *āчин* выступает в адъективном употреблении, она представлена предикативной составляющей нефинитной составляющей [NP [PART] + *āчин*], а подлежащим обычно является посессор. В обоих случаях конструкция с *āчин* — это малая клауза SC, в ней признак финитности невозможен (группы AgrP и TP отсутствуют). Партитив в данном случае является не структурным, а лексическим падежом и присваивается NP_{NEG.EX}-дополнению самим *āчин* (вместе со вспомогательной глагольной вершиной V_F). Адвербиальная конструкция в письменном языке употребляется как несобственно посессивная с именной вершиной *āчин*. Некоторые данные корпусов (примеры с партитивным NP_{NEG.EX}-подлежащим или атрибутивные употребления группы [NP [PART] + *āчин*] без модифицируемого имени в качестве номинализованного модификатора) рассматриваются нами как недавние кальки с русского языка, и поэтому их формальный анализ не проводится.

Сокращения

Общие

диал. — диалектное

рус. — русский (язык)

эвенк. — эвенкийский (язык)

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

ADLZ — показатель адвербализации

ANT — (причастие) предшествования

ATR — атрибутив

CAUS — каузатив

COND — (конверб) условия

CVB — конверб (деепричастие)

DAT — датив

DISTR — дистрибутив

DS — разносубъектный

DUR — дуратив

EX — экзистенциальный

EXCL — эксклюзивное (множественное число)

FEM — женский (род)

FOC — энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение

FUT — будущее (время)

FUTCNT — непосредственно будущее (время)

HAB — хабитуальное (причастие)

INCH — инхоатив

INDEF — неопределенный

INDPS — косвенная принадлежность

INST — инструменталис

INTS — интенсив

MASC — мужской (род)

NEG — отрицание

NFUT — небудущее (время)

NMLZ — показатель номинализации

NOM — номинатив

NOUN — существительное

OBL — косвенная (основа)

PART — партитив

PF — перфектное (причастие)

PL — множественное число

POST — (причастие) возможности

PROPR — косвенный посессор

PS — посессивный (аффикс)

PST — прошедшее (время)

PSTITER — прошедшее итеративное (время)

PTCP — причастие

PURP — (конверб) цели

RFL — рефлексив

SG — единственное число

SIM — (причастие) одновременности

SLIP — оговорка

TEMP — темпоральный (атрибутив)

TRANS — транзитивизатор

Источники

КИЭА РАН — Корпусы Института этнографии и антропологии РАН // <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>, 2014.

Малые языки — Малые языки Сибири: наше культурное наследие // <http://minlang.srcc.msu.ru/http://gisly.net/corpus/>, 2021.

Литература

Болдырев 1994 — *Болдырев Б. В.* Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск, 1994. {*Boldyrev B. V.* The Russian-Evenki dictionary. Novosibirsk, 1994.}

Болдырев 2000a — *Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. Новосибирск, 2000. {*Boldyrev B. V.* The Evenki-Russian dictionary. Vol. 1. Novosibirsk, 2000.}

Болдырев 2000b — *Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2. Новосибирск, 2000. {*Boldyrev B. V.* The Evenki-Russian dictionary. Vol. 2. Novosibirsk, 2000.}

Болдырев 2007 — *Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка / Ред. *В. А. Роббек*. Новосибирск, 2007. {*Boldyrev B. V.* Evenki morphology / Ed. *V. A. Robbek*. Novosibirsk, 2007.}

Василевич 1940 — *Василевич Г. М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940. {*Vasilevich G. M.* Essays on Evenki (Tungus) grammar. Leningrad, 1940.}

Василевич 1948 — *Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. {*Vasilevich G. M.* Essays on Evenki (Tungus) dialects. Leningrad, 1948.}

Василевич 1966 — *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.—Л., 1966. {*Vasilevich G. M.* Historical folklore of Evenki. Legends and traditions. Moscow — Leningrad, 1966.}

Горцевская 1941 — *Горцевская В. А.* Формы отрицания в эвенкийском языке / Ред. *В. И. Цинциус*. Л., 1941. {*Gortsevskaya V. A.* Forms of negation in Evenki / Ed. *V. I. Tsintsius*. Leningrad, 1941.}

Гращенко 2019 — *Гращенко П. В.* Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М., 2019. {*Grashchenkov P. V.* The grammar of adjectives. The typology of adjectivity and attributivity. Moscow, 2019.}

Клячко, в печати — *Клячко Е. Л.* Диалектные особенности публикуемых текстов. Предисловие к сборнику // *О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Ю. Е. Галямина, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофанова.* История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков (в печати). {*Klyachko E. L.* Dialectal features of the published texts. Preface // *O. A. Kazakevich, E. M. Budyanskaya, Yu. E. Galyamina, E. L. Klyachko, N. K. Mitrofanova.* The history of our country in the stories of Kets, Selkup and Evenki (to appear).}

Колесникова 1966 — *Колесникова В. Д.* Синтаксис эвенкийского языка. М., 1966. {*Kolesnikova V. D.* The syntax of Evenki. Moscow, 1966.}

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., 1964. {*Konstantinova O. A.* The Evenki language. Phonetics. Morphology. Moscow, 1964.}

Ландер 2008 — *Ландер Ю. А.* Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Ред. *М. А. Алексеев, Т. А. Майсак, Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер.* Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008. С. 54—95. {*Lander Yu. A.* Participle constructions or non-categorical subordination? // Eds. *M. A. Alekseev, T. A. Maysak, D. S. Ganenkov, Yu. A. Lander.* The Udi volume: grammar, lexicon, diachronic studies. Moscow, 2008. P. 54—95.}

Лютикова 2016 — *Лютикова Е. А.* Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дисс. ... д. филол. наук. В 2 т. М., 2016. {*Ljutikova E. A.* The syntax of the noun phrase in an articleless language. PhD Thesis. 2 volumes. Moscow, 2016.}

Оскольская 2020 — *Оскольская С. А.* Каритив в нанайском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020, 1 (27). С. 32—43. {*Oskolskaya S. A.* Caritive in Nanai // The Tomsk journal of linguistic and anthropology research. 2020, 1 (27). P. 32—43.}

Оскольская и др. 2020 — *Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л.* Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020, 3. С. 7—25. [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/vopjaz/s0373658x0009370-6-1> (дата обращения: 23.01.2021). {*Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L.* The definition of the caritive as a comparative concept // *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language). 2020, 3. P. 7—25.}

Рудницкая 2018 — *Рудницкая Е. Л.* Особенности причастий в современном эвенкийском устном языке (по корпусу рассказов 2005—2011 гг.) // Rhema. Rema. 2018, 3. С. 49—68. {*Rudnitskaya E. L.* Special features of participles in modern oral Evenki (based on the corpus of oral stories from 2005—2011) // Rhema. Rema. 2018, 3. P. 49—68.}

Рудницкая 2019 — *Рудницкая Е. Л.* Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века. СПб., 2019. {*Rudnitskaya E. L.* Issues in morphosyntax of the oral Evenki from the beginning of the 21st century. Saint-Petersburg, 2019.}

- Abney 1987 — *Abney S.* The English Noun-Phrase in its Sentential Aspect. PhD Thesis. Cambridge (Mass.), MIT, 1987.
- Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N., Grenoble, L.* Evenki (Languages of the world / Material 141). München, 1999.
- Cinque 1990 — *Cinque G.* Ergative adjectives and the lexicalist hypothesis // *Natural language and linguistics theory*. 1990, 8, 1. P. 1—39.
- Cinque 2010 — *Cinque G.* The Syntax of Adjectives. A Comparative Study. Cambridge — London, 2010.
- Den Dikken 1995 — *den Dikken M.* Particles: On the Syntax of Verb-Particle, Triadic and Causative Constructions. Oxford, 1995.
- Göksel 2013 — *Göksel A.* Flexible word order and anchors of the clause // *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2013, 16. P. 3—25.
- Harves, Kayne 2012 — *Harves S., Kayne R. S.* Having ‘Need’ and Needing ‘Have’ // *Linguistic Inquiry*. 2012, 43, 1. P. 120—132.
- Haspelmath 2021 — *Haspelmath M.* Word-class universals and language-particular analysis. Ms. Leipzig, 2021.
- Kiparsky 2001 — *Kiparsky P.* Structural Case in Finnish // *Lingua*. 2001, 11, 4—7. P. 315—373.
- Kiss 2008 — *Kiss K. É.* Free word order, (non)configurationality, and phases // *Linguistic Inquiry*, 2008. 39, 3. P. 441—475.
- Klyachko (to appear) — *Klyachko E. L.* Functions of placeholder words in Evenki. To appear.
- Matushansky 2020 — *Matushansky O.* Missing types. Talk presented at the Conference “Caritive constructions in the languages of the world”, ILS RAS, Saint-Petersburg, online, 31.11.2020 — 02.12.2020.
- Nedjalkov 1994 — *Nedjalkov I.* Evenki // *Typological studies in negation / Eds. P. Kahren, R. van der Berg*. Philadelphia — Amsterdam, 1994. P. 1—34.
- Nedjalkov 1997 — *Nedjalkov I.* Evenki. London — New York, 1997.
- Partee, Borschev 2002 — *Partee B. H., Borschev V.* Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Second Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10) / Ed. J. Toman*. Ann Arbor, MI, 2002. P. 181—200.
- Polinsky 2015 — *Polinsky M.* Tsez syntax. Ms. Harvard, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://scholar.harvard.edu/files/mpolinsky/files/polinsky-5-tsezsyntax-a.5_2.pdf (дата обращения: 11.05.2020).
- Rijkhoff, van Lier 2013 — *Rijkhoff J., van Lier E.* Flexible word classes in typology and grammatical theory // *Flexible word classes: Typological studies of underspecified parts of speech / Eds. J. Rijkhoff, E. van Lier*. New York, 2013. P. 1—30.
- Veselinova 2013 — *Veselinova L.* Negative existentials: a cross-linguistic study // *Rivista di Linguistica*. 2013, 25, 1. P. 107—145.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki, 2011.

Случаи нарушения тематического принципа в толковом маньчжуро-монгольском словаре (1717 г.)

Яхонтова Наталия Сергеевна, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург); nyakhontova@mail.ru
Энхбатын Мунхцэцэг, Институт языка и литературы Монгольской академии наук (Улан-Батор); ilha_0011@mail.ru

В статье рассматривается монгольский корпус толкового маньчжуро-монгольского словаря 1717 г. с точки зрения соответствия включенных в него слов (или словосочетаний) тематике раздела, в котором они расположены. Благодаря четкой тематической структуре и наличию в нем перечня названий глав и разделов найти заглавное слово на любом из двух языков несложно. Однако многие заглавные слова, кроме своего основного толкования, имеют еще дополнительные, которые касаются разнообразных частных случаев употребления заглавного слова. Из них в трех случаях, а именно: объяснения значения омонима маньчжурского заглавного слова, его переносного значения и значения словосочетаний с его использованием — у маньчжурского заглавного слова появляется самостоятельное значение, которое не связано с тематикой раздела. В монгольской части словаря в этих случаях также теряется связь с заглавным словом, потому что для осмысленного перевода новых значений используются слова, отличающиеся от заглавного монгольского. Найти или объяснить появление таких монгольских слов в конкретном разделе без привлечения маньчжурского материала практически невозможно. Несмотря на то что описанные случаи являются небольшой погрешностью в четкой тематической структуре словаря, возможность использовать его монгольскую часть в качестве самостоятельного монгольского словаря, отмеченная лексикографами, требует некоторых оговорок.

Ключевые слова: лексикография, двуязычный словарь, толковый словарь, тематический словарь, маньчжурский язык, монгольский язык, дополнительное толкование, тематика раздела, тип несоответствий

DISCREPANCIES IN THE THEMATIC ORDER IN THE EXPLANATORY MANCHU-MONGOLIAN DICTIONARY (1717)

Natalia S. Yakhontova, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); nyakhontova@mail.ru
Enkhbatyn Munkhtsetseg, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar); ilha_0011@mail.ru

The article examines the Mongolian corpus of the explanatory bilingual Manchu-Mongolian dictionary (1717) focusing on the correspondence of the Mongolian words (or phrases) to the topic of the section in which they are placed. Due to a clear structure of the dictionary and a list of all chapters and sections names it is easy to find a Manchu or a Mongolian headword in it. However, many headwords in addition to the main explanation, have additional ones that explain the meaning of the word in special cases. There are three among them — the explanation of the meaning of the homonym of the Manchu headword, its figurative meaning and the meaning of phrases with the headword, where a different meaning appears. Therefore, the connection with the topic of the section is lost. In the Mongolian part of the dictionary this different meaning is naturally translated by a different word and thus the connection with the headword is lost as well. Without reference to the Manchu part it is almost impossible to find or to explain the appearance of such Mongolian words in a section. The cases described do not affect the thematic structure of the dictionary on the whole because of their insignificant number. However, the statement that the Mongolian part of this dictionary can be used separately as a Mongolian dictionary is not completely accurate.

Keywords: lexicography, bilingual dictionary, explanatory dictionary, thematic dictionary, Manchu language, Mongolian language, additional explanation, topic of a section, types of discrepancies

Толковый тематический двуязычный словарь «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe*, монг. *Qayan-u bičigsen manju mongyol ügen-ü toli bičig*) (далее — НАММ), напечатанный ксилографически в Пекине в 1717 г. по инициативе и под патронатом маньчжурского императора Канси, занимает центральное место среди маньчжурских словарей этого периода и имеет важное значение для изучения и восстановления лексики не только маньчжурского, но и монгольского языка. Он был составлен на основе толкового тематического маньчжурского словаря (1708 г.) с минимальными изменениями в маньчжурской части и с переводом на монгольский язык. Позже, до конца XVIII в., на основе словаря 1708 г. создавались и новые словари, образуя своеобразную «серию», с добавлением переводов на другие языки (самый последний был пятиязычным) и дополнительных опций (например, в маньчжуро-китайском словаре 1771 г. добавлены записи в маньчжурской графике произношения китайских слов и наоборот), по мере добавления языков происходил отказ от толкований (начиная с маньчжуро-китайско-монгольского 1780 г. толкований в словарях нет). Проводилась и другая редакторская работа: добавление слов, отвечающих потребностям времени, перемещение слов из толкований в заглавные, добавление новых разделов¹, однако структура и основной словарный корпус всех словарей сохранялись неизменными, следуя маньчжурскому словарю 1708 г.

Рассматриваемый словарь состоит из 29 тетрадей (кит. *mao*), в нем около 12 тысяч слов. Слова распределены по тематическому принципу: внутри 45 глав с названиями имеется 280 разделов (тоже с названиями), в большинстве которых есть подразделы (всего 400, без названий), что в целом выстраивает расположение слова от общего значения к частному. Наличие названий у глав и разделов дает возможность найти искомое слово, тем более что перечень названий глав и разделов приведен в предисловии к словарю.

Словарь НАММ — толковый, то есть каждое слово или выражение сопровождается объяснением, при этом, кроме первого, основного, толкования, может быть одно или несколько (до четырех-пяти) дополнительных. Последние могут содержать различную дополнительную информацию: варианты написания заглавного слова; значения, близкие к его значению; его переносные значения; синонимы; виды предмета, обозначенного заглавным словом; разговорные варианты; омонимы; фразеологизмы и др. Эта дополнительная информация чаще всего вводится словами маньчж. *jai* ‘также’, монг. *jiči* id., маньчж. *geli* ‘еще’, монг. *basa* id. (см. пример 1)². В примере в дополнительном толковании дается словосочетание с участием заглавного слова и объясняется его значение:

(1) маньчж. *feheren* ‘пространство между бровей’, монг. *köntüger* id. (ЗС) [НАММ, 5: 51v]³

маньчж. *juwe faitan-i siden be, feheren sembi.* (ОТ)

монг. *qoyar kömüsge-yin qoyurundu-yi, köntüger kememüi.* (ОТ)

‘[То, что находится] между бровями, называют «пространство между бровей»’.

маньчж. *geli faitan feherekebi sembi. jili banjire arbun.* (ДТ)

монг. *basa kömüsge köntüyilgeji kememüi. kiling törükü bayidal.* (ДТ)

‘Также говорят «свести брови»⁴. [Это] состояние злости’.

Принципиально важно, что это единственный словарь из созданных в XVIII в., в котором имеется толкование монгольских слов. Особенностью расположения двуязычного текста этого словаря является строго выдержанное параллельное следование маньчжурского текста и его буквального монгольского перевода. Этому способствуют вертикальное (сверху вниз) расположение графики обоих языков и типологическое сходство их грамматического строя (см. пример 2):

(2) *alin-i mudan* ‘извилина’, монг. *ayulan-u murui* id. (ЗС) [НАММ, 1: 71r]

маньчж. *alin-i mudaliha ba be, alin-i mudan sembi.* (ОТ)

монг. *ayulan-u muruyiqsan yaĵar-i, ayulan-u murui kememüi.* (ОТ)

‘Место искривления горы называют «извилины горы»’.

¹ О редакторской работе над этими словарями см. [Corff 2017: 357—363; Мунхцэцэг, Яхонтова 2018: 311—318].

² Примеры приводятся по следующей схеме: заглавное слово (ЗС) на двух языках с переводом, основное толкование (ОТ) на двух языках с переводом, дополнительное толкование (ДТ) на двух языках с переводом. Если дополнительных толкований несколько, они нумеруются. Здесь и далее для двух языков достаточно приводить один русский перевод, благодаря типологической близости этих языков, идентичности значений слов и их толкований. В случае расхождений приводятся два отдельных перевода.

³ В ссылке на текст словаря НАММ первая цифра обозначает номер тетради, вторая — листа.

⁴ Ср. русское выражение «насупить брови».

Это видно из таблицы 1, в которой строки глоссирования для обоих языков совпадают.

Таблица 1. Типологическая близость маньчжурского и монгольского языков

<i>alin</i>	<i>i</i>	<i>mudali-ha</i>	<i>ba</i>	<i>be</i>	<i>alin-i</i>	<i>mudan</i>	<i>se-mbi</i>
гора	GEN	кривиться-PART	земля	ACC	гора-GEN	извилина	говорить-PR
<i>ayulan</i>	<i>u</i>	<i>muruyi-qsan</i>	<i>yaĵar</i>	<i>i</i>	<i>ayulan-u</i>	<i>murui</i>	<i>keme-müi</i>
гора	GEN	кривиться-PART	земля	ACC	гора-GEN	извилина	говорить-PR

Известный монгольский лексикограф А. Лувсандэндэв отмечал, что следование маньчжурскому оригиналу не повлияло на правильность монгольского перевода и толкования монгольских слов, и поэтому монгольская часть словаря может быть использована как самостоятельный словарь [Лувсандэндэв 1962: 171]. Последнее обстоятельство подтверждается тем, что монгольская часть словаря была издана в 1979 г. в Хух-Хото [Qorin nigetü 1979]. Материалы из словаря НАММ вошли в монгольские рукописные толковые словари начала XX в.⁵ Ссылки на использование этого словаря есть не только в работах маньчжурологов [Захаров 1875, 1879; Gorelova 2002; Norman 1978], но и монголистов [Ковалевский 1844—1849; Цэвэл 1966].

В целом, словарь НАММ дает обширный и тематически структурированный корпус монгольского языка начала XVII в. Однако в нем присутствуют монгольские слова (или сочетания слов), со значением, не соответствующим тематике раздела, в котором они помещены, или, если посмотреть с другой стороны, найти место которых в словаре, только опираясь на их значения, практически невозможно. Это касается исключительно монгольских слов и очень ограниченного их количества, тем не менее такие слова есть, например, монг. *üledege* ‘сохрани’ (императив 2 лица) в разделе «Я и ты»⁶, монг. *quluγu* ‘гвоздильня’ в разделе «Тело человека»⁷, монг. *alda* ‘сажень’ в разделе «Судебные дела и тяжбы»⁸. Объяснить расположение этих и некоторых других слов в конкретных разделах можно только с привлечением маньчжурской части словаря. Эти слова объединяет также то, что они не входят в состав заглавных слов, а названы в дополнительных толкованиях; кроме того, во многих случаях выбранное для их перевода монгольское слово отличается от монгольского перевода заглавного слова. Все эти случаи, которые удобно назвать «несоответствия», можно условно разделить на несколько типов: перевод маньчжурских омонимов, перевод переносного значения слова, перевод словосочетаний с заглавным словом и, как частный случай последнего, перевод фразеологизмов. При одном заглавном слове может быть несколько дополнительных толкований, которые содержат слова, относящиеся к разным типам несоответствий.

Омонимы, приведенные в дополнительных толкованиях при некоторых маньчжурских словах, являются самыми неожиданными для монгольского языка с точки зрения соотношения значения монгольского перевода слова и тематики раздела. Например, в разделе «Я и ты» таких омонимов два: для личного местоимения ‘я’ (маньчж. *bi*) и неопределенного ‘другой’ (маньчж. *weri*). Первое в маньчжурском языке омонимично связке ‘быть’ (маньчж. *bi*), это значение объяснено в дополнительном толковании, и в монгольском переводе также используется связка — *bui* (см. пример 3); второе омонимично императиву 2 лица⁹ (маньчж. *weri*) от глагола *werimbi* ‘сохранять’, о чем говорится в дополнительном толковании, и так появился правильный, но не подходящий под тематику раздела монгольский перевод *üledege* ‘сохрани’ (см. пример 4).

(3) маньчж. *bi* ‘я’, монг. *bi* id. (ЗС) [НАММ, 12: 38г]

маньчж. *güwa-i baru beye be jorime gisurembihede, bi sembi*. (ОТ)

монг. *busud-un жүг beyeben жүян kelelčeki bögesü, bi ketemüi*. (ОТ)

‘Когда с собеседником разговаривают, на себя показывая, говорят «я»’.

маньчж. *geli yaya jaka kemuni bisire be, inu bi sembi*. (ДТ)

монг. *basa aliba yayum-a basa kü aqiu-yi, bui ketemüi*. (ДТ)

‘Еще, когда любая вещь постоянно [где-то] находится, говорят так же: «есть»’.

⁵ Известны два таких рукописных словаря, подробнее см. [Шагдарсүрэн 2008: 19—68].

⁶ Маньчж. *bi si sere hacin*, монг. *bi či keteki жүil*. Этот раздел содержит местоимения и относится к четырем разделам, выделение которых в словаре основывается не на лексическом значении слова, а на его категориальной принадлежности. Однако нельзя не отметить, что части речи, которые «имеют» персональные разделы (числительные, звукоподражания, служебные слова), выделяются как таковые во многом благодаря своей семантике.

⁷ Маньчж. *niyalmai beye-i hacin*, монг. *kümün-ü bey-e-yin жүil*.

⁸ Маньчж. *baita sita-i hacin*, монг. *kereg jaray-un жүil*.

⁹ В маньчжурском и монгольском языках форма императива 2 лица совпадает с основой глагола.

- (4) маньчж. *weri* ‘другой’, монг. *künei* id. (ЗС) [НАММ, 12: 44г]
маньчж. *dalji akü niyalma be, weri niyalma sembi.* (ОТ)
монг. *qamiy-a ügei kümün-i, künei kümün kememüi.* (ОТ)
‘Постороннего человека называют «**другой** человек»’.

маньчж. *geli yaya jaka be bibu tutabu sere be, inu weri sembi.* (ДТ)
монг. *basa aliba yaγum-a-yi aqiyul, qoçury-a kemeküi-yi, üledege kememüi.* (ДТ)
‘Еще, когда говорят «оставь какую-нибудь вещь», говорят «**сохрани**»’.

Интересно, что в разделе «Смотреть и глядеть»¹⁰ встретился и обратный вариант: маньчжурское заглавное слово — глагол «узнавать (кого-то)» (маньчж. *takambi*) в форме императива 2 лица (маньчж. *taka*) — является омонимом наречия со значением ‘на короткое время’, и это значение объясняется в дополнительном толковании. Для его перевода в монгольском выбрано соответствующее наречие (см. пример 5):

- (5) маньчж. *taka*, монг. *tani* (ЗС) [НАММ, 7: 49v]
маньчж. *geli baiji dartai baitalara jaka be, inu taka sembi.* (ДТ)
монг. *basa erijü türgen kereglekü yaγum-a-yi, tür kememüi.* (ДТ)
‘Еще, когда, найдя что-то, быстро этим попользуются, говорят «**на короткое время**»’.

Вторым типом несоответствий являются дополнительные толкования, содержащие объяснение переносного значения заглавного маньчжурского слова. Монгольское слово для перевода такого дополнительного значения иногда совпадает с переводом заглавного, и тогда в монгольском также можно говорить о переносном значении, но в случае выбора другого слова для перевода переносное значение присутствует только в маньчжурском. В любом случае значение слова на обоих языках всегда не подходит под тематику раздела. Особенно часто встречается перенос значения части тела человека на предметы, функционально близкие этой части тела, и их закономерно можно найти в разделе «Тело человека». Самые очевидные из них: ‘ножка стола, стула и т. п.’ (маньчж. *bethe* ‘нога, ножка’, монг. *köl* id.), которое совпадает со словом ‘нога’ [НАММ, 5: 66v]; слово ‘подошва обуви’ (маньчж. *fatan* ‘ступня’, монг. *ula* id.), совпадающее со словом ‘ступня’ [НАММ, 5: 69г]; слово ‘складки на материи’ совпадает со словом ‘морщины’ (маньчж. *šufan*, монг. *quniyasu*) [НАММ, 5: 47v]. Однако в том же разделе есть и менее очевидные примеры. Маньчжурское слово ‘пот’, которое переводится двумя разными монгольскими (в зависимости от места образования пота), имеет также неожиданное переносное значение (см. пример 6):

- (6) маньчж. *siberi* ‘пот’, монг. *kölüsü* ‘пот (на руках)’, *siberi* ‘пот (на ногах)’ (ЗС) [НАММ, 5: 83г]
маньчж. *galai falanggū bethei fatan ci tucire nei be, siberi sembi.* (ОТ)
‘Испарина, выступающая на ладонях рук и ступнях ног называется «**пот**»’.

монг. *γar-un alay-a-aça γarqu-yi inu, kölüsü kememüi. köl-ün ula-aça γarqu kölüsü-yi, siberi kememüi.* (ОТ)
‘[То, что] выступает на руках и ладонях, называют «**пот** (на руках)». Пот, который выступает на подошвах ног, называют «**пот** (на ногах)»’.

маньчж. *jai gala de kemuni jafašaha jaka, goidame takūraha niyalma be, gemu siberi sembi.* (ДТ)
‘Также вещь, которой постоянно пользуются, человек, который долго прислуживает, и то и другое называют «**пот**»’.¹¹

монг. *jiçi γar-tur basa kü barilaγsan yaγum-a, udayan γaruγsan kümün-i, čöm kölüsü kememüi.* (ДТ)
‘Также вещь, которой постоянно пользуются, человек, который долго прислуживает, и то, и другое называют «**пот** (на руках)»’.

В разделе «Гневаться и сердиться»¹² присутствует переносное значение для маньчжурского прилагательного ‘выдвинутый вперед’ (о положении губ или рта, когда человек сердится). Переносное значение описывает оттопыренное положение ушей человека или животного, и для него выбран другой монгольский перевод (см. пример 7).

- (7) маньчж. *cukcuhun* ‘выдвинутый вперед’ (о положении губ), монг. *čorbuyin* id. (ЗС) [НАММ, 8: 89г].
маньчж. *niyalma fucefu angga šokšohon fodoroko be, angga cukcuhun oho sembi.* (ОТ)
‘Когда человек сердится, он надувает губы, тогда говорят «губы стали **выдвинутыми**»’.

¹⁰ Маньчж. *tuwara šara hacin*, монг. *üjekü sirtekü jüil.*

¹¹ Найти подходящий русский перевод для данного значения затруднительно, поэтому здесь и в переводе монгольского слова ниже сохранен перевод заглавного слова.

¹² Маньчж. *jilidara ushara hacin*, монг. *kilinglekü ayurlaγu jüil.*

монг. *kütiin undууицају ama šoyšoyin dorbuyıysan-i, ama corbuyilyaba kememüi*. (ОТ)
 ‘Когда человек сердится, он надувает губы, тогда говорят «**выдвинул** губы»’.

маньчж. *geli niyalma, ulha gurgu-i šan Julesi oho be, inu cukcuhun sembi*. (ДТ)

монг. *basa kümün, mal, görügesün-ü čiki uruysi boluysan-i, serteng kememüi*. (ДТ)

‘Также, когда уши человека, домашнего или дикого животного выдаются вперед, это называется «**оттопыренные** (уши)»’.

К имеющим переносное значение можно также отнести маньчжурское прилагательное ‘голодный (год)’ (маньчж. *haji*, монг. *čiqay*) [НАММ, 8: 59v—60r] из раздела «Голод и неурожай»¹³. Переносное значение этого слова — ‘дорогой, любимый’ (маньчж. *haji*, монг. *amaray*), приведенное в дополнительном толковании, становится более понятным, если учесть еще одно значение этого маньчжурского слова — ‘редкий’, которое в словаре отсутствует. Переносное значение есть у слова ‘назад, навзничь’ (маньчж. *oncohon*, монг. *gedergen*) [НАММ, 9: 99r] из раздела «Ложиться и спать»¹⁴. В двух дополнительных толкованиях приведены два других значения, для перевода которых в монгольском выбраны слова, отличающиеся от заглавного слова (см. пример 8). Первое — словосочетание ‘смотреть, задрав голову’ (маньчж. *oncohon tuwambi*, монг. *gedeyin üjemüi*) демонстрирует возможность сочетания маньчжурского наречия не только с глаголом ‘лежать’, в то время как в монгольском для перевода выбрана деепричастная форма от глагола ‘изгибаться назад’ (монг. *gedeyikü*) в сочетании с глаголом ‘смотреть’. Второе дополнительное толкование объясняет переносное значение заглавного слова — ‘заносчивый’ (маньчж. *oncohon*, монг. *gedeyigsen*), в монгольском для его перевода употреблена причастная форма от того же глагола ‘изгибаться назад’, которая имеет переносное значение, эквивалентное русскому ‘задирать нос’.

(8) маньчж. *oncohon* ‘назад, навзничь, вверх лицом’, монг. *gedergen* id. (ЗС) [НАММ, 9: 99r].

маньчж. *dere wesihun dedehe be, oncohon sembi*. (ОТ)

монг. *niyur degegsi kebtegsen-i, gedergen kememüi*. (ОТ)

‘Про [человека], лежащего лицом вверх, говорят «[лежит] **навзничь**»’.

маньчж. *geli mahala maktame tuwara be, inu oncohon sembi*. (ДТ1)

‘Еще [про человека, который], подбросив шапку, смотрит [на нее], точно так же говорят «[смотрит] **лицом вверх**»’.

монг. *basa maly-a orkin üjeküi-yi, mön gedeyin üjemüi kememüi*. (ДТ1)

‘Еще [про человека, который], подбросив шапку, смотрят [на нее], точно так же говорят «**смотрит, задрав голову**»’.

маньчж. *geli yaya niyalma cokto ambaki be, inu oncohon sembi*. (ДТ2)

‘Еще когда какой-нибудь человек — горделивый и важничающий, точно так же говорят «**заносчивый**»’.

монг. *basa aliba kümün omurqay ikerkeg-i, mön gedeyigsen kememüi*. (ДТ2)

‘Еще когда какой-нибудь человек — горделивый и важничающий, точно так же говорят «**выгибающийся назад**»’.

Словосочетания, включенные в дополнительные толкования, также демонстрируют несоответствия значений со значениями заглавного слова и, как следствие, с тематикой всего раздела. Например, сочетание слов из раздела «Храбрость и смелость»¹⁵: для заглавного слова ‘сила’ (маньчж. *hūsun*, монг. *küčün*) [НАММ, 7: 23r] в дополнительном толковании объясняется значение сочетания этого слова со словом ‘зять’, что в целом конкретизирует позицию зятя по отношению к родителям жены: ‘зять, живущий у тестя (примак)’ (маньчж. *hūsun-i hojihon*, монг. *küčün-ü kürgen*), а буквально — ‘зять силы’. Этот термин свойства по структуре одинаков для обоих языков и в обоих языках не подходит под тематику раздела (см. пример 9):

(9) маньчж. *hūsun*, монг. *küčün* (ЗС) [НАММ, 7: 23r]

маньчж. *sube giranggi senggi sukdu ci banjnahangge be, hūsun sembi*. (ОТ)

монг. *sirbüsü yasun čisu aγar-ača бүтүгсен-i inü, küčün kememüi*. (ОТ)

‘То, что создается из сухожилий, костей, крови и дыхания, называют «**сила**»’.

¹³ Маньчж. *omin yuyun-i hacin*, монг. *ölin jud-un jüil*.

¹⁴ Маньчж. *dedure amgara hacin*, монг. *kebtekü untaqu jüil*.

¹⁵ Маньчж. *baturu kıyangkıyan-i hacin*, монг. *bayatur idetei-yin jüil*.

маньчж. *geli emu boode banjire hojihon be, hūsun-i hojihon sembi.* (ДТ)
 монг. *basa nige ger-tür aju törükü kürgen-i, küčün-ü kürgen kememüi.* (ДТ)
 ‘Еще, зять, живущего в одном доме [с родителями жены], называют «зять силы»’.

Маньчжурское словосочетание ‘забывчивый’ (маньчж. *onggoro mangga*¹⁶, монг. *martamtaɣai*) приведено в дополнительном толковании к слову, обозначающему молоточек — кость во внутреннем устройстве слухового аппарата¹⁷ (маньчж. *onggoro*, монг. *sonur*) [НАММ, 5: 69v—70r], из раздела «Тело человека». Неожиданное использование маньчжурского слова ‘надежный’ (маньчж. *fisin*, монг. *niyta*) [НАММ, 6: 76v], характеризующего характер человека, из раздела «Высокомерный и послушный»¹⁸, согласно одному из дополнительных толкований, в сочетании со словом ‘мясо’ (маньчж. *yali*) обозначает мясо без жира — маньчж. *fisin yali*. В монгольском переводе такое мясо названо ‘черное мясо’ (монг. *qar-a miq-a*). В приведенных примерах в маньчжурском словосочетании участвует заглавное слово. Обратная ситуация замечена в разделе «Внешность»¹⁹, в котором словосочетание ‘глаза тусклые’ (маньчж. *yasa dushun*, монг. *nidü büdegi*) [НАММ, 6: 10v—11r] является заглавным словом, описывающим глаза человека как часть его внешнего облика, в то же время в дополнительном толковании приводится одно слово из этого словосочетания — ‘тусклый’ (маньчж. *dushun*, монг. *büdegi*) с переносным значением: ‘так называют темного, глупого человека’, что никак не связано с внешностью.

В качестве примеров фразеологизмов можно привести дополнительные толкования из раздела «Тело человека», три из них связаны с двумя словами, обозначающими разные части груди: ‘верхняя часть груди’ (маньчж. *cejen*, монг. *čegeji*) и ‘нижняя часть груди’ (маньчж. *tunggen*, монг. *ebčigüi*) [НАММ, 5: 64v]. Однако значения, приведенные в дополнительных толкованиях, характеризуют поведение человека или черты его личности. Первое слово участвует в описании важничавшего, гордого человека, про которого говорят ‘ходит, выпятив грудь’ (маньчж. *cejen aname yabumbi*, монг. *čegeji-ben türjü yabumui*), второе — в описании ситуации, когда кто-то очень старается что-то сделать, и тогда его действия называют ‘подставлять грудь’ (маньчж. *tunggen de nikebumbi*, монг. *ebčigün-dür tüsigülümüi*). Кроме того, у этого слова есть второе дополнительное толкование, в котором приводится выражение для описания умного человека — ‘грудь тонкая’ (маньчж. *tunggen nekeliyen*, монг. *ebčigü ningen*). Еще один фразеологизм приведен в дополнительном толковании к слову ‘подъем (ноги)’ (маньчж. *umuhun*, монг. *ölmei*) [НАММ, 5: 68v]. В нем для описания состояния страха в маньчжурском использовано словосочетание ‘подъем (ноги) подкосился’ (маньчж. *umuhun tuhekebi*), а в монгольском вместо словосочетания — глагол, имеющий значение ‘шататься, подкашиваться (о ногах)’ (монг. *balidaɣu*).

Встречаются слова, при которых приводятся несколько дополнительных толкований, относящихся к разным типам несоответствий. Так, у слова ‘подмышка’ из раздела «Тело человека» два дополнительных толкования. В первом объясняется значение омонима маньчжурского слова ‘подмышка’ — формы прошедшего времени (маньчж. *oho*) от глагола *ombi* ‘становиться’, в монгольском переводе, соответственно, тоже употреблена форма прошедшего времени от монгольского глагола *bolqu* ‘становиться’ — *bolba*. Во втором дается описание гвоздильни²⁰ — это переносное значение маньчжурского заглавного слова (см. пример 10).

(10) маньчж. *oho* ‘подмышка’, монг. *сууу* id. (ЗС) [НАММ, 5: 65v]
 маньчж. *meiren-i fejergi ebc-i dergi kobi ba be, oho sembi.* (ОТ)
 монг. *mörün-ü door-a-du qabisun-u degedü yobil-i-yi (sic!), inu сууу kememüi.* (ОТ)
 ‘Углубление ниже плеча, выше ребер называют «подмышка»’.

маньчж. *jai wajiha šanggaha ba be, uttu oho, tuttu oho sembi.* (ДТ1)
 монг. *jiči baraγsan tegüsügen yaγum-a-yi eyimü bolba, teyimü bolba kememüi.* (ДТ1)
 ‘Также про то, что уже произошло, говорят: «так стало, этак стало»’.

маньчж. *geli jinggeri be muheliyen obure sanggatangga sele be, ini oho sembi.* (ДТ2)
 монг. *basa malaγayitu qadaγasun-i dügürig bolγaqu nükedügen temür-i, quluγu kememüi.* (ДТ2)
 ‘А еще железное [приспособление] с отверстиями, чтобы гвозди со шляпками делать круглыми, называют «ГВОЗДИЛЬНЯ»’.

¹⁶ Букв. ‘молоточек крепкий’.

¹⁷ В словаре И. И. Захарова приведено следующее объяснение связи этой косточки с памятью: словом *onggoro* называется «маленькая косточка внутри черепа животных у отверстий ушей. Эту косточку дают детям носить на поясе или вешают на колыбель как талисман памяти» [Захаров 1875: 123].

¹⁸ Маньчж. *učen nomhon-i hacin*, монг. *kündü nomuqan-u jüil*.

¹⁹ Маньчж. *banin giru-i hacin*, монг. *obur düri-yin jüil*.

²⁰ Гвоздильня — наковальня с отверстиями для ручнойковки шляпок у гвоздей.

У слова ‘корень’ (маньчж. *da*, монг. *uy*) [НАММ, 2: 40v] из раздела «Судебные дела и тяжбы»²¹ — три дополнительных толкования (см. пример 11). Первое — более широкое значение заглавного слова, второе — омоним со значением ‘сажень’ (для его монгольского перевода было выбрано подходящее слово с тем же значением), а третье — еще один омоним, так называемое счетное слово²². Следует признать, что монгольский перевод толкования счетного слова оказался недостаточно понятным, и позже это нашло отражение в более позднем пятиязычном словаре. Этот, можно сказать, уникальный случай требует более подробного объяснения. Согласно грамматике И. И. Захарова, маньчжурские счетные слова (по его терминологии — числительные слова) являются переводами аналогичных китайских и занимают ту же позицию: после числительного и перед словом, обозначающим предметы для подсчета. Он приводит таблицу²³, в которой перечислены маньчжурские счетные слова, их значение и перечень объектов, при которых они употребляются [Захаров 1879: 90—97]. Про слово *da* он пишет следующее: «*da* ‘корень растений, головка’ — употребляется при счислении деревьев и растений, как имеющих корень; вещей, имеющих головку или длинных, но связанных в пучок, как-то: стрел, писчих кистей, курительных свечек, флейт, трубочек, равно и рыб» [Захаров 1879: 94], та же информация приведена в его словаре [Захаров 1875: 770]. Дополнительное толкование для этого значения маньчжурского слова *da* было неудачно переведено на монгольский язык (возможно, из-за отсутствия в нем счетных слов): из перевода четко следует, что маньчж. *da*²⁴ — это ‘стрела’ (монг. *sumu*) (см. табл. 2). В результате в пятиязычном словаре, составленном почти на сто лет позже, в разделе, связанном с оружием, для маньчжурского слова *da* указано его основное значение — ‘корень, происхождение, источник’ (монг. *egüsger*), а затем добавлено: ‘еще [этим словом] называют стрелу’ (монг. *basa sumu kememüi*), что повторяет неточность из словаря НАММ. Там же имеется китайский эквивалент для маньчж. *da* — кит. *yī zhī* ‘счетное слово для «стрелы»’ [Corff et al. 2013: 253, No 1065:3]. Так у маньчж. *da* появилось несуществующее значение ‘стрела’ (во всяком случае, в рассматриваемых словарях).

(11) маньчж. *da* ‘корень’, монг. *uy* id. (3С) [НАММ, 2: 40v]

маньчж. *baitai deribun be, da sembi.* (ОТ)

монг. *kereg-ün egüsgel-i, uy kememüi.* (ОТ)

‘Про происхождение (судебного) дела говорят «**корень**»’.

маньчж. *geli yaya fulehe sekiyen be, inu da sembi.* (ДТ1)

монг. *basa aliba ündüsü eki-yi, mön uy kememüi.* (ДТ1)

‘Еще любую причину и начало называют так же «**корень**»’.

маньчж. *geli juwe gala saniyaḟi emgeri kemnehengge be, emu da sembi.* (ДТ2)

монг. *basa qoyar yar sungyaḟu nigente kemnegsen-i inü, nige alda kememüi.* (ДТ2)

‘Еще, если вытянуть две руки и одновременно измерить, то [результат] называют «**сажень**»’.

маньчж. *geli sirdan niru-i jergi jaka-i emke be, emu da, juwe be, juwe da seme gisurembi.* (ДТ3)

‘Еще, когда [считают] копья, стрелы и подобные вещи, говорят про одну [из них] «одна **штука**»²⁵, про две [из них] — две **штуки**»’.

монг. *basa ḟebe sumun-u ḟerge-yin yaḟuman-u nigen-i, nige sumu, qoyar-i qoyar sumu kemen kelelčemüi.* (ДТ3)

‘Еще, когда [считают] копья, стрелы и подобные вещи, говорят про одну [из них] — одна **стрела**, про две [из них] — две **стрелы**’.

Для наглядности приведем третье дополнительное толкование в глоссированном виде (см. табл. 2).

В маньчжуро-монгольском тематическом словаре расположение слов следует иерархически хорошо выдержанному тематическому принципу: слова самой близкой тематики расположены в самой мелкой единице деления словаря — подразделах, последние объединяются в разделы, имеющие названия, кото-

²¹ Маньчж. *baita sita-i hacin*, монг. *kereg jaray-un jüil*.

²² Счетные слова (или классификаторы) — служебные слова, которые используются в некоторых языках, например в китайском, при указании на количество предметов. Их ставят после числительного перед существительным, от семантики которого зависит выбор счетного слова.

²³ Эта же таблица воспроизведена в грамматике Л. М. Гореловой [Gorelova 2002: 206—209], но слово *da* в ней, видимо по ошибке, пропущено. Л. М. Горелова использует термин Numerality. Сейчас чаще пользуются термином «классификаторы».

²⁴ Стандартное маньчжурское слово ‘стрела’ — *niru*.

²⁵ Перевод счетного слова русским словом «штука» следует традиции китаистики.

Таблица 2. Перевод маньчж. *da* на монгольский

маньчж.	<i>geli</i>	<i>sirdan</i>	<i>niru</i>	<i>i</i>	<i>jergi</i>		<i>jaka</i>	<i>i</i>		
	еще	копье	стрела	GEN	подобный		вещь	GEN		
монг.	<i>basa</i>	<i>jebe</i>	<i>sumun</i>	<i>u</i>	<i>jerge</i>		<i>yin</i>	<i>yaγutan</i>	<i>u</i>	
	еще	копье	стрела	GEN	подобный	GEN	вещь	GEN		
маньчж.	<i>emke</i>	<i>be</i>	<i>emu</i>	<i>da</i>	<i>juwe</i>	<i>be</i>	<i>juwa</i>	<i>da</i>	<i>sete</i>	<i>gisurembi</i>
	один	ACC	один	CLF	два	ACC	два	CLF	говоря	говорят
монг.	<i>nigen</i>	<i>i</i>	<i>nige</i>	<i>sumu</i>	<i>qoyar</i>	<i>i</i>	<i>qoyar</i>	<i>sumu</i>	<i>kemen</i>	<i>kelelčemüi</i>
	один	ACC	один	стрела	два	ACC	два	стрела	говоря	говорят

рые сводятся в главы. В словаре есть оглавление (перечень названий глав и разделов на двух языках), что дает возможность найти слово по его значению. Тем не менее в монгольской части этого словаря имеются отдельные случаи нарушения тематического принципа. Эти нарушения по приблизительным подсчетам охватывают не более 2% от всего словарного корпуса и связаны с тем, что авторы в некоторых случаях помещали в словарную статью слова, связанные в маньчжурском языке с заглавным словом отношениями омонимии или переносных значений, а также словосочетания, включающие эти слова. Эта информация уместна в алфавитном словаре, но в тематическом, из-за того что значения таких дополнений не соответствуют тематике раздела, их найти затруднительно. И если в маньчжурской части хотя бы сохраняется связь с заглавным словом, то в монгольской части перевод добавленных слов (или словосочетаний), как правило, отличается от перевода заглавного слова, и в результате теряется связь и с ним, и с тематикой раздела. Надо отметить, что в последующих словарях этой «серии» все слова из дополнительных толкований были переведены в разряд заглавных слов и распределены по соответствующим разделам, что способствовало их большей тематической упорядоченности. Таким образом были ликвидированы отдельные нарушения в расположении слов из словаря НАММ. Однако это не отменило значимость маньчжуро-монгольского словаря 1717 г. для монгольской лексикографии, поскольку его монгольская часть вплоть до начала XX в. оставалась единственным толковым словарем монгольского языка. Авторы современных толковых словарей также использовали и продолжают использовать этот источник.

Сокращения

кит. — китайский язык	ЗС — заглавное слово
маньчж. — маньчжурский язык	ДТ — дополнительное толкование
монг. — монгольский язык (старописьменная форма)	ОТ — основное толкование

Глоссы

ACC — аккузатив	PART — причастная форма
CLF — классификатор (счетное слово)	PR — финитная форма настоящего времени
GEN — генитив	

Источники

НАММ — *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe* «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717). Ксилограф из Отдела редких рукописей и документов ИВР РАН (Монгольский фонд. Шифр F 319). {Mirror of Manchu-Mongol literature, published at the behest of the emperor (1717). Blockprint from the Department of Rare Manuscripts and Documents of the IOM RAS (Mongolian Fund. Code F 319).}

Литература

Захаров 1875 — Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. {Zakharov I. I. Complete Manchu-Russian dictionary. St. Petersburg, 1875.}

Захаров 1879 — Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879. {Zakharov I. I. Grammar of the Manchu language. St. Petersburg, 1879.}

Ковалевский 1844—1849 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1—3. Казань, 1844—1849. {*Kovalevsky O. M.* Mongolian-Russian-French dictionary. Vol. 1—3. Kazan, 1844—1849.}

Лувсандэндэв 1962 — *Лувсандэндэв А.* Гучин зургаат тайлбар толь {*Luvсандэндэв А.* Explanatory dictionary in 36 volumes} // *Studia Mongolica*. 1962. Т. 2. Fasc. 1—16. X. 165—182.

Мунхцэцэг, Яхонтова 2018 — *Мунхцэцэг Э., Яхонтова Н. С.* Основные направления редактирования словника маньчжурских словарей (1717—1771) // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XIII международной конференции / Отв. ред. *Е. Н. Колпачкова*. СПб., 2018. С. 311—318. {*Munkhtsetseg E., Yakhontova N. S.* The main directions of editing the vocabulary of Manchu dictionaries (1717—1771) // Languages of the Far East, Southeast Asia and West Africa. Materials of the XIII international conference. / Ed. *E. N. Kolpachkova*. St. Petersburg, 2018. P. 311—318.}

Цэвэл 1966 — *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. {*Tsevel Ya.* Concise explanatory dictionary of the Mongolian language. Ulaanbaatar, 1966.}

Шагдарсүрэн 2008 — *Шагдарсүрэн Ц.* Монгол толь бичгийн судлал // Толь бичиг судлалын асуудалд / Хян. *С. Мөнхсайхан*. Улаанбаатар, 2008. X. 19—68. {*Shagdarsuren Ts.* Mongolian lexicography // Topics in the study of lexicography / Ed. *S. Munkhsaikhan*. Ulaanbaatar, 2008. P. 19—68.}

Gorelova 2002 — *Gorelova L. M.* Manchu Grammar. Leiden, Boston, Köln, 2002. (Handbook of Oriental Studies. Vol. 7.)

Corff 2017 — *Corff O.* Two Centuries of Manju-Mongolian Multilingual Lexicography: a Comparison of the Lexicon of Three Multilingual Dictionaries // Монгол судлал ба тогтвортой хөгжил. Олон Улсын Монголч эрдэмтний XI их хурлын “Монгол хэл бичиг судлал” I салбар хуралдааны илтгэлүүд. {Mongolian Studies and Sustainable Development. Papers of the 1st branch meeting of the 11th International Congress of Mongol Scholars “Mongolian Linguistics”} / Хян. *С. Чулуун*. Улаанбаатар, 2017. P. 357—363.

Corff et. all. 2013 — *Corff O., Maazono K., Mirsultan A.* Auf kaiserlichen Befehl erstelltes Wörterbuch des Manjurischen in fünf Sprachen — “Fünfsprachenspiegel”. Т. 1. Wiesbaden, 2013.

Norman 1978 — *Norman J.* A Concise Manchu-English Lexicon. Seattle and London, 1978. (Publications on Asia of the School of International Studies. No 32.)

Qorin nigetü 1979 — *Qorin nigetü tayilburi toli.* {Explanatory dictionary in 21 volumes.} Köke-Qota, 1979.

**Новая жизнь уникальной рукописи
(О. А. Сергеев. Василий Крекнин, Иоанн Платунов
«Краткой черемиской словарь с российским переводом»:
лингвистический анализ (с приложением словаря).
Йошкар-Ола, 2020. 348 с.)**

Ившин Леонид Михайлович, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН; ivleo.75@mail.ru

Настоящая публикация представляет собой обзор новой книги О. А. Сергеева, в которой представлен историко-лингвистический и палеографический анализ рукописного марийско-русского словаря второй половины XVIII в. В. Крекнина и И. Платунова. Это второе научно-справочное издание автора, относящееся к серии «Из истории отечественной лексикографии», знакомит читателя с историей создания, диалектными и лексическими особенностями уникального лексикографического труда более чем двухвековой давности. В качестве приложения в монографии приведен «Краткий черемисский словарь с российским переводом» с привлечением современных марийских языковых данных. Таким образом, материалы по марийскому языку конца XVIII столетия станут доступны для широкого круга читателей. Издание рукописных памятников становится актуальным из-за возросшего в конце XX — начале XXI столетия интереса исследователей к изучению истории языка, проблем возникновения и развития письменности, литературного языка. Разработка этих задач, как известно, требует широкого вовлечения в научный оборот рукописных и опубликованных памятников, которые для многих языков, в том числе марийского, являются одними из важнейших источников, воссоздающих более или менее полную картину развития языка (графики, орфографии, пунктуации, лексики) на определенном историческом этапе. Книга О. А. Сергеева является ценным исследованием, представляющим огромный интерес, в первую очередь, для студентов-филологов и аспирантов как учебное пособие при изучении курса истории марийского литературного языка и / или языкознания. Она может быть использована исследователями-теоретиками в области финно-угорского языковедения, а также всеми интересующимися материальной и духовной культурой марийского народа.

Ключевые слова: марийский старописьменный язык, лексикографический памятник, рукописный словарь, диалекты, лексика

**A NEW LIFE OF THE UNIQUE MANUSCRIPT
(O. A. SERGEEV, VASILIIY KREKNIN, IOANN PLATUNOV “KRATKOY CHEREMISKOY SLOVAR’
S ROSSIYSKIM PEREVODOM”): LINGVISTICHESKIY ANALIZ (S PRILOZHENIEM SLOVARYA)
[VASILIIY KREKNIN, IOANN PLATUNOV “A BRIEF CHEREMIS DICTIONARY
WITH RUSSIAN TRANSLATION”]: A LINGUISTIC ANALYSIS (SUPPLIED WITH A DICTIONARY)]
YOSHKAR-OLA, 2020. 348 PAGES)**

Leonid M. Ivshin, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ivleo.75@mail.ru

This publication is a review of a new book by O. A. Sergeev, which presents a historical, linguistic and paleographic analysis of the handwritten Mari-Russian dictionary of the second half of the 18th century by V. Kreknin and I. Platunov. This is the second scientific reference edition of the author related to the series “From the history of Russian lexicography”. It introduces the reader to the history of the creation, dialect and lexical features of a unique bicentenary lexicographic work. As an appendix, the monograph contains a “Brief Cheremis Dictionary with a Russian translation” with the use of modern Mari language data. Thus, materials on the Mari language of the end of the 18th century will become available to a wide range of readers. The publication of handwritten works becomes relevant due to the increased interest of researchers in the study of the history of the language, the problems of the emergence and development of writing, and the literary language in the late 20th and early 21st centuries. The development of these tasks requires a broad involvement of handwritten and published works in the scientific circulation, which for many languages, including Mari, are one of the most important sources that recreate a more or less complete picture of the language development (graphics, spelling, punctuation, vocabulary) at a certain stage. The book by O. A. Sergeev is a valuable research that is of great interest, first of all, for students of philology and graduate students as a textbook for studying the course of the history of the Mari literary language and / or linguistics. It can be used by researchers-theorists in the field of Finno-Ugric linguistics, as well as by all those interested in the material and spiritual culture of the Mari people.

Keywords: the old Mari written language, lexicographic manuscript, handwritten dictionary, dialects, vocabulary

Актуальность возросшего в конце XX — начале XXI столетия интереса исследователей к изучению истории языка, проблем возникновения и развития письменности, литературного языка весьма очевидна. Разработка этих задач, как известно, требует широкого вовлечения в научный оборот рукописных и опубликованных памятников, которые для многих языков, в том числе для марийского, являются одними из важнейших источников, воссоздающих более или менее полную картину развития языка (графики, орфографии, пунктуации, лексики) на определенном этапе его истории.

Монография О. А. Сергеева, являющаяся продолжением серии «Из истории отечественной лексикографии» (см. [Сергеев 2003]), представляет собой подробное и целостное описание и анализ памятника ранней письменности — поистине первого словаря марийского языка филологического типа под названием «Краткой Черемиской словарь с российскимъ переводомъ собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоіереємъ Васи́ліємъ Крекнинымъ и Спаской церкви Діакономъ Жоаномъ Платуновымъ 1785 года».

Структурно работа состоит из введения и двух разделов: историко-лингвистического и палеографического анализа вышеназванного письменного памятника и самого лексикографического труда, представленного в монографии в виде компьютерного набора с немаловажным для будущих исследователей реестром русских слов и словосочетаний, встречающихся в описываемом рукописном словаре XVIII столетия.

Во введении (с. 3—5) автор кратко информирует читателя об особенностях работы над письменным памятником марийского языка при подготовке его к изданию. О. А. Сергеевым отмечено, что лексические единицы приводятся в оригинальном виде с сохранением пунктуации рукописного памятника. Указывается также, что неверно отмеченные грамматические сведения — например, обозначения частей речи, спряжение глагола, — исправлены автором монографии и приведены в надлежащий вид.

Первый раздел разбит на разные по объему главы (части), которые с различных сторон характеризуют рукописный марийско-русский словарь: показана история создания памятника, определена диалектная основа марийских слов, проведен анализ лексики, относящейся к материальной и духовной культуре марийского народа. Большой интерес представляют параграфы, посвященные редким и забытым словам марийского языка, а также русским лексическим заимствованиям «Краткого черемисского словаря с российским переводом».

В первой главе (с. 6—10) дается палеографическое описание словаря (почерк, бумага, переплет и др.). Автор приводит информацию об объеме, месте хранения словаря. Здесь же для наглядности представлены копии различных страниц рукописи лексикографического источника по марийскому языку.

Вторая глава (с. 11—13) рассказывает о предпосылках и причинах появления «Краткого черемисского словаря с российским переводом», которые, в конечном счете, сводятся к идее составления величайшего труда XVIII века П. С. Палласа под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий...», а также стремлению к просвещению марийцев священнослужителями с целью скорейшего приобщения их христианской вере. Надо отметить, что составление большинства письменных памятников подобного рода и периода в Волго-Вятском регионе было вызвано, в первую очередь, политикой культурного развития России: намерением изучать окраинные территории страны, населяющие эти места народы, их быт и языки. Другим фактором написания подобных лексикографических работ является также интерес к составлению словарей отдельными грамотными людьми того времени (подробнее об этом: [Ившин 2010: 6—10]).

В третьей главе (с. 14—16) представлены некоторые сведения об авторах анализируемого рукописного памятника. По приведенным данным читателю становится ясно, что ни один из составителей (ни Иоанн Платунов, ни Василий Крекнин) не были марийцами, о чем свидетельствует, как пишет автор монографии, наличие отдельных ошибок и неточностей в оформлении марийских лексем, а также приведение неточных переводов в словарных статьях.

В главе «О диалектной принадлежности рукописного памятника» (с. 17—18) автором отмечено, что в словаре преобладают языковые материалы лугового, северо-западного и восточного наречий марийского языка (использование переднеязычного *и* вместо заднерядного *у* в литературном языке, замена заднерядного редуцированного *ы* на переднерядный неогубленный *и* и др.), а богатство горномарийского диалектного ареала представлено весьма ограниченно. Мне — не носителю марийского языка — сложно ориентироваться в этой информации. Думается, специалисты в соответствующей области найдут в этой главе много интересных фактов.

В пятой главе (с. 19—24) О. А. Сергеевым представлены особенности построения словарных статей в рукописи В. Крекнина и И. Платунова. Он указывает, что уже в то далекое время лексикографами-практиками в той или иной степени было дано начало для правильного оформления словарных статей,

представляющих собой омонимы или синонимы, более или менее учитывалась полисемия марийских слов. В рукописных лексикографических памятниках непоследовательно приводились разного рода пометы при словах, в основном грамматического и терминологического характера. Автор также отметил, что некоторые словарные статьи чрезмерно перегружены словосочетаниями, из чего следует, что составители рукописи «стремились к решению проблемы количественной полноты охвата словарного состава» (с. 20—21) марийского языка.

Самая объемная шестая глава (с. 25—98) посвящена всесторонней лингвистической характеристике марийской части «Краткого черемисского словаря с российским переводом». О. А. Сергеевым верно отмечен тот факт, что основной базой для составителей словаря послужила первая марийская грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» (с. 25). Данное утверждение, как нам кажется, можно было бы усилить следующим дополнением: система письма (графика и орфография) первой печатной грамматики марийского языка окончательно закрепила применение кириллической графической и русской орфографической системы при составлении последующих памятников на марийском языке. Это утверждение в равной степени является справедливым и значимым для первых подобных грамматик удмуртского (1775 г.) и чувашского (1769 г.) языков, также изданных в Санкт-Петербурге.

Сравнивая материалы письменного памятника с лексическими единицами литературного языка, исследователь замечает фонетические изменения, характерные в настоящее время для различных марийских диалектов. Например, в области консонантизма О. А. Сергеевым верно подмечены отличительные явления йошкар-олинского говора, такие как: 1) появление в середине слова вставочного согласного *л* (*шалатыше* ‘расточительный’) (с. 25), 2) употребление палатального *т'* в середине слова на месте согласного *ч* других говоров марийского языка (*кютюкъ* ‘короткий’) (с. 28), 3) дистрибуция переднеязычной апикальной глухой аффрикаты *ц* (в памятнике она передается в основном буквой *ц*, иногда — диграфами *дз* и *дц*: *вицкижъ* ‘тонкий, тонко’, *шиндзя* ‘зеница, глаз’, *шоргендце* ‘гнида’) (с. 32) и др.

Автор уделил особое внимание обозначению несвойственных русскому языку гласных фонем — *ö* и *ü*, а также консонанта *н* (с. 33—36), которые являются специфичными для лугового наречия марийского языка. Первая передается двояко: 1) русскими буквами, которые обозначают звуки, близкие по звучанию марийскому звуку *ö*, — *о*, *е*, *э*, *ю* (в преобладающем количестве слов); 2) буквосочетаниями *io* и *jo* (с каморой над обеими буквами или без таковой). Лабиальный *ü*, также не характерный для русской графики, в большинстве случаев передается буквой *ю*, в меньшем количестве примеров — графемами *у* и *и*, а также диграфом *ую*. По материалам письменного памятника, как отмечает О. А. Сергеев, заднеязычный носовой согласный *н* в одном и том же слове (или в однокорневых словах) передается буквой *н* и буквосочетанием *нг*, причем между лексемами стоит союз *или*: *тингаламъ* или *тиналамъ* ‘починаю, начинаю, зачинаю’ (с. 36).

Отдельный параграф главы посвящен надстрочным знакам (акут, графис, псила), постановка которых, по мнению автора монографии, не всегда носит последовательный характер.

Говоря о лексическом составе письменного памятника «Краткий черемисский словарь с российским переводом» (с. 39—61), исследователь отмечает его неоднородность. В словаре, пишет О. А. Сергеев, содержатся главным образом наиболее существенные слова из основного словарного фонда, которые были употребительны в указанный период. Они являются своеобразным введением в материальную, духовную культуру марийского народа, первичным источником для изучения языкового прошлого, подчеркивают особенности общественной жизни, хозяйства и быта марийского населения XVIII в. Это, конечно же, относится не только к данной рукописной работе, но и к иным подобным лексикографическим трудам того времени, написанным на других языках. В письменных памятниках отражены исконные и заимствованные названия явлений природы, предметов, орудий, передающихся из поколения в поколение, действий, способов и разных приемов, относящихся к основным видам хозяйства и развивающихся в ходе исторического процесса (подробнее об этом: [Ившин, Безенова 2020: 29]). Автор монографии не обошел вниманием и тот факт, что для более полного раскрытия значения лексем, связанных с экономическим укладом, образом жизни, бытом, социальными отношениями, мировоззрением марийского народа, характерных только для него, составители / переводчики при переводе на русский язык часто прибегали к толкованию, а иногда даже к объяснению с довольно развернутыми комментариями. Иногда составители пытались заниматься словотворчеством посредством морфологических, морфолого-синтаксических и синтаксических способов словообразования за счет собственных возможностей марийского языка.

Всё лексическое богатство из корпуса рукописного словаря В. Крекнина и И. Платунова распределено О. А. Сергеевым по лексико-тематическим группам, включающим общественно-политическую и цер-

ковно-православную терминологию, лексику материальной и духовной культуры. Отдельно рассмотрены заимствования из русского языка — 177 русизмов, систематизированных по более чем 20 предметным областям, — показана фонетическая адаптация заимствованных слов. Исследователем верно отмечено, что заимствованные слова являются «ценнейшим свидетельством языковых контактов и имеют большое значение не только для языкознания, но и для истории народа» (с. 61).

Отдельный параграф посвящен устаревшей и редко используемой, а иногда и совсем незнакомой современному марийскому языку группе слов (с. 61—73), которые являются ценнейшим материалом не только для диалектологии и диалектографии, но и для современной лексикографии. Устаревшие, местные (диалектные), простонародные (разговорные) лексемы, введенные писателями в художественные произведения в первую очередь для воссоздания колорита отдаленных времен, должны стать достоянием всего марийского народа. Мы вполне согласны с мнением автора о том, что исследование забытой лексики и ее актуализация должны быть неотъемлемой задачей современных лексикографов, которым выпала миссия сохранения этих слов для будущих поколений. По справедливому замечанию И. И. Срезневского, «для составителя словаря все одинаково должно быть важным: слова устаревшие, местные, простонародные, иностранные, введенные каким бы то ни было писателем, хотя бы и не принятые, и тем важнее, чем менее могли быть понятны» [Срезневский 1986: 57].

Лингвистический анализ «Краткого черемисского словаря с российским переводом» включает также обширный раздел о грамматических сведениях (с. 74—98), которые довольно последовательно используются составителями рукописи при описании марийских лексем. Из исследования становится ясным, что при словах обычно указана принадлежность к той или иной части речи — наречие, союз, предлог, междометие, неопределенная форма глагола и т. д.

В конце аналитической части монографии приводятся условные сокращения, а также библиографический список трудов, использованных или упоминаемых при написании книги.

Большой заслугой автора является включение в книгу самого памятника ранней марийской письменности — более 2/3 объема рецензируемого исследования составляет «Краткий черемисский словарь с российским переводом» с реестром русских слов и словосочетаний, встречающихся в нем (с. 110—346). Лексикографический труд напечатан с определенными дополнениями — в некоторых словарных статьях через косую черту представлены слова в современном написании, приводятся их литературные варианты. По замыслу О. А. Сергеева, эти издательские вкрапления должны существенно упростить работу современных исследователей с письменным памятником.

Это всё, возможно, так. Однако в начале монографии имеется указание автора на то, что с целью сохранения языковых особенностей марийского и русского языка двухвековой давности лексические единицы приводятся в оригинальном, то есть неизменном (курсив наш. — Л. И.), виде (с. 3). Однако здесь же делается сноска, которая информирует читателя о том, что графема **ъ** в конце русских слов после согласных букв опускается.

Также не прослеживается в русских словах буква **і** («и десятиричное»), которая писалась до 1917 года на месте современного **и**, если сразу после него шла другая гласная буква. Причем об этом на страницах монографии не написано ни слова.

Неверно отмеченные грамматические сведения, например указывающие на часть речи или спряжение глагола, автором монографии исправлены согласно современной морфологии марийского языка. Поэтому считать издание рукописного памятника ранней марийской письменности «оригинальным», как нам кажется, не совсем верно. Мы полностью на стороне мнения исследователей о том, что «благородная миссия издателей (редакторов) рукописного наследия классиков заключается в том, чтобы представить читателю возможность непосредственно общаться с издаваемым автором, а при необходимости помочь этому общению посредством редакторских предисловий, послесловий, комментариев и т. д. к изданию» [Кельмаков 2008: 255]. Таким образом, любые рукописи при издании должны быть воспроизведены точно, до мельчайших подробностей, со всеми грамматическими и стилистическими погрешностями с точки зрения современных норм правописания — как памятники истории.

Несмотря на отмеченные недостатки — а рецензии служат для их выявления и устранения, — перед нами ценное исследование, являющееся заметным вкладом в марийское языкознание и представляющее огромный интерес, в первую очередь, для студентов-филологов и аспирантов как учебное пособие при изучении курса истории марийского литературного языка и / или языкознания. Оно может быть использовано исследователями-теоретиками в области финно-угорского языковедения, а также всеми интересующимися материальной и духовной культурой марийского народа. Нет сомнения в том, что монография О. А. Сергеева «Василий Крекнин, Иоанн Платунов “Краткий черемисский словарь с российским переводом”»: лингвистический анализ (с приложением словаря)» открывает новую страницу в изучении ранних письменных памятников марийского языка.

Л и т е р а т у р а

Ившин 2010 — *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Екатеринбург — Ижевск, 2010. {*Ivshin L. M.* Formation and development of Udmurt graphics and orthography in the 18th — first half of the 19th century. Ekaterinburg — Izhevsk, 2010.}

Ившин, Безенова 2020 — *Ившин Л. М., Безенова М. П.* Характеристика лексического состава памятников удмуртской письменности XVIII века // *Znanstvena misel journal*. 2020, 45. Vol. 2. С. 28—33. {*Ivshin L. M., Bezenova M. P.* Characteristics of the vocabulary of the Udmurt written monuments of the 18th century // *Znanstvena misel journal*. 2020, 45. Vol. 2. P. 28—33.}

Кельмаков 2008 — *Кельмаков В. К.* О томе с «искалеченными» литературными сочинениями Г. Е. Верещагина, или ностальгия по настоящей текстологии в удмуртской филологии // *Очерки истории удмуртского литературного языка: Уч. пособие.* Ижевск, 2008. С. 232—255. {*Kelmakov V. K.* About the volume with the “crippled” literary works of G. E. Vereshchagin, or nostalgia for real textual studies in Udmurt philology // *Essays on the history of the Udmurt literary language: Training manual.* Izhevsk, 2008. P. 232—255.}

Сергеев 2003 — *Сергеев О. А.* Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с русским переводом. Йошкар-Ола, 2003. {*Sergeev O. A.* From the history of Russian lexicography. Dictionary of the Cheremis language with Russian translation. Yoshkar-Ola, 2003.}

Срезневский 1986 — *Срезневский И. И.* Русское слово. Избранные труды. М., 1986. {*Sreznevsky I. I.* Russian word. Selected Works. Moscow, 1986.}

**Первый черемисский словарь — архаический текст
или конкорданс слов из нескольких марийских диалектов?
(О. А. Сергеев. Василий Крекнин, Иоанн Платунов
«Краткой черемисской словарь с российским переводом»:
лингвистический анализ (с приложением словаря).
Йошкар-Ола, 2020. 348 с.)**

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН;
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

В рецензии исследуются отличия от литературного марийского языка, наблюдаемые в «Кратком черемисском словаре с российским переводом», с целью ответить на вопрос: был ли этот памятник составлен на пижанском говоре яранского диалекта северо-западного наречия марийского языка, на котором говорили в то время в Кукарской слободе, где был создан словарь, или, как утверждает О. А. Сергеев, «в «Кратком черемисском словаре с российским переводом» встречаются слова всех основных диалектов современного марийского языка» [Сергеев 2020: 17]? Для ответа на этот вопрос был проведен полный графико-фонетический анализ словаря. Были выявлены три инновационные черты, свойственные яранском диалекту: ПМар. **č* > *ц*, ПМар. **-j* > *0*, ПМар. **ńč*, **ńž*, **ńž* > *нз*, и пять черт, которые характерны и для других первых книг: сохранение ПМар. **i*, отражение ПМар. **ö* как *o*, ПМар. *w* как *б*, наличие сингармонизма. Единственной чертой, не отмеченной ни в книгах XIX в., ни в современных диалектах, является ПМар. **ö* > *e/э*, которая может свидетельствовать о более позднем происхождении мар. *ö* < ФУ **e*, чем считалось ранее. Таким образом, в рецензии показано, что словарь мог быть написан на пижанском говоре яранского диалекта, который в XVIII в. значительно отличался от современного состояния, в нем сохранились многие архаичные черты, свойственные и другим первым книгам. Анализ словаря позволяет уточнить историю яранского диалекта и время некоторых звуковых переходов.

Ключевые слова: марийские диалекты, хронология языковых изменений, первые книги, графика, фонетика

**THE FIRST MARI DICTIONARY — AN ARCHAIC TEXT
OR CONCORDANCE OF THE WORDS FROM DIFFERENT MARI DIALECTS?
(O. A. SERGEEV, VASILIIY KREKNIN, IOANN PLATUNOV
“A SHORT MARI DICTIONARY WITH RUSSIAN TRANSLATION”: A LINGUISTIC ANALYSIS
(SUPPLIED WITH A DICTIONARY). YOSHKAR-OLA, 2020. 348 PAGES)**

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS;
Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

This review analyzes the ways in which the Concise Cheremis-Russian Dictionary differs from the literary Mari language in order to answer the following question: was the dictionary compiled in the Pizhan subdialect of the Yaransk dialect of Northwestern Mari, which was spoken at that time in the Kukarskaya Sloboda, where the dictionary was created, or, as O. A. Sergeev claims, “words belonging to all the main dialects of the modern Mari language can be found in the Concise Cheremis-Russian Dictionary” [Сергеев 2020: 17]?

To answer this question, a comprehensive graphic-phonetic analysis of the dictionary has been carried out. Three innovative features inherent in the Yaransk dialect have been identified (PMari **č* > *ц*, PMari **-j* > *0*, PMari **ńč*, **ńž*, **ńž* > *нз*) together with five more features that are characteristic of other first books: the preservation of the PMari **i*, the reflection of PMari **ö* as *o* and PMari **w* as *b*, and the retention of vowel harmony. The only feature that occurs neither in the nineteenth-century books, nor in the modern dialects is the PMari **ö* > *e/э*, which may indicate a later origin of Mari *ö* < Finno-Ugric **e* than previously thought. Thus, the review shows that the dictionary could have been written in the Pizhan subdialect of the Yaransk dialect, which differed significantly from its modern state in the 18th century as it retained many archaic features characteristic of other first books. The analysis of the dictionary allows one to refine the history of the Yaransk dialect and the dating of certain sound changes.

Keywords: Mari dialects, chronology of the dialect’s changes, first books, graphics, phonetics

Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных» (рук. Ю. В. Норманская).

Этот текст написан как дополнение к рецензии Л. М. Ившина «Новая жизнь уникальной рукописи». Полностью поддерживая высокую оценку и признавая важность монографии О. А. Сергеева, которая дает возможность широкому кругу читателей познакомиться с рукописным марийско-русским словарем, созданным в 1785 г. В. Крекниным и И. Платуновым, в настоящей работе мы бы хотели остановиться лишь на одном аспекте книги — диалектной принадлежности словаря, которая, с учетом более широкого круга материалов XVIII—XIX в. по марийским диалектам, может быть определена иначе. Это представляется важным, поскольку, как показали исследования первых книг на чувашском [Савельев 2016], татарском [Нуриева 2015, 2017], башкирском [Норманская, Каримова, Эмба 2017], казахском [Шаймердинова 2016; Дыбо, Норманская 2016], саамском [Бакула 2016; Норманская 2016], марийском [Ключева, Норманская 2015; Ключева 2017; Норманская 2017], удмуртском [Безенова 2016а, 2016б], мансийском [Норманская 2015а; Норманская, Кошелюк 2017], хантыйском [Moldanova, Normanskaja 2018], селькупском [Норманская 2015б] языках, рукописные памятники на уральских и тюркских языках достаточно точно отражают диалектные особенности XVIII—XIX в. О. А. Сергеев высказывает гипотезу о том, что «в “Кратком черемисском словаре с российским переводом” встречаются слова всех основных диалектов современного марийского языка... Проанализировав фонетические, лексические и морфологические особенности словаря, можно констатировать, что в рукописи в основном преобладают языковые материалы лугового, северо-западного и восточного наречий марийского языка» [Сергеев 2020: 17]. Ситуация, когда в одном памятнике: словаре, грамматике, богослужбной книге — были бы представлены без помет все основные говоры того или иного языка, нам ранее не встречалась. В большинстве случаев словари либо имеют указания на то, что слова собраны из разных языков или диалектов, либо основаны на материале одного говора, который часто отличается от современных диалектов, поскольку в нем может сохраняться архаический вид некоторых фонем или аффиксов, могут идти переходные процессы, когда для той или иной фонемы в тексте представлены как архаичные, так и инновационные рефлексy.

В рассматриваемом словаре на титульном листе указано место создания: «Краткой черемиской словарь с российскимъ переводомъ собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоіереємъ Василиємъ Крекнинымъ и Спаской церкви діакономъ Иоанномъ Платуновымъ». Кукарская слобода в 1918 г. была переименована в пос. Советск, который с 1937 г. стал городом Советск Кировской области Российской Федерации. В этом районе марийцы говорят на северо-западном пижанском говоре марийского языка. По утверждению профессора Н. И. Исанбаева, словарь как раз отражает лексические особенности пижанского говора лугового наречия [Исанбаев 2014: 6].

Кто прав: Н. И. Исанбаев, который считает, что лексические особенности словаря соответствуют району, в котором он был создан, или О. А. Сергеев, который приводит различные слова, которые либо фонетически, либо лексически не отражают особенности пижанского говора, а указывают на то, что у словаря было много авторов из разных регионов?

Есть ли доказательства участия носителей разных диалектов в составлении словаря?

Для ответа на этот вопрос разберем аргументы О. А. Сергеева, опираясь не только на словари современных диалектов, но и на архивные материалы по марийским говорам, которые собрали между 1885—1943 гг. В. Поркка, А. Генетца, Ю. Вихманна, М. Рясанена, Т. Е. Утила, Э. Итконена (их публикацию см. в [Moisio, Saarinen 2008]). В этом словаре представлены материалы по следующим диалектам марийского языка:

- **восточным**: бирскому, калтасинскому, краснофимскому, кильмезскому;
- **луговым**: моркинскому, сернурскому, волжскому, йошкар-олинскому;
- **северо-западным**: яранскому, козьмодемьянскому.

Очевидно, опора на более ранние лексические материалы важна, поскольку если в настоящее время то или иное слово представлено, например, только в моркинско-сернурском говоре, то, возможно, в XIX в., а тем более в XVIII в. это было не так.

Разберем ниже некоторые слова, которые О. А. Сергеев приводит в качестве аргументов в пользу участия в создании словаря носителей различных говоров, но которые в конце XIX — начале XX в. были широко представлены в большинстве марийских луговых говоров:

- «моркинско-сернурские», по мнению О. А. Сергеева, лексемы в словаре: *тырма* ‘борона’ < тат., по [Moisio, Saarinen 2008: 855], это слово было как в восточных, так и в луговых диалектах: Ob Okr Mm₁¹

¹ Здесь и далее при сокращениях из словаря [Moisio, Saarinen 2008] подстрочные знаки обозначают разных информантов.

Mm₂ Mm₃ Oka Mmu Ms²; *люнгалтэмь* ‘качаю’, по [Moisio, Saarinen 2008: 358], это слово было в восточных, луговых, северо-западных диалектах: Ob Okr Mm₁ Mm₂ Ok Mmu Ms Mwo Mup NW W₁; *тугурь* ‘рубашка’, по [Moisio, Saarinen 2008: 820], это слово было в восточных, луговых, северо-западных диалектах: Ob₁ Oka K Ob₂ Okr Ok Ms Mm Mmu Mwo Mup W;

— «волжские», например: *вита* ‘конюшня, сеной сарай’ < чув., по [Moisio, Saarinen 2008: 68], это слово с гласным *i* в первом слове в соответствии с лит. *į*, что О. А. Сергеев считает признаком волжского диалекта, было в восточных, луговых диалектах: Oka, Ok, Mm₃ Mmu Mwo Mup;

— «уржумские», например: *аникъ* ‘заворки’, по [Moisio, Saarinen 2008: 12], это слово с гласным *i* во втором слове в соответствии с лит. *ы*, что О. А. Сергеев считает признаком уржумского диалекта, было в восточных, луговых диалектах: Ok, Mmu, Mup; *винерань* ‘полотняный’, по [Moisio, Saarinen 2008: 70], это слово с гласным *i* в первом слове в соответствии с лит. *ы* было в восточных, луговых диалектах: Ob₂, Oka, Okr, Ok, Mwo;

— «восточные» марийские, например: *олянъ* ‘тихий, тихо’ < чув., по [Moisio, Saarinen 2008: 450], это слово было в восточных и луговых диалектах: Ob₁, Ms, Mm₁, Ob₂, Oka, Okr, Ok, Mwo.

Активное цоканье, которое, по мнению О. А. Сергеева, характерно именно для слов из йошкар-олинского говора лугового наречия, например: *цыкма* ‘тынина, тын’, *кужу шобецо* ‘полотенце’, *кюпцюкъ* ‘подушка’, *пакца* ‘огород’, *пецке* ‘бочка’, *виашъ цонъ* ‘простосердечие’, *каце* ‘жених’, *цоклемъ* ‘в жертву приношу’, *тунемашъ тоцьишо* ‘ученик’ — также является диалектно-дифференцирующей чертой как для северо-западных, так и для горномарийских говоров.

Итак, из приведенного материала видно, что ни одна из перечисленных особенностей (ни фонетических, ни лексических) не является признаком только одного конкретного говора и не может служить доказательством того, что в составлении словаря участвовали носители разных диалектов. Более того, со временем фонетические и лексические особенности говоров значительно меняются, и то, что сейчас, по данным О. А. Сергеева, представлено только в одном определенном диалекте, 150 лет назад могло быть распространено на всей территории расселения марийцев.

Возможно ли, что словарь был составлен только на пижанском говоре яранского диалекта северо-западного наречия марийского языка?

Для ответа на этот вопрос следует провести полный фонетический, морфологический и лексический анализ. С точки зрения лексики, как указывается и в [Исанбаев 2014: 6], и в [Сергеев 2020: 18], говор словаря можно считать пижанским.

Ниже мы представим результаты фонетического и краткого морфологического анализа. Фонетический анализ выполнен нами на основе полной росписи всех отличий «Краткого черемисского словаря...» от литературного языка по изданию [Сергеев 2020]. Были выбраны все соответствия, которые представлены более чем в трех разных корнях, среди которых есть исконная лексика, и оценены с точки зрения их наличия в яранском диалекте. Ниже в п. I разобраны черты, которые свойственны яранскому диалекту, в п. II — те, которые в нем в настоящее время отсутствуют.

I. Диалектные черты, которые свойственны яранскому диалекту

I.1. пам. *ц* — лит. *ч* < ПМар. **č*³

Верценъ, верецъ ‘для’ — лит. *верчын, верч*

Гыць ‘из’ — лит. *гыч*

Имаць кушкамъ 1 спр. ‘подрастаю’ — лит. *йымач кушкам*

Кюпцюкъ, кюнъ 1 скл. ‘подушка’ — лит. *күпчык*

Мерцемъ 2 спр. ‘чахну’ — лит. *мерчем*

Онцль нескл. ‘в третьем годе’ — лит. *ончылий*

Оцыни нареч. ‘напрасно, вотще, тщетно’ — лит. *очыни*

² Здесь и далее указаны говоры, в которых данное слово было зафиксировано в аналогичном фонетическом виде в конце XIX — начале XX в., по [Moisio, Saarinen 2008].

³ Примеры соответствия пам. *ч* — лит. *ч* связаны с рефлексами ПМар. **č*, ср., например:

пюкшъ, шюнь 1 скл. ‘отрубок’ — лит. *пүчкыш* < ПМар. **püčk-*;

пючкамъ 1 спр. ‘отсекаю, вырезаю, перерубаю, прирезаю’ — лит. *пүчкам* < ПМар. **püčk-*.

В этом заключается фонетическое отличие памятника от современного яранского диалекта, в котором ПМар. **č* совпадает с ПМар. **č* > *ц*.

Цакемь 2 спр. ‘подаюся назад, отступаю’ — лит. *чакем*
Цамра, рань ‘шар’ — лит. *чумыра*
Вицкижъ ‘тонкий, тонко’ — лит. *вичкыж* < ПМар. **wička-ž* > JT *wyckyž*, JO *wackaž*
Шјормыць, цонь или *шермець, цень* 1 скл. ‘оборот, узда’ — лит. *шјормыч* < ПМар. **šōrmāc*, **šermāc* > JT *šōrtus*, JO *šōrtiis*.

I.2. пам. -θ — лит. -й < ПМар. *-j

Мю ‘мед’ — лит. *мүй* < ПМар. **müj* > J *mü*
Пи ‘собака’ — лит. *пий* < ПМар. **pij* > J *pi*
Ти ‘вошь’ — лит. *тий* < ПМар. **tij* > J *ti*.

I.3. пам. нз — лит. нч < ПМар. **ńč*, **ńž*, **nž*

Онзиль ‘первый, передний’ — лит. *ончыл* < ПМар. **ońčā* > JT *onzylny*, JO *anzylny*
Регензе, зень ‘мох’ — лит. *регенче* < ПМар. **rēyā-ńā*, -*nžā*
Ронземь 2 спр. ‘развертываю, развиваю’ — лит. *рончем*
Шинзиме ‘ведомый’ — лит. *шинчыме*
Шиндза пунь, нунь 1 скл. ‘ресница, бровь, вежди’ — лит. *шинчанун* < ПМар. **šin-ža* > JT *šynza*, JO *šanžā*
Койлянзыкъ ‘трудолюбивый, прилежный’ — лит. *колянчык*.

Но есть и примеры соответствия пам. *нж* — лит. *нч* < ПМар. **ńč*, **nž*, которые отличаются от современного яранского диалекта:

Весъ онжошо, онь 1 скл. ‘иностранец’ — лит. *вес ончышо*
Ирь шинжамъ 1 спр. ‘сажусь в круг’ — лит. *йыр шинчам* < ПМар. **šinžā*- > JT *šynžem*, JO *šanžem*
Корно онжоктыше, шонь 1 скл. ‘вождь’ — лит. *корно ончыктышо*
Кюнжемъ 2 спр. ‘окопываю, копаю’ — лит. *күнчем* < ПМар. **künžā*- > JT *künžem*, JO *könžem*.

Дважды отмечены слова, в которых к лит. *нч* приводятся слова с двумя типами соответствий пам. *нз*, *нц*:

Јовунзе или *јобунцо, нь* 1 скл. ‘плащ, япанча’ — лит. *йовынчо*
Вольгонцо или *волгонзе, онь* 1 скл. ‘молния’ — лит. *волгенче*.

II. Черты, которые не характерны для яранского диалекта, но могут быть архаичными или графическими приемами

II.1. Архаичные черты или графические приемы, которые встречаются в других марийских книгах

II.1.1. пам. *и* — лит. *ы* < ПМар. **i*

Как было отмечено выше, такое соответствие встречается спорадически в некоторых словах как в XIX в., ср. *винерань* ‘полотняный’ Ob₂, Oka, Okr, Ok, Mwo [Moisio, Saarinen 2008: 70], так и в современных диалектах, в первую очередь в шурминско-уржумском и малмыжском (особенно в кильмезском подговоре), более редко в бирском, йошкар-олинском и волжском говорах, см. подробнее [Ключева, Норманская 2015: 42—43]. Более часто аналогичная рефлексация представлена в доступных нам первых книгах как на луговом [Букварь 1873]⁴, так и на горном [Евангелие 1821]⁵ марийском языке. В [Евангелие 1821] *и* является стандартным рефлексом для ПМар. **i* первого слога, хотя в современном горномарийском языке ПМар. **i* > *ə*. В [Букварь 1873] сохранение ПМар. **i* не является стандартным, но встречается достаточно часто. Таким образом, можно предполагать, что сохранение ПМар. **i* в части слов в «Кратком черемисском словаре...» отражает архаическую ситуацию, которая имела место до конца XIX в.

Килмемь 2 спр. ‘озябаю, замерзаю’ — лит. *кылмем*
Килта, нь 1 скл. ‘сноп’ — лит. *кылта*
Кине, нь 1 скл. ‘конопель’ — лит. *кыне*

⁴ Историю создания этой книги и обзор ее графических особенностей см. подробнее в [Ключева, Норманская 2015].

⁵ Историю создания этой книги см. подробнее в [Эрцикова 2020].

Киремь 2 спр. ‘бью, бию’ — лит. *кырем* < ПМар. **kirə*- > [Евангелие 1821] *кыр-яшЪ*, *кыр-энЪ*, *кыр-энулутЪ*, *кыр-ятЪ*, *кыри-нэштЪ*

Киша, нь 1 скл. ‘след’ — лит. *кыша*

Нилить ‘четыре’ — лит. *нылыт* < ПМар. **nil* > [Евангелие 1821] *ниль*, [Букварь 1873] *нил*

Пидалме, мень 1 скл. ‘защита’ — лит. *пыдалме*

Пизыремь 2 спр. ‘раздавливаю, давлю’ — лит. *пызырем* < ПМар. **piž-nE-*, **pižə-rE-* > [Евангелие 1821] *пизир-нэже*, [Букварь 1873] *пизырен* ‘выжимая, выжав’

Пистыль, лынъ 2 скл. ‘перо’ — лит. *пыстыл* < ПМар. **piš-təl*

Сира или *сра, ранъ* 1 скл. ‘пиво’ — лит. *сыра*

Шибяга, ганъ 1 скл. ‘жребий’ — лит. *шывага*

Шиже, жинъ 1 скл. ‘осень’ — лит. *шыже* < ПМар. **šizə* > [Букварь 1870: 8] *шыжем* / [Букварь 1873: 10] *шыжем* ‘осенью’.

Но есть и более многочисленные случаи, когда **пам. *ы*** — **лит. *ы*** < **ПМар. **i***, ср. например:

Тылызе, зень 1 скл. ‘луна, месяц’ — лит. *тылзе* > [Евангелие 1821] *тильза*

Тырмалемь 2 спр. ‘пашню бороню’ — лит. *тырмалем*

Сырыше ‘гневливый’ — лит. *сырыше*

Пыль, лынъ 2 скл. ‘облако’ — лит. *пыл* < ПМар. **pil* > *пиль*.

II.1.2. пам. *и* — лит. *ü* < ПМар. **i*

Такое соответствие отмечено в [Bereczki 1994: 72—73], он указывает, что в ряде диалектов произошло развитие ПМар. **i* > *ii*, которое он считает вторичным, возникшим уже после распада прамарийского единства, поскольку в ранних заимствованиях в татарский и чувашский представлены рефлексy *i*. В доступных нам первых книгах тоже есть примеры такого соответствия, ср. [Начатки христианского учения 1841]: *шииштэ* — лит. *šiištö* ‘кожа, кожаный’, *ширча* — лит. *šürča* ‘жестокий’, *шидарь* — лит. *šüdyr* ‘звезда’. Аналогичное соответствие встречается и в материалах [Паллас 1787], ср. *Идорь* ‘дева’ — лит. *idur*. Поэтому рефлекс, представленный в «Кратком черемисском словаре...», следует считать архаическим.

Имюръ, юнь ‘век’ — лит. *ümyr*

Киварь, ынъ 2 скл. ‘мост’ — лит. *küvar* < чув.

Килтымашь ‘подлой, ни к чему не годной’ — лит. *küldymaš*

Лигиштэмь 2 спр. ‘сверблю’ — лит. *lügyštem*

Пижалтамь 1 спр. ‘потюю’ — лит. *püžaltam* < ПМар. **piž*, **pižaltam*

Тиналмашь, шынъ 2 скл. ‘зачатие, начало, начинание’ — лит. *tünalam*

Тинга, нь ‘строка’ — лит. *tün*.

II.1.3. пам. *io/o* — лит. *ö* < ПМар. **ö*

Стандартной передачей ПМар. **ö* в середине и в конце слова является диграф *io/jo*, ср.: *киоргишке тюнгюдэмь* ‘вгибаю’, *пиортыктень пужемь* ‘раскатываю’, *пиортие* ‘отмститель’, *тиорсырь* ‘неравенство’, *шюргю* ‘лицо’, *пюртоль онжеламь* ‘оглядываюсь’. Но в «Кратком черемисском словаре...» в ряде случаев встречается передача через *o*, ср.:

тюко ‘запор; также вещь’ — лит. *tükö*

изи сосна ‘свинка’ — лит. *izi söna*

люмо ‘клей’ — лит. *lümö*.

Аналогичные примеры есть и в [Евангелие 1821]: *кóргоцЪ* — лит. *körğyč* ‘изнутри’, *торЪ* — лит. *tör* ‘прямо?»; *торá* — лит. *törá* ‘судья’. Вероятно, они свидетельствуют о недостаточно последовательной графической передаче звуков.

II.1.4. пам. *б* — лит. *v* < ПМар. **w*

В словаре [Bereczki 1992] такие рефлексy для ПМар. **w* отсутствуют, но по материалам конца XIX — начала XX в., собранным в [Moisio, Saارينен 2008], они представлены во всех говорах. В [Паллас 1787: 11] также отмечена аналогичная рефлексация, ср. *Абай* — лит. *ava* ‘мать’. Вероятно, либо это был способ

графической записи в XVIII—XIX вв., либо качество звука в то время во всех диалектах отличалось от современного.

- Аба* или *ава*, *нъ* 1 скл. ‘мать, родительница’ — лит. *ава* < чув.
Абанъ или *аванъ* ‘матерний’ — лит. *аван*
Аба кегерце, *енъ* 1 скл. ‘голубка’ — лит. *ава көгөрчен*
Аза килимдэ пючие куба, *нъ* 1 скл. ‘бабка повивальная’ — лит. *аза кылымде пүчшö кува*
Арба, *нъ* 1 скл. ‘мякина, плевы, кукол, волчец’ — лит. *арва*
Иги шубо, *унъ* 1 скл. ‘дети’ — лит. *икшыве*
Обаргемъ 2 спр. ‘надуваюся’ — лит. *оваргем*
Рыбижъ, *жинъ*, *рюбюжъ*, *жюнь* 1 скл. ‘лисица’ — лит. *рывыж* < ПМар. **riwəʃ*
Лебедамъ 1 спр. ‘одеваю, покрываю’ — лит. *леведам*
Лебектемъ 2 спр. ‘разогреваю’ — лит. *левыктем* < ПМар. **lewə*, **lewE-*.

II.1.5. Развитие гласных второго слога в зависимости от качества гласного первого слога

Во всех доступных нам первых книгах, ср. [Паллас 1787; Евангелие 1821; Начатки христианского учения 1841; Букварь 1873], гласные второго слога более разнообразны, чем в литературном марийском: на месте лит. *ы* второго слога может встречаться большинство гласных. Правила их употребления часто зависят от качества гласного первого слога, но варьируются в разных книгах.

— Переход ПМар. **ə* > *о*, *у*, *ю* во втором слоге, если в первом слоге огубленный гласный *о*, *у*, *ю* (сингармонизм)

- Кодомо* ‘отставший’ — лит. *кодымо*
Коктонать ‘оба’ — лит. *коктынат* — [Евангелие 1821] *кóктутЪ*
Колоштамъ 1 спр. ‘слушаю’ — лит. *колыштам* — [Евангелие 1821] *колоштмашЪ*
Колтомашъ, *шынь* 2 спр. ‘посылание’ — лит. *колтымаш*
Кугужа, *жанъ* 1 скл. ‘царь’ — лит. *кугыжа* — [Евангелие 1821] *кугужа*
Кугуза или *кугузя*, *зянь* 1 скл. ‘старик’ — лит. *кугыза*
Олокъ, *конъ* 1 скл. ‘луг’ — лит. *олык* < чув.
Онгоръ, *ронъ* 1 скл. ‘колокольчик’ — лит. *онгыр*
Удуремъ 2 спр. ‘гребу’ — лит. *удырем*
Ультумашъ, *шынь* 2 скл. ‘моление’ — лит. *улдымаш*
Умулча, *чанъ* 1 скл. ‘камыш трава’ — лит. *умылча*
Мушкундо, *дунъ* 1 скл. ‘кулак’ — лит. *мушкундо* < ПМар. **muškəndə*
Шюбюль, *бюлюнь* 1 скл. ‘слюна’ — лит. *шүвыл*.

Отметим, что в «Кратком черемисском словаре...» сингармонизм не является регулярным. Значительное количество примеров с *о*, *у* в первом слоге имеют *и*, *ы* во втором слоге, ср., например:

- Онжике* нареч. ‘впредь’ — лит. *ончыко*
Онзиль ‘первый, передний’ — лит. *ончыл*
Онзыке пуремъ 2 спр. ‘предъускоряю, предъупреждаю’ — лит. *ончыко пурем*.

— Переход ПМар. **ə* > *е*, *э* при *а*, *ö* в первом слоге:

- Аремешъ пуемъ* 2 спр. ‘даю в рост, в процент даю’ — лит. *арыmesh пуэм*
Ашнеме эрге, *енъ* 1 скл. ‘вскормленик’ — лит. *ашныме эрге*
Ватэдьманъ, *ынъ* 2 скл. ‘безженный, вдовец’ — лит. *ватыдыман*, *ватыдыме*
Ватэ ятеръ янь, *ынъ* 2 скл. ‘жена довольных лет’ — лит. *вате ятыр иян* (*ияш*)
Жаплэме ‘почтенный’ — лит. *жаплыме*
Палемъ пуемъ 2 спр. ‘знак даю’ — лит. *палым пуэм*
Эрдежълу, *лунъ* 1 скл. ‘ребро’ — лит. *өрдэжлу* < ПМар. **ördə-ž*.

Аналогичная гласная во втором слоге после *а* в первом наблюдается в материалах П. С. Палласа, ср. *Азрень* ‘смерть’ [Паллас 1787: 222] — лит. *azyren*. В [Евангелие 1821; Букварь 1873] в словах с *а* в первом слоге в соответствии с лит. *ы* второго слога употребляется *а*, ср.: *атамЪ* — лит. *атым* ‘сосуд’ [Евангелие 1821], *вятэжа* — литер. *ватыже* [Букварь 1873: 14] ‘(его) жена’.

II.2. Архаичная черта, которая отсутствует в других марийских диалектах и доступных нам первых книгах:

пам. *e/э* — лит. *ō* < ПМар. **ō*

Кегерце, нь 1 скл. ‘голубь’ — лит. *көгөрчен*

Неремь 2 спр. ‘мокну’ — лит. *нөрем*

Нэрепъ, пенъ 1 скл. ‘погреб’ — лит. *нөреп* < чув.

Пелекымъ пуэдэмъ 2 спр. ‘раздариваю, дарю’ — лит. *пөлекым пуэдем*

Пелякъ налше ‘одаренный’ — лит. *пөлек налше*

Пютэ ‘пост’ — лит. *пүтө*

Сербалемъ 2 спр. ‘прошу, упрашиваю, умоляю’ — лит. *сөрвалем*

Тэрлалътемъ 2 спр. ‘сравниваю, выравниваю’ — лит. *төрлалтем*

Тэрыштемъ 2 спр. ‘выскакиваю’ — лит. *төрштем*

Тэръ веръ, ренъ 1 скл. ‘площадь’ — лит. *төр вер*

Тюке ‘различие’ — лит. *түкө*

Шеренъ мутланемъ 2 спр. ‘отговариваю’ — лит. *шөрэн мутланем*

Шурно ерза, занъ 1 скл. ‘хлебной короб’ — лит. *шурно ёрза*

Шюле ‘овес’ — лит. *шүльө*

Элталэмъ 2 спр. ‘обнимаю’ — лит. *өндалам*

Эпкелемъ 2 спр. ‘выговариваю’ — лит. *өпкелем*

Эрамъ 1 спр. ‘изумляюсь, дивлюсь’ — лит. *өрам*

Эрдежълу, лунъ 1 скл. ‘ребро’ — лит. *өрдыжлу* < ПМар. **ördə-ž*

Эрканыдеме ‘не ленивый’ — лит. *өрканыдыме*

Эрмашь, шынъ 2 скл. ‘чудо’ — лит. *өрмаш*.

В начале слова ПМар. **ō* всегда передается как *э/е*, в ряде случаев такая рефлексация зафиксирована в середине и в конце слова, при этом стандартной передачей является *io/jo/o*, совпадающее с другими первыми книгами. Объяснить переход ПМар. **ō* > *э/е*, который не представлен ни в современных диалектах, ни в доступных нам первых книгах, довольно сложно. Стоит обратить внимание, что по [Bereczki 1994: 116—117] ПМар. **ō* < ФУ **e*, **o*; такое развитие происходило в большинстве случаев в позиции перед *-r*. Отметим, что и в примерах из «Краткого черемисского словаря...» соответствие лит. **ō* — пам. *э/е* достаточно часто встречается именно в позиции перед *-r*. Возможно ли, что в «Кратком черемисском словаре...» отражен еще ФУ гласный **e*, а переход в **ō* был более поздним? Косвенное подтверждение этой гипотезы можно найти в Рукописном русско-марийском словаре середины XVIII в., найденном в архиве Г. Ф. Миллера, см. подробнее [Исанбаев 2000], где встречается соответствие пам. *и* — лит. *ō*, например, *ирдизень* ‘на боку’ — лит. *өрдыж*.

Полный морфологический анализ «Краткого черемисского словаря...» — дело будущего, поскольку морфонологическая форма аффиксов еще недостаточно, с нашей точки зрения, изучена ни в современных диалектах, ни в первых книгах. Остановимся лишь на наиболее значимом с точки зрения диалектной классификации признаке: форме показателя множественного числа.

В «Кратком черемисском словаре...», как указано в [Сергеев 2020: 75], в качестве показателя множественного числа употребляется суффикс *-шамыц*, обнаруженный в 18 словарных статьях, например: *ирангъ-шамыцымъ лиштемъ* ‘борозды делаю’, *жигиръ шамыцъ* ‘ежегодный’, *киаматыште илишешамыцъ* ‘адские жители’, *киоргысе ужаш шамыцъ* ‘внутренние части’, *кугезе шамыцъ* ‘предки’, *межашъ шамыцемъ лиштэмъ* ‘рубежи ставлю’, *тютюрме юпшамыцъ* ‘завитые волосы’, *родо шамыцымъ поминаемъ* ‘родителей поминаю’, *саръ женъ шамыцъ* ‘армия, военный народ’, *цонъ шамецъ колошонъ* ‘души умерших’, *шочшошамецъ* ‘потомки’, *юмбацъ пиштыме юпъ-шамыцъ* ‘волосы накладные’, *юмушто илишешамецъ* ‘небесные жители’.

Отсутствие в «Кратком черемисском словаре...» показателей *-влä*, *-влак*, *-лак*, *-шамыч*, которые могли бы указывать на горномарийский (*-влä*), луговой марийский⁶ (*-шамыч*, *-влак*), восточный марийский (*-влак*, *-лак*), доказывает, что словарь написан либо на северо-западном наречии, либо на йошкар-олинском говоре, см. подробнее [Bereczki 1994: 19—27]. С учетом того, что словарь, как было сказано выше, создан в Кукарской слободе, где живут носители пижанского говора северо-западного наречия, форма наиболее значимого морфологического показателя также не противоречит гипотезе о создании словаря на основе одного говора.

⁶ За исключением йошкар-олинского говора.

Отметим также, что в рукописи «Краткого черемисского словаря...», первые страницы которой опубликованы в [Сергеев 2020], присутствуют знаки ударения, которое отличается и от литературного лугового языка, и от горного, ср. *агу́рь* ‘пучина’. К сожалению, в издании словаря знаки ударения опущены, поэтому нет возможности сделать полное описание его акцентуации без обращения к тексту рукописи. Предположительно, в словаре представлена и архаическая система ударения, описание которой — дело будущего.

Вывод

Итак, проведенный анализ показывает, что по итогам лексического, фонетического, морфологического анализа «Краткого черемисского словаря...» создание его только на основе пижанского говора яранского диалекта северо-западного наречия представляется наиболее вероятным. Все отличия языка словаря от современного яранского диалекта являются либо архаизмами, которые совпадают с праязыковыми формами, представленными не только в этом словаре, но и в других первых книгах, созданных в разных регионах, а также в некоторых современных диалектах, либо графическими особенностями и приемами, которые были типичны и для других первых книг XVIII—XIX вв.

Этот результат позволяет нам понять важность «Краткого черемисского словаря...» для истории марийского языка и, в частности, северо-западного наречия, которое не имеет письменности и является менее изученным. Анализ графико-фонетических особенностей словаря показывает, что двумя четкими инновационными чертами яранского диалекта северо-западного наречия того времени были переходы ПМар. $*\acute{c} > c$, $*-j > \theta$. Остальные инновационные процессы: ПМар. $*\acute{n}\acute{c}$, $*\acute{n}\acute{z}$, $*n\acute{z} > nz$, переход в первом слоге ПМар. $*i > i, \acute{i}$, переход гласных второго слога в *i*, — только начались, поэтому есть как примеры, в которых они отражены, так и те, где сохранились архаические прамарийские рефлекссы. В то время еще не было перехода ПМар. $*\acute{c} > c$, характерного для современного яранского диалекта. Видимо, сохранялась архаичная система акцентуации. Материалы Ю. Вихманна по яранскому диалекту, собранные в 1906 г. и опубликованные в [Moisio, Saariinen 2008], и Э. Беке, также записанные в самом начале XX в. и изданные в 9-томном словаре [Beke 1997—2001], показывают, что за последующие 120—130 лет большинство инновационных процессов, упомянутых выше, завершились.

Сокращения

- лит. — литературный язык
- пам. — «Краткой черемисской словарь...»
- ПМар. — прамарийский язык
- скл. — склонение
- спр. — спряжение
- тат. — татарский
- чув. — чувашский
- J — яранский диалект
- Ю — говор д. Отюково Яранского уезда
- ЛТ — говор д. Туршо-мучаш Яранского уезда
- К — козьмодемьянский говор
- Mm — говор марийского языка Моркинского района
- Mmu — говор марийского языка д. Мари-Ушем
- Ms — сернурский диалект марийского языка
- Mup — говор марийского языка с. Упша
- Mwo — волжский диалект марийского языка с. Красный Яр
- NW — яранский диалект марийского языка
- Ob — бирский диалект марийского языка
- Ok — говор пос. Кильмез марийского языка
- Oka — говор марийского языка с. Чашкино Калтасинского района Башкирии
- Okr — говор марийского языка Красноуфимского района
- W — говор марийского языка Козьмодемьянского района

Литература

- Бакула 2016 — *Бакула В. Б.* Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 13—33. {*Bakula V. B.* Vocalism of the first syllable in the Kildin Sami dialect (case study of Matthew 1878) // *Ural-Altaiic Studies*. 2016, 3 (22). P. 13—33.}
- Безенова 2016а — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891: graphic and vocalic features // *Ural-Altaiic Studies*. 2016, 1 (20). P. 7—40.}
- Безенова 2016б — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891: consonant features // *Ural-Altaiic Studies*. 2016, 3 (22). P. 46—63.}
- Букварь 1870 — Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей лугового населения. Казань, 1870. [РНБ ЭК] {The simple way to teach reading for Meadow Mari. Kazan, 1870. [RNB EK]}
- Букварь 1873 — Букварь для луговых черемис. Казань, 1873. [РНБ ЭК] {ABC book for Meadow Mari. Kazan, 1873. [RNB EK]}
- Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения диалектов // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 139—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V.* The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard // *Ural-Altaiic Studies*. 2016, 4 (23). P. 139—153.}
- Евангелие 1821 — Иисусъ Христосанъ святой Евангелья Матоей-гыць, Марко-гыць, Лука-гыць Иоаннь гыцать. Питеръ: Ладъ доно сирмяшь ишташь Н. Гречь заводъ, 1821. {The Fourth Gospel. Saint-Petersburg, 1821.}
- Исанбаев 2000 — *Исанбаев Н. И.* Рукописный русско-марийский словарь середины XVIII века // Марийский археографический вестник. 2000, 10. С. 201—214. Электронный доступ: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Russ_mari_slovar/text.htm. {Handwritten Russian-Mari dictionary of the middle of the 18th century // *Mari Archeographic Bulletin*. 2000, 10. P. 201—214. On-line: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Russ_mari_slovar/text.htm.}
- Исанбаев 2014 — *Исанбаев Н. И.* Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: Словарь-справочник. Йошкар-Ола, 2014. {*Isanbaev N. I.* Russian loanwords of the pre-revolutionary period in Mari language. Yoshkar-Ola, 2014.}
- Ключева 2017 — *Ключева М. А.* Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2017, 4 (27). С. 113—138. {*Klyucheva M. A.* The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism // *Ural-Altaiic Studies*. 2017, 4 (27). P. 113—138.}
- Ключева, Норманская 2015 — *Ключева М. А., Норманская Ю. В.* Первые луговомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Часть I. Введение. Гласные звуки и буквы для них. Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 18—63. {*Klyucheva M. A., Normanskaya Yu. V.* The first Meadow Mari alphabet books (1870s): a linguistic review. Part I. Introduction. Vowels and letters for them. *Ural-Altaiic Studies*. 2015, 3 (18). P. 18—63.}
- Начатки христианского учения 1841 — Начатки христианского учения, или Краткая Священная история и Краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенные в Казани 1839 года. Казань, 1841. {Basic Christian doctrine, or a Short Sacred History and a Short Catechism, translated into the Meadow Mari language, translated in Kazan in 1839. Kazan, 1841.}
- Норманская 2015а — *Норманская Ю. В.* Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015, 4 (19). С. 63—78. {*Normanskaya Yu. V.* New field and archival data on Mansi dialects and their significance for the reconstruction of the Proto-Mansi system of the first-syllable vocalism. *Ural-Altaiic Studies*. 2015, 4 (19). P. 63—78.}
- Норманская 2015б — *Норманская Ю. В.* Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н. П. Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015, 4. С. 9—17. {*Normanskaja Yu. V.* Accent in the first Selkup books, created by N. P. Grigorovsky in the 19th century // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015, 4. P. 9—17.}
- Норманская 2016 — *Норманская Ю. В.* Евангелие от Матфея 1878 как памятник точной фиксации архаического состояния кильдинского диалекта // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 34—45. {*Normanskaya Yu. V.* 1878 Gospel according to Matthew as a precise fixation monument of the Kildin dialect in archaic state // *Ural-Altaiic Studies*. 2016, 3 (22). P. 34—45.}
- Норманская 2017 — *Норманская Ю. В.* Дискуссионная заметка к статье М. А. Ключевой «Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма» // Урало-алтайские исследования. 2017, 4 (27). С. 138—144. {*Normanskaya Yu. V.* A polemic note to the article “The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism” by Maria Klyucheva // *Ural-Altaiic Studies*. 2017, 4 (27). P. 138—144.}

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017, 2 (25). С. 46—53. {Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V. Katarinski the author of the first Bashkir-language book? // Ural-Altai Studies. 2017, 2 (25). P. 46—53.}*

Норманская, Кошелюк 2017 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 151—161. {Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi // Ural-Altai Studies. 2017, 3 (26). P. 151—161.}*

Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 67—74. {Nurieva F. Sh. The dialectal base of the books written in “christened Tatar” in the latter half of the 19th century // Ural-Altai studies. 2015, 2 (17). P. 67—74.}*

Нуриева 2017 — *Нуриева Ф. Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 161—174. {Nurieva F. Sh. A linguistic monument of the Sergach Mishars’ dialect: a confession text from the 19th century // Ural-Altai Studies. 2017, 3 (26). P. 161—174.}*

Паллас 1787 — *Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение 1, ч. 1: Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., 1787. {Pallas P. S. Comparative dictionary of all languages and dialects. Section 1, part 1. Saint-Petersburg, 1787.}*

Савельев 2016 — *Савельев А. В. Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 68—105. {Savelyev A. V. The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century // Ural-Altai Studies. 2016, 1 (20). P. 68—105.}*

Сергеев 2020 — *Сергеев О. А. Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткой черемиской словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола, 2020. {Sergeev O. A. Vasily Kreknin, Ioann Platonov “A short Mari dictionary with Russian translation”: a linguistic analysis (supplied with a dictionary). Yoshkar-Ola, 2020.}*

Шаймердинова 2016 — *Шаймердинова Н. Г. Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 128—138. {Shaymerdinova N. G. Analysis of the consonant system in the Kazakh written monuments of late 19th and early 20th centuries // Ural-Altai Studies. 2016, 4 (23). P. 128—138.}*

Эрцикова 2020 — *Эрцикова Г. А. Графико-орфографические особенности Евангелия 1821 года на марийском (горном) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 1. С. 6—13. {Ertsikova G. A. Graphic and spelling features of the Gospel of 1821 in the Hill Mari language // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020. Vol. 14. № 1. P. 6—13.}*

Beke 1997—2001 — *Beke Ö. Mari nyelvjárás szótár 1—9. Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und József Erdödi, neu redigiert von Gábor Bereczki, bearbeitet von Margarita Kuznecova, herausgegeben von János Pusztay (Bibliotheca Ceremissica 4). Szombathely, 1997—2001.*

Bereczki 1992 — *Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II (Studia Uralo-Altaiica 34). Szeged, 1992.*

Bereczki 1994 — *Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I (Studia Uralo-Altaiica 35). Szeged, 1994.*

Moisio, Saarinen 2008 — *Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch ausgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki, 2008.*

Moldanova, Normanskaja 2018 — *Moldanova I., Normanskaja Ju. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // The 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vol. 5. 3.1. P. 197—204.*

Значение трудов С. А. Старостина для компаративистики¹

Алпатов Владимир Михайлович, Институт языкознания РАН (Москва),
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; v-alpatov@ivran.ru

THE IMPORTANCE OF S. A. STAROSTIN'S WORK FOR THE COMPARATIVE LINGUISTICS

Vladimir M. Alpatov, Institute of linguistics, RAS (Moscow),
Lomonosov Moscow State University; v-alpatov@ivran.ru

Сергей Анатольевич Старостин (1953—2005) был выдающимся лингвистом широкого профиля, прежде всего компаративистом. Он занимался многими проблемами, среди которых особое место занимала алтаистика.

Вся жизнь ученого прошла в Москве. Его отец и старший брат были известны как выдающиеся полиглоты. Отец Сергея Анатольевича Анатолий Васильевич Старостин был переводчиком и преподавателем языков, включая таджикский и грузинский. Но если старший Старостин был лишь полиглотом, то Сергей Анатольевич одновременно оказался и талантливым ученым, которому очень помогало знание многих языков.

Его способности проявились необычно рано. На Московскую олимпиаду по языковедению и математике, проводившуюся в МГУ для учеников 9—11 классов, он впервые пришел, учась в 6 классе, и получил вторую премию, а затем до окончания школы четыре раза выигрывал олимпиады. Еще школьником он стал ходить на «взрослый» семинар по ностратическому языкознанию, который вели А. Б. Долгопольский и В. А. Дыбо.

В 1970 г. Старостин окончил школу и поступил на Отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ, которое окончил в 1975 г. Там он попал в японскую группу, что сыграло значительную роль в его дальнейшей научной деятельности, которая началась очень рано. Сборник его избранных работ «Труды по языкознанию» [Старостин 2007], изданный посмертно, открывается тезисами доклада на конференции по сравнительно-историческому языкознанию в декабре 1972 г., то есть в девятнадцать лет. В то время Сергей учился на третьем курсе, но в примечаниях к книге сказано, что работа была выполнена первокурсником. Первая большая по объему его публикация, также по японским реконструкциям, вышла в сборнике Института востоковедения в год окончания университета. В 1975 г. по окончании МГУ Старостин был зачислен в аспирантуру Отдела языков Института востоковедения РАН, затем работал в том же отделе до 1992 г.

Безусловно, Старостин мог бы добиться успеха в любой области лингвистики, тем более что в студенческие годы он прошел прекрасную школу в экспедициях А. Е. Кибрика в Дагестане. Там студентов учили записывать в полевых условиях и обрабатывать материал малоизученных или вовсе не изученных языков, уметь работать с конкретными языками и видеть в каждом из них специфическое проявление общих закономерностей человеческого Языка. Полевые исследования помогали и компаративистике: во время экспедиции на Сахалин в 1978 г. Старостин изучал распространенные там корейские диалекты, полученные материалы он затем использовал в алтайских реконструкциях. У Сергея Анатольевича есть и публикации по современным языкам, более всего по японскому. Особенно надо выделить его участие в коллективной грамматике японского языка, готовившейся в Институте востоковедения под редакцией И. Ф. Вардуля. К сожалению, удалось написать лишь первый том [Вардуль, Старостин, Алпатов 2000], где Старостину принадлежат разделы по фонологии и акцентуации, в этих областях он был выдающимся специалистом. Свои разделы он закончил к 1982 г., но книга вышла намного позже. Позднее он должен

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00159), организация, осуществляющая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

был участвовать и в «Теоретической грамматике японского языка», но она была подготовлена уже после его смерти; фонетические разделы были написаны П. М. Аркадьевым и мной на основе идей Сергея Анатольевича [Алпатов, Аркадьев 2008]. В 1983 г. для Военного института он написал учебник истории японского языка, до сих пор не изданный; там речь шла и об истории языка письменного периода.

Но более всего ученого влекло сравнительно-историческое языкознание — отрасль науки, сложившаяся и получившая немалые результаты еще в начале XIX в., но до сих пор представляющая собой обширное поле деятельности. Лингвист-компаративист на основе строгой методики сопоставляет известные языки и реконструирует праязык, от которого эти языки произошли. Расцвет сравнительно-исторического языкознания пришелся на XIX в., когда был выработан великий сравнительно-исторический метод, хронологически первый из строгих лингвистических методов. За столетие было установлено и доказано родство многих языков, входящих в большую индоевропейскую семью, однако за ее пределы тогда почти не выходили. Лишь с начала XX в. развернулось интенсивное изучение тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, семитской, финно-угорской и других семей. А с начала 60-х гг. XX в. в СССР стала активно развиваться так называемая ностратическая гипотеза, согласно которой индоевропейские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, дравидийские и еще некоторые языки входят в более древнюю ностратическую макросемью. Эти исследования начал замечательный ученый В. М. Иллич-Свитыч (1934—1966), рано погибший; их продолжили А. Б. Долгопольский (1930—2012) и В. А. Дыбо (р. 1931). Сергей Анатольевич со школьных лет связал жизнь с этим кругом лингвистов, став в нем сначала учеником, потом коллегой, потом лидером.

С 1992 г. Старостин перешел во вновь образованный почти с нуля Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), где собрался возглавляемый им коллектив компаративистов, который мог теперь из неформального превратиться в формальный. Образовался особый центр, фактически небольшой научно-исследовательский институт при университете. В конце жизни Сергей Анатольевич также работал в академическом Институте языкознания, где возглавил центр языков Евразии. В 1997 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Сильной стороной деятельности Старостина в последние 10—15 лет жизни, помимо наличия тесно спаянного коллектива единомышленников, было активное использование вычислительной техники. По его собственным воспоминаниям, Старостин впервые сел за персональный компьютер в 1986 г., а к 1993 г. он с участием нескольких своих коллег — лингвистов и программистов — уже разработал компьютерную систему Starling. Над ее совершенствованием он работал до конца жизни. Для каждого изучаемого языка были собраны обширные базы данных. И в Институте востоковедения, и затем в РГГУ ученый занимался самыми разнообразными проблемами компаративистики. Трудно найти языковую семью или группу, родственными связями которой Старостин совсем не интересовался; у него есть публикации по очень многим из них, разумеется, по одним больше, по другим меньше. Пожалуй, он наложил на свои исследования одно ограничение: не выходить за пределы Старого Света, пока со всеми его языками не будет всё ясно; дойти до индейских и австралийских языков он не успел. Есть у Старостина работы и по самой традиционной тематике компаративистов — индоевропеистике, и по реконструкции древнекитайской фонетики (этому были посвящены его кандидатская диссертация, защищенная в 1979 г., и изданная позже книга [Старостин 1989], переведенная на китайский язык), и по афразийским языкам (семитские, берберские, древнеегипетский, некоторые другие языки Африки, в том числе сомали и хауса). Особенно много он писал о языках Северного Кавказа, куда и студентом, и позже ездил в экспедиции; вместе с И. М. Дьяконовым и С. Л. Николаевым [Nikolaev, Starostin 1994] он доказал родство восточно-кавказских (дагестанские, чеченский и др.) и западно-кавказских (абхазский, адыгейский, кабардинский и др.) языков. К этой семье оказались принадлежащими и некоторые древние языки Передней Азии: урартский, хаттский, возможно, этрусский [Дьяконов, Старостин 1988]. Еще он занимался почти вымершей енисейской семьей языков (кетский и ряд уже не существующих языков) и предложил смелую гипотезу о родстве между собой западно- и восточно-кавказских, енисейских и китайско-тибетских языков (синокавказская макросемья). Развитием гипотезы ученый занимался до конца жизни. Безусловно, высказать такую гипотезу мог лишь человек, сам интенсивно занимавшийся всеми тремя сравниваемыми семьями, а такого, кроме Старостина, в мире больше не было. Наконец, надо упомянуть учебник «Сравнительно-историческое языкознание», написанный им совместно с его ученицей С. А. Бурлак (два издания в 2001 и 2005 гг.) [Бурлак, Старостин 2001, 2005].

Особенно много ученый занимался исследованием алтайских языков, включая японский. Первым шагом в студенческие годы стало сопоставительное изучение собственно японских диалектов и диалектов островов Рюкю на крайнем юге Японии; именно этому были посвящены вышеупомянутые работы Старостина-студента. Доклад 19-летнего студента назывался «К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы». Диалекты Рюкю, бесспорно, родственны японским (их иногда включают в

состав японского языка), но уже в древности значительно от них отличались. Для выявления дальнейших родственных связей японского языка необходимо было восстановить праапонскую звуковую систему на основе сопоставления японского и рюкюского материала. Первым это стал делать (и тоже в самом начале своей деятельности) Е. Д. Поливанов, ставший основоположником научного компаративного изучения японского языка не только в России, но и в мире. Однако Старостин, основываясь на большем материале, и здесь, и в вопросе о внешних связях японского языка (см. ниже) пересмотрел результаты Поливанова.

После защиты кандидатской диссертации Старостин вернулся к японскому языку, но уже в более широком аспекте, рассматривая вопрос о его родственных связях как часть алтаистики и ностратики. В течение 80-х гг. он работал над книгой «Алтайская проблема и происхождение японского языка». Она вышла в самом конце советской эпохи, весной 1991 г. [Старостин 1991], на ее основе в начале 1992 г. им была защищена докторская диссертация. Даже в дарственных экземплярах своей книги он писал: «С уверенностью в алтайском происхождении японского языка». Уверенности во всем, что он делал, у Старостина всегда было много.

Реконструкции Старостина в данной области собраны в вышеупомянутой книге и в итоговом «Этимологическом словаре алтайских языков», подготовленном им совместно с А. В. Дыбо и О. А. Мудраком и изданном на английском языке [Starostin, Dybo, Mudrak 2003]. Я хочу на примере алтаистических исследований ученого показать общий подход Старостина и его коллектива к сложным проблемам дальнего родства.

Как известно, идея о принадлежности японского языка к алтайской семье, куда входят тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки и, по-видимому, корейский, существовала задолго до Сергея Анатольевича: считается, что ее впервые выдвинул в 1857 г. немецкий ученый А. Боллер. Но потом появилась и другая гипотеза, связывавшая японский язык с австронезийской, или малайско-полинезийской, семьей, к которой принадлежат языки Малайзии, Индонезии и Океании; эту гипотезу выдвинул и пытался доказать Е. Д. Поливанов. В сторону поисков генетических связей именно с этими языками толкали исторические данные: древнейшее население Японских островов, по-видимому, составляли австронезийцы, сходные с аборигенами Тайваня (которые именно поэтому вызвали интерес выдающегося япониста Н. А. Невского), но на рубеже новой эры с континента вторглись кочевники-алтайцы; из смешения двух этносов сложились японцы. Впрочем, Е. Д. Поливанов не отрицал и японо-алтайское родство, считая, что японский язык — смешанный, принадлежащий одновременно к алтайской и австронезийской семьям. Старостин, однако, не признавал возможность смешения языков в принципе. Он исходил из аксиом, которых придерживались и ученые — классики индоевропеистики XIX в. Согласно этим аксиомам, никакой язык не может быть смешанным, а если какой-то народ заимствует большую часть базовой лексики, то происходит не смешение, а смена языка. Так, видимо, и произошло с австронезийскими предками японцев, которые, вобрав в себя численно уступавших им завоевателей, переняли их язык, сохранив в качестве субстрата не только сравнительно небольшую часть лексики, но и фонетический строй исконного языка.

Однако вопрос генетической принадлежности японского языка требовал особого рассмотрения. Были ученые, решительно отвергавшие алтайскую принадлежность японского языка, к ним относился, в частности, Н. Поппе, никогда, впрочем, не анализировавший японский материал. Наконец, как известно, с самими алтайскими языками нет ясности. Если в первой половине XX в. идея о существовании алтайской семьи господствовала, то с 50-х гг., после публикаций Дж. Клосона, среди тюркологов и монголистов стало преобладать мнение о том, что алтайского родства нет, а имеющееся между этими языками сходство — результат поздних контактов.

Старостин с самого начала, исходя из постулата о верности ностратической гипотезы, рассматривал данную проблему как часть ностратической проблемы. Уже В. М. Иллич-Свитыч пришел к выводу о том, что все причисляемые к алтайским языки являются ностратическими (тогда как австронезийские языки туда не входят). Но и среди старших коллег Старостина не было единой точки зрения; так, А. Б. Долгопольский считал, что особой алтайской семьи не было, а ее традиционные ветви — отдельные семьи, входящие в ностратическую макросемью. С чем сравнивать праапонскую систему, восстановленную Старостиным-студентом, еще надо было разбираться.

Для выяснения родственных связей японского языка нужно было применить методы сравнительно-исторического языкознания, что оказывалось сложно сделать из-за отсутствия близкородственных языков. Ученый пересмотрел существовавшие алтайские реконструкции и пришел к выводу, что отдельная алтайская семья действительно существовала, а японский язык представляет собой особую ее ветвь, отделившуюся от других алтайских языков раньше всех остальных, примерно в четвертом тысячелетии до новой эры (этим же временем обычно датируется и время существования индоевропейского праязыка;

следовательно, алтайский праязык еще древнее). К австронезийской же семье японский язык не относится, хотя с ней имеются сходства, объясняемые контактами и субстратными влияниями в историческое время. Эти выводы — выдающийся вклад в науку о языке, важный и для историков и археологов. Хотя на уровне гипотез и деклараций все эти положения высказывались и до Сергея Анатольевича, но впервые было предъявлено их доказательство (впрочем, и сейчас они признаются не всеми специалистами, на чём я остановлюсь ниже).

Одним из важнейших аспектов, связанных с алтайским родством, было использование метода глоттохронологии, предложенного американским лингвистом М. Сводешем в 40-х гг. XX в. и до сих пор вызывающего споры, в том числе и среди алтаистов. Формула Сводеша, как указывают в уже упомянутом учебнике С. А. Старостин и С. А. Бурлак, по происхождению представляет собой «формулу полураспада радиоактивного углерода, используемую при радиоуглеродном датировании в археологии и палеонтологии» [Бурлак, Старостин 2005: 131]. Почему эта формула может работать и на лингвистическом материале, не обосновывалось.

Построения М. Сводеша были основаны лишь на индуктивном обобщении известных ему фактов (или на аналогии с другими науками) и не имели строгого доказательства ни с точки зрения состава базовых значений, ни с точки зрения постоянства изменений соответствующих слов, поэтому многие лингвисты их отвергают, нередко на априорных основаниях. Однако (что вообще обычно в компаративистике) такого рода обобщения, казалось бы, ни на чём не основанные, работали и давали результаты; ниже я еще буду говорить об этом. Правда, оказалось, что формула М. Сводеша «умолаживала» время расхождения языков и требовала коррекции. Кроме того, М. Сводеш считал, что все сто слов из его списка имеют равные шансы замениться другими, что оказалось не так. Помимо канонического списка М. Сводеша, предлагали и другие. С одной стороны, 100 значений расширяли до 110 и даже 200; с другой стороны, коллега Старостина из Ленинграда С. Е. Яхонтов (1926—2018) предложил список из 35 самых устойчивых значений.

Старостин постоянно обращался к методу глоттохронологии, на нем основаны его построения и в области алтаистики, и при изучении других семей. Однако он поправил М. Сводеша, пересмотрев и усложнив его формулу, выделив возмущающие факторы (постоянство смены базовой лексики не соблюдается в случае замены исконного слова на заимствованное) и учитывая различную степень «базовости» лексики: 35-словный список С. Е. Яхонтова, собственный 55-словный список, канонический стословный список, список из 110 слов. Хотя в алтаистике были попытки на основе глоттохронологии показать отсутствие алтайского родства, но, по мнению Старостина, они не были убедительны, а сам он получил иные результаты.

Ученый сопоставил списки базовой лексики для выполненных его предшественниками и частично им скорректированных реконструкций тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского и корейского праязыков, используя также новые материалы, в частности корейские, собранные им в 1978 г. на Сахалине. Ему удалось выяснить, что, например, между тюркскими и монгольскими языками в списке М. Сводеша имеется 20 слов общего происхождения, а между монгольскими и корейским — 16. Это вполне соответствует принятым критериям признания таких языков родственными. А поскольку многие исконно общие слова сохранились не во всех ветвях алтайской семьи, то процент общеалтайской базовой лексики оказался еще более значительным. Затем он сопоставил эти реконструкции с собственными реконструкциями праяпонского языка. И обнаружилось, что если исходить из 110-словного списка и учитывать четыре семантических дублета в праяпонском, то, как пишет Старостин в своей книге 1991 г., «среди этих 114 лексем мы имеем 81 лексему алтайского происхождения (среди них 49 с точным семантическим соответствием в одном или нескольких алтайских праязыках и 32 лексемы без такого соответствия, но с достаточно надежной алтайской этимологией)». Это очень большой процент. А с австронезийскими языками у праяпонского обнаруживается только 9 совпадений в базовой лексике, из них лишь три в 35-словном списке, что можно объяснить древними заимствованиями [Старостин 1991: 115].

Не надо думать, что вся деятельность ученого сводилась к использованию и коррекции метода глоттохронологии. Он был нужен для интерпретации реконструированных праформ, а сами эти праформы восстанавливались на базе традиционного сравнительно-исторического метода, разработанного в XIX в. и основанного прежде всего на установлении регулярных фонетических соответствий между родственными языками. Этот метод вызывал критику и в XIX в., и в первой половине XX в., и со стороны дилетантов вроде Н. Я. Марра, и со стороны крупных ученых (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. Трубецкой), а сейчас на Западе многими третируется. При замечательных результатах, полученных с помощью этого метода, лингвисты отмечали его недоказанность. Например, А. Сеше писал: «Лингвистика фактов сумела самостоятельно пробиться к самым замечательным открытиям. Теоретическая наука лишь следовала за ней». В частности, это относилось к регулярности фонетических законов, не поддающейся «рациональ-

ному обоснованию», попытки сформулировать которое не увенчались успехом. «И если мы по-прежнему верим в плодотворность этого принципа, то потому, что он существует и приносит пользу, а совсем не потому, что мы его поняли» [Сеше 1908/2003: 43].

Но Старостин, основываясь на замечательных результатах, полученных на основе этого метода, считал «аксиоматику сравнительно-исторического языкознания» незыблемой и применимой к любым языкам. Как пишет в предисловии к одноименному труду Старостина Вяч. Вс. Иванов, он «разработал принципы сравнения, пригодные для всех существующих шести-восьми тысяч языков и их главных диалектов и возможных предков» [Иванов 2007: XI]. Старостин, например, считал неправильным варьировать списки базовой лексики для разных культурных ареалов, веря в универсальность компаративной методики, включая глоттохронологию, для любых семей и групп. Исходя из принципов, усвоенных в студенческие годы, он всегда искал подтверждения универсальных законов языка, пусть не всегда такие законы пока что познаны.

Постепенно идеи советской ностратики стали известны за рубежом. Здесь сыграли роль и поездка Старостина на ПИАК (Постоянную международную алтаистическую конференцию) в Ташкенте в 1986 г., и особенно поездка осенью 1988 г. делегации советских ученых, работающих в рамках данного направления, на конференцию в Мичиганский университет в США. Старостин, по возрасту один из самых молодых, стал на ней неформальным лидером. «Десант» советских компаративистов вызвал на Западе несомненный интерес, подогревавшийся тогдашней модой на Россию: там ностратики не было (за исключением ученых, ранее эмигрировавших из СССР), а компаративистика была во многом другой. Нашим участникам конференции казалось, что теперь их идеи станут мировыми. Но позже выяснилось, что, кроме внешних препятствий, бывают и внутренние

Если в России к концу 90-х годов Сергей Анатольевич стал общепризнанным главой научной школы (знаком признания стало и избрание в академию), то иначе сложилась ситуация в мире. За рубежом ностратика знают лучше, чем большинство других направлений российской лингвистики. И всё равно к ней относятся в лучшем случае как к любопытной экзотике, вряд ли соответствующей языковой реальности, в худшем — как к ошибочному направлению. Причин здесь несколько. Сам факт того, что принципиально новые идеи исходят из России, мода на которую прошла, не способствовал мировому признанию идей Старостина и ностратики в целом. Сыграла, по-видимому, роль и деятельность некоторых эмигрантов из СССР и России. Старостину было проще что-то сделать самому, чем выяснять, что здесь уже сделали другие (эта черта сближала его с Е. Д. Поливановым), хотя предшественники могли добиться существенных результатов и просто знать какие-то факты, которые Старостин не знал. Игнорирование им работ некоторых ученых заочно задевало их. Наконец, специалисты по отдельным языкам и языковым группам, досконально их знающие, могли видеть у него ошибки из-за неучета каких-то данных.

Но, пожалуй, главная причина заключалась в том, что Старостин последовательно стоял на позициях классического сравнительно-исторического языкознания. Сами по себе идеи родства тех или иных языков понятны многим, но в их доказательствах могут разобрататься даже не все лингвисты, а лишь те из них, кто овладел сложнейшим сравнительно-историческим методом, который обычно усваивается в юности и требует полной отдачи. Когда-то считалось, что заниматься языкознанием и использовать сравнительно-исторический метод — одно и то же, но Ф. де Соссюр открыл путь к научным исследованиям языка, не требующим владения этим методом. А сейчас на Западе, особенно в США, распространена идея о том, что сравнительно-исторический метод устарел, что родство языков можно доказывать и иными способами, скажем, через массовое фронтальное исследование всей лексики сразу многих сравниваемых языков, без кропотливого установления регулярных соответствий, или же через расшифровку геномов носителей тех или иных языков. Таким лингвистам Старостин мог казаться чуть ли не человеком XIX века, пусть вооруженным современной техникой.

Старостин, однако, не хотел тратить время на споры с оппонентами, предпочитая позитивную деятельность. Возглавив научный коллектив, он уже мог планировать большой объем работы по сравнению гигантского числа языков мира, в идеале (которого Старостин не успел достичь) всех языков. Как он писал в статье 1999 г. «О доказательстве языкового родства», «какие-либо теоретические препятствия на пути дальнейшего сравнения или реконструкции отсутствуют», однако имеются трудности, связанные с большим объемом информации, и нужна «готовность к кооперации со стороны специалистов по отдельным языковым семьям» [Старостин 1999: 65]. С уже сложившимися специалистами, в том числе по алтайским языкам, кооперация получалась редко, но Старостин умел своей харизмой привлекать молодежь. И он один мог держать в голове всю гигантскую работу в целом. В той же статье 1999 г. он писал: «Для оценки родства внутри макросемей типа ностратической большинству специалистов просто не хватает знаний по отдельным семьям» [там же: 58]. А кому, кроме него, таких знаний по-настоящему хватало? Он, несомненно, считал, что его реконструкции отражают «божью правду», как иногда говорят

американские лингвисты. Как свидетельствуют его ближайшие коллеги, Сергей Анатольевич не верил в бога, но у него существовала абсолютная, прямо религиозная убежденность в том, что всё на самом деле происходило так, как получалось из его реконструкций. Старостин был убежденным сторонником единого происхождения всех языков мира (моногонеза) и всерьез мечтал дойти до реконструкции «языка Адама», именно так он и выражался в выступлениях последних лет. Не успел.

К сожалению, взаимное недопонимание, сложившееся между Сергеем Анатольевичем и рядом алтаистов, проявилось и в том, что после удачного дебюта в Ташкенте в 1986 г. он не участвовал в работе конференций ПИАК. Однако, когда летом 2005 г. ПИАК собрался под Москвой, он все-таки согласился выступить на заседании 11 июля. Доклад не вызвал критики, но в его обсуждении участвовали одни только российские делегаты. Никто не мог думать о том, что это одна из его последних конференций. Вечером 30 сентября сразу после занятия со студентами в РГГУ Старостин скоропостижно умер прямо в здании университета. Вскрытие показало, что у него уже был перенесенный на ногах инфаркт, а причиной смерти стал тромб. Ему было 52 года.

Коллектив, основанный Старостиным, продолжает существовать, в области алтаистики активно работают, в частности, его соавторы по «Этимологическому словарю» А. В. Дыбо и О. А. Мудрак; у них уже есть свои ученики. К сожалению, например, на конференциях ПИАК ностратика опять перестала приветствоваться. Но и книга «Алтайская проблема и происхождение японского языка», и подготовленный с его участием алтайский этимологический словарь, и многие другие труды остаются важными вехами в мировой науке. Вся жизнь Сергея Анатольевича была подчинена большой страсти: дойти до «языка Адама», пусть пока так и неизвестно, был ли он на самом деле.

Литература

Алпатов, Аркадьев 2008 — *Алпатов В. М., Аркадьев П. М.* Сведения по фонологии и морфонологии // *В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская.* Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008. С. 35—60. {*Alpatov V. M., Arkadyev P. M.* Data on phonology and morphonology // *V. M. Alpatov, P. M. Arkadyev, V. I. Podlesskaya.* Theoretical grammar of the Japanese language. Vol. 1. Moscow, 2008. P. 35—60.}

Вардуть, Старостин, Алпатов 2000 — *Вардуть И. Ф., Старостин С. А., Алпатов В. М.* Грамматика японского языка. М., 2000. {*Vardul I. F., Starostin S. A., Alpatov V. M.* The grammar of the Japanese language. Moscow, 2000.}

Дьяконов, Старостин 1988 — *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // *Древний Восток. Этнокультурные связи.* М., 1988. С. 112—163. {*Dyakonov I. M., Starostin S. A.* Hurrian-Urartian and East Caucasian languages // *Ancient East. Ethnocultural relations.* Moscow, 1988. P. 112—163.}

Иванов 2007 — *Иванов Вяч. Вс.* Предисловие // *С. А. Старостин.* Труды по языкознанию. М., 2007. С. VIII—XXVIII. {*Ivanov Vyach. Vs.* Introduction // *S. A. Starostin.* Works on linguistics. Moscow, 2007.}

Сеше 1908/2003 — *Сеше А.* Программа и метод теоретической лингвистики. М., 2003. {*Sechehaye A.* Programme and method of the theoretical linguistics. Moscow, 2003.} 1-е изд. {1st edition}: *Sechehaye A.* Programme et méthodes de la linguistique theorique. Psychologie du langage. Paris — Genève, 1908.

Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989. {*Starostin S. A.* The reconstruction of the Old Chinese phonological system. Moscow, 1989.}

Старостин 1991 — *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. {*Starostin S. A.* The Altaic problem and the origins of the Japanese language. Moscow, 1991.}

Старостин 1999 — *Старостин С. А.* О доказательстве языкового родства // *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика.* М., 1999. С. 57—69. {*Starostin S. A.* Proving Language Relationship // *Typology and Theory of Language. From description to explanation. A Festschrift for A. E. Kibrik on his 60th Birthday.* Moscow, 1999.}

Старостин 2007 — *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М., 2007. {*Starostin S. A.* Works on linguistics. Moscow, 2007.}

Бурлак, Старостин 2001 — *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001. {*Burlak S. A., Starostin S. A.* Introduction to the comparative linguistics. Moscow, 2001.}

Бурлак, Старостин 2005 — *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. {*Burlak S. A., Starostin S. A.* Comparative linguistics. Moscow, 2005.}

Nikolaev, Starostin 1994 — *Nikolaev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden — Boston, 2003.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **р а з р я д к о й**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >